

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2019. Т. 25

№ 1 (183)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2019. Vol. 25

№ 1 (183)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)
- А. Е. Аникин**, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)
- Дж. Боулт**, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)
- А. В. Головнев**, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)
- В. Л. Иваницкий**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- С. Г. Корконосенко**, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
- К. Кроо**, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)
- Дж. Майклсон**, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)
- А. Мустайоки**, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)
- Б. Ю. Норман**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)
- Г. Саймонс (Greg Simons)**, PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)
- Э. Э. Сыманюк**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- А. Федотов**, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)
- Г. Г. Щепилова**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

- В. М. Амиров**, канд. филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)
- Ю. М. Ершов**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Томск, Национальный исследовательский Томский
государственный университет)
- Т. А. Снигирева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Л. П. Быков**, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)
- Ю. В. Матвеева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Б. Н. Лозовский**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Э. В. Чепкина**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. П. Чудинов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- О. Л. Девятова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. Б. Кириллова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. Я. Мурзина**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)
- Г. А. Глотова**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- Н. С. Глуханюк**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. А. Ершова**, канд. психол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- С. А. Минорова**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- Т. Ю. Быстрова**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)
- Г. Е. Зборовский**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. В. Зиновьев**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- В. Ф. Олешко**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Р. Коул (Richard Cole)**, PhD, проф. (США,
Чапел Хилл, Университет Северной Каролины)

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Вороненкова Г. Ф., Турбин А. И.* Русские и немцы: непрощенные войны на страницах газет, или Как и почему рождаются фейк-ньюс 5
- Горина Е. В., Козлова Д. А.* К постановке проблемы: трансформация концепта «День Победы» в российском и зарубежном кинематографе 18
- Егорова Л. Г.* Современный региональный дискурс СМИ: тема культуры на страницах изданий Республики Крым 30
- Шиштарёнок Е. В.* Трансформация механизмов саморегулирования журналистики в Великобритании (колонка омбудсмана газеты «The Guardian») 37
- Вихорева Л. Г.* Трэвел-журналистика как фактор публичности туристической практики 47
- Каблуков Е. В.* Практики конструирования культа личности Сталина в советском медиадискурсе 56
- Киселева Ю. И.* Современное научно-популярное кино: специфика и тренды 67

ПОЭТИКА

- Хадьинская А. А.* Экфрасис в ранней лирике Георгия Шенгели 78

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Симбирцева Н. А.* Мультимедийный текст и альтернативные коммуникативные практики 88
- Серебрякова Е. Г.* Шестидесятники: биография поколения 99
- Добрейцина Л. Е.* Этнокультурная политика на современном Урале в официальных документах региональных властей (на материале Свердловской области и ХМАО) 106
- Корючкина П. С.* Формирование этнокультурной толерантности средствами медиа 116
- Борисова И. З.* Культура Бретани и трансформация культурной идентичности в эпоху глобализации 122

- Быстрова Т. Ю., Мазаев Г. В.* Когда архитектор рисует монументы: март 1918 г. в творчестве С. В. Домбровского 130
- Шаманина Т. С.* Образ женщины в советском плакатном искусстве межвоенного периода (1918–1939 гг.) 139

ПСИХОЛОГИЯ

- Каранетян Л. В.* Предикторы эмоционально-личностного благополучия. Часть 3: негативные предикторы 145
- Сергеева Т. Б., Ильченко И. А.* Взаимосвязь рефлексии и кризисных переживаний у педагогов дошкольной образовательной организации с разным стажем работы 152
- Муслумов Р. Р., Печеркина А. А., Веденкина И. П.* Взаимосвязь психологических защит подростков с разными типами акцентуаций характера 160
- Дорогина О. И., Хамова П. М., Хлыстова Е. В.* Преодоление алекситимии методом танцевальной терапии у лиц с невротическими расстройствами 169

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Шуклина Е. А.* Культура доверия как фактор формирования сетевых взаимодействий вузов 174

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

- Кубасов А. В.* Из истории театральной жизни Екатеринбурга (1879–1881 гг.) 185

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Мясникова М. А.* Эстетический потенциал журналистики. Рец. на кн.: Эстетика журналистики / А. И. Бельский [и др.] ; под ред. М. А. Бережной. СПб. : Алетей, 2018. — 252 с. : ил. 193

ЮБИЛЕИ

- Профессору Людмиле Михайловне Майдановой исполнилось 80 лет 198
- S u m m a r y 200

УДК 070.23(470) + 070.23(430) + 004.032.6

Г. Ф. Вороненкова
А. И. Турбин

РУССКИЕ И НЕМЦЫ: НЕПРОЩЕННЫЕ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ, ИЛИ КАК И ПОЧЕМУ РОЖДАЮТСЯ ФЕЙК-НЬЮС

В статье рассматриваются понятия «фальшивые новости» (fake news) и «постправда» (post-truth) в теоретическом и практическом ракурсах; анализируются истоки негативного образа России в печатной периодике Германии в двух аспектах — психологическом и историческом, описываются некоторые современные форматы медиа, созданные для борьбы с фейк-ньютс. Любопытен один из выводов: первооткрывателем происхождения fake news был основатель Реформации Мартин Лютер. Авторы на фактическом материале показывают исторические истоки негативных оттенков в освещении событий в Советском Союзе и России в средствах массовой информации Германии. Параллельно обосновывается неблагоприятная тенденция: освещение событий в Германии в советских, а затем российских медиа также зачастую страдает как минимум отсутствием полноты и объективности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фейк-ньютс; постправда; печать Германии; новые форматы медиа; dekode.org («декодер»); блогосфера; «гносен» (нем. Gnosen).

Термин 2016 г. Среди новых вызовов, с которыми сталкиваются СМИ в последние годы, можно назвать «фальшивые новости» (fake news) и «постправду» (post-truth). Нельзя утверждать, что они появились только в 2016 г., но именно тогда эти определения стали массово упоминаться в медиа. Намеренное распространение дезинформации в традиционных СМИ и социальных сетях с целью введения в заблуждение для того, чтобы получить финансовую или политическую выгоду (то, что мы понимаем под fake news [33]), использовалось еще задолго

ВОРОНЕНКОВА Галина Федоровна — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (e-mail: galina-f-w@ya.ru).

ТУРБИН Алексей Игоревич — кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Радиофронт», г. Москва (e-mail: turbi60@mail.ru).

© Вороненкова Г. Ф., Турбин А. И., 2019

до появления Интернета. Как свидетельствует майнцский профессор Юрген Вильке (Juergen Wilke) в переработанной книге Эмиля Довифата (Emil Dovifat) «Газетоведение», уже в XVI в. для фальшивых сообщений использовалось слово «утка» (Ente), и Мартин Лютер (Martin Luether) в 1537 г. обосновывал происхождение определения «легенда» (Legende) слиянием двух слов — Lug-ente [13, 132–133]. В Германии в XIX в. на волне Мартовской революции 1848–1849 г. возникли термин «лживая пресса» (Luegenpresse), обозначавший оппозиционную печать, и термин «беспринципная пресса» (Gesinnungspresse), характеризовавший ведомственные издания [1, 80]. Вряд ли кто-то думал, что они возродятся в нынешнем столетии, так как объективность немецкой прессы в большинстве случаев не подвергалась сомнениям. И возродились они в связи с фейк-ньюс.

С 2013 г. в Мюнхене выходит американская онлайн-газета «Хаффингтон Пост Дойчланд» (Huffington Post Deutschland), позиционирующая себя как леволиберальное издание и имеющая около 4 млн читателей в месяц. Именно она использовала термин «люгенпрессе» в своем комментарии: «Тот, кто ранее считал, что термин “лживая пресса” был плодом воображения сторонников Пегиды (Pegida)¹ и AfD (AfD — Alternative fuer Deutschland)², ошибался. Обвинение в том, что контент немецких СМИ преднамеренно искажается, уже давно обсуждается представителями этаблированных партий. Например, после инцидентов в новогоднюю ночь в Кельне, где насилию были подвергнуты десятки женщин, политик ХСС Ханс-Петер Фридрих (Hans-Peter Friedrich) говорил о “молчаливом картеле” и выдвинул обвинение в том, что в немецких СМИ имеет место “замалчивание новостей”. В начале января 2016 г. Генеральный секретарь ХСС Андреас Шойер (Andreas Scheuer) также предположил, что информация была умышленно сдержанной» [20].

Следует заметить, что термины «фальшивые новости», «политика постправды» или «эра постправды» стали широко использоваться именно в 2016 г., и прежде всего в ходе кампании по проведению референдума о выходе Великобритании из ЕС и во время электорального периода выборов президента в США. Не стоит подробно останавливаться на толковании терминов «постправда» и «фальшивые новости». Согласно словарям, политика постправды (англ. post-truth politics) — тип политической культуры, в которой дискурс характеризуется частым взыванием к эмоциям, не связанным с деталями политических проблем, а также упорным игнорированием фактов, опровергающих утверждения [8]. Современное происхождение термина приписывается блогеру Грегори Дэвиду Робертсу (Gregory David Roberts), который использовал его в 2010 г. в колонке для интернет-издания Grist [26].

Вероятнее всего, термин появился именно в английском языке потому, что в нем для обозначения понятий «правда» и «истина» используется одно и то же

¹ Пегида — организация «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (Patriotische Europäer gegen Islamisierung des Abendlandes) начала активную деятельность на улицах Дрездена в октябре 2014 г.

² Консервативная политическая партия евроскептиков, основана 6 февраля 2013 г. По итогам выборов 24 сентября 2017 г. стала третьей по численности партией в Бундестаге.

слово «truth». В русском языке между двумя понятиями существует разница: если «правда» означает скорее справедливость, которая заведомо является субъективной, то «истина» означает действительность, которая должна быть объективной [2]. В английском языке, равно как и в немецком, в слове «Wahrheit» эта разница не отражена.

В немецкий язык английский термин post-truth («постправда») вошел как «postfaktisch» («постфактический»), когда Общество немецкого языка (ОНЯ — GfdS), находящееся под попечительством Бундестага, в 2016 г. определило его вслед за Оксфордским словарем (Oxford Dictionary) [21]. Как разъяснило ОНЯ, «искусственно созданное слово “постфактический” указывает на то, что в политических и общественных дискуссиях все чаще сегодня эмоции подменяют факты». Речь идет о глобальном преобразовании (развитии) «правды в прочувственную (чувствительную) правду». При таких «глубоких политических переменах и вызовах все возрастающее количество разных слоев населения питает отвращение к тем, кто “наверху” готов игнорировать факты и даже акцептировать очевидную ложь».

В качестве примера типичной постправды было приведено заявление баллотировавшегося на пост президента США Дональда Трампа (Donald John Trump) о том, что будто бы президент Барак Обама (Barack Hussein Obama) основал запрещенную в России террористическую организацию «Исламское государство». К уже привычным примерам информационной западной «постправды» относятся сообщения о якобы имевшем место нападении России на Грузию 8 августа 2008 г. (грузино-юго-осетинская война) и обвинения России во вмешательстве в выборы президента США в 2017 г. Оба эти утверждения до сих пор до конца не были дезавуированы.

Проблема фальшивых новостей в 2016 г. достигла таких масштабов, что на их производстве строятся целые бизнесы, а социальной сети «Facebook» приходится объясняться, повлияло ли распространение лжи и «желтых» новостей в соцсети на результаты выборов в США [3]. Западные политические эксперты считают, что политика постправды господствует в Соединенных Штатах, России, Китае, Австралии, Индии, Великобритании и Турции, а также в других странах, где дискурсом руководит комбинация 24-часового новостного цикла, дисбаланс в освещении новостей и рост вездесущности социальных медиа.

Уже упоминавшаяся выше Huffington Post Deutschland вложила в уста бывшего председателя Социал-демократической партии Германии (СДПГ), а ныне одного из лидеров партии Левых³ Оскара Лафонтена (Oskar Lafonten) «критику в отношении доверия к немецким СМИ». В сообщении в «Facebook» он обвиняет журналистов в получении заказов от американской разведки: «Тот факт, что ЦРУ руководит многими немецкими журналистами... хорошо известен». В приведенной статье Лафонтена, озаглавленной «Военная пропаганда», речь идет о том, что он считает односторонним освещение войны в Сирии [20].

³ Партия левых (Linke) создана в 2005 г. вместе с восточногерманской Партией демократического социализма и получила название «Левая партия. ПДС» (Linke Partei. PDS). После ее реформирования в июне 2007 г. носит название «Левые».

Поскольку мы давно занимаемся историей Германии и исследованием ее СМИ, то предприняли попытку отыскать истоки возникновения и распространения фейковых сообщений. Причин, понятно, много, но авторы сознательно остановились на двух главных.

Пятнадцать лет назад мы начали вступление к одной из книг о германском воссоединении с пассажа о том, что никакие другие отношения на протяжении веков так эмоционально не были окрашены, как российско-германские. Мысль оказалась «долгоиграющей», хотя в нашу малоэмоциональную пору уместнее говорить уже о психоэмоциональных, а нередко и ментальных стереотипах и исторически обусловленных вызовах, они же challenges, они же Herausforderungen.

Вопросом о том, каков в германской прессе образ России, уже даже как-то неприлично задаваться: не очень положительный он, этот образ, если не сказать — отрицательный. Одни заголовки чего стоят: «Запад против России: и всегда виноват Путин» (Шпигель/Spiegel) [9], «Европа и Россия: Запад демонизирует Путина» (Шпигель-онлайн/ Spiegel-online) [15], «Президент России и Крым» (ТАЦ/ taz) [29], «Слишком много паники вокруг Путина (Цайт-онлайн /Zeit-online) [35], «Запад виноват в том, каким сегодня стал Путин» (Вельт/Welt) [10] и т. д. Следует, правда, заметить, что в декабре 2014 г. в газете «Цайт» (Zeit) был опубликован материал московского корреспондента Михаэля Тумана (Michael Thumann) под заголовком «Политика Путина. Кто хочет Россию понять, тот должен ее услышать», в котором, в частности, говорилось: «Те, кто утверждают, что Россия своим поведением реагирует на политику Запада, тот не знает эту страну. У России свой путь, и она его выбрала осознанно» [23].

Основных же причин негативного образа РФ, как отмечено выше, две — психологическая и историческая.

Начнем с *психологии*. Совершенно очевидно, что западная «свободная пресса», взвалившая на себя непосильный груз называться именно так, просто обязана непрестанно это высокое звание оправдывать. А как? Конечно, путем выработки некоторой самостоятельной позиции, заключающейся в том, что если газета или журнал не декларируют себя в качестве органа политической партии, то суждения мастеров слова должны быть свободны и вытекать из этой самой позиции, или, как это называется в СМИ Германии, концепции.

Смысл позиции издания в конечном счете сводится к тому, что какие-то явления действительности надо одобрять (западные политические и экономические свободы, например), а что-то гневно осуждать или по крайней мере рассматривать свысока, снисходительно, а порой и презрительно. Причем картину мира надо по возможности упрощать. Какими бы образованными ни казались на первый взгляд читатели, они должны точно знать, что применительно к России слово «либеральный» значит «прогрессивный», а «авторитарный» — напротив.

И вот здесь сокрыта опасность фальшивых новостей, которая заключается не только в их заведомой ложности, но также и в том, что чаще всего они создаются целенаправленно для пользователей прессы, но главное — для социальных сетей. В такой новости нет сложности, ее цель — привлечь читателя, повлиять на его эмоции и заставить его действовать, для начала хотя бы привлечь внимание своих

друзей в социальных сетях и читателей издания, т. е. оставить ссылку на новость или переопубликовать ее на своей странице. Скорее всего, некоторые друзья поступят также. Поэтому ложные сообщения, призванные повлиять на эмоциональную сферу, особенно опасны — они слишком быстро распространяются и формируют ложные установки для общественного мнения [32, 6].

Надо признать, что именно Россия как никакая другая страна годится на роль эдакого глобального пугала-противовеса западным ценностям. А посему написать о том, как недостижимо мудр наш президент, каких гигантских успехов достигли благословенные национальные проекты и как у нас стремительно растет поголовье айпадов на душу населения — неверно. У нас же никакого тебе либерализма — а сплошь кругом беспросветный авторитаризм!

Что касается фальшивых новостей вообще, то это как раз те новости, авторы которых намеренно под видом фактов освещают выдуманнные события с целью манипулирования общественным мнением. Сотрудник центра цифровой журналистики при Колумбийском университете в США Крэг Силверман (Craig Silverman) разработал программу Emergent, демонстрирующую, что слухи и различные материалы, основанные на неподтвержденных фактах и фальшивых источниках, получают в социальных сетях большее распространение, чем статьи с последующим опровержением [27].

Почему же воздействие «фальшивых новостей» и «политики постправды» оказалось столь эффективным даже в Германии, журналистика которой всегда позиционировала себя как объективная? Издерганные кризисом нервишки западного обывателя, будь то читатель «качественного» издания толщиной 85 страниц или «желтоватого» и снабженного фотографиями полуобнаженных девочек «Бильда» (Bild), отлично «полечит» заметка о том, как ужасен режим в Чечне! Чего стоит публикация в журнале «Фокус» (Fokus) с такими строками: «Бундесканцлер подыгрывает Москве в чеченской лжеигре!» [24]. Или публикации о том, как грубо давится наша восхитительная несистемная оппозиция и как топорно и жульнически готовились Олимпийские игры в Сочи. «So was gibt es nicht» («Так не бывает!») воскликнет отвлеченный от неясности, а то и бесперспективности собственного бытия бюргер — и задача прессы как коллективного пропагандиста и утешителя частично выполнена. Проще говоря: вон как у них все плохо на фоне вновь достаточно высоких нефтяных цен — а мы-то еще ничего, держимся...

С другой стороны, понятно, что негативная информация в «Ди Вельт» (Die Welt) или в «Комсомольской правде» на порядок лучше будет «схавана пиплом», чем серьезная беспристрастная аналитика. Яркий пример из недавнего прошлого — «утка» из британской «The Sun» о том, что на борту тонувшего в 2012 г. итальянского лайнера «Коста Конкордии» русские туристы якобы давали стюардам взятки за внеочередную посадку в шлюпки, расталкивая женщин и детей: «Богатые мерзавцы, so was gibt es nicht!» [25].

Очевидно, что благодаря влиянию на столь значимую личностную составляющую, как собственные идеологические взгляды на мир, посредством прямого или косвенного воздействия на эмоции и чувства человека, зная особенности человеческого поведения, можно влиять на его когнитивную составляющую.

Другая причина — *историческая*. С начала XIX в., с печального для цивилизованной Европы наполеоновского похода, русские и немцы беспрестанно воевали. В ближней ретроспективе поддержка Россией прусской монархии надолго настроила против нашей страны германскую либеральную буржуазию. А поскольку пресса в середине XIX в. стала одним из порождений этого класса, то и нечего удивляться, что России поставили в вину все что угодно: и темное фаталистически настроенное население, и жестокость, и пьянство, и агрессивно-захватнические и антиевропейские настроения. Особой мощи такие оценки достигали в ходе мировых войн XX в. Только вот эти неорганизованные азиаты-комиссары сумели победить блистательные гитлеровские орды, сплошь состоявшие из богоподобных носителей великой арийской культуры!

Припомним в ряду причин газетной неприязни к нам другое событие — образование СССР. Этот факт дал ненавистникам «восточного монстра» еще тысячу причин разнообразно — и порой по делу — уничтожительно критиковать нашу страну. И ненависть к ее идеологии ничуть не ослабла даже тогда, когда на порядок более агрессивная власть возобладала над умами немцев в 1933 г. Впрочем, это не мешало Гитлеру наслаждаться лозунгом «единства будущей Европы» (под его личным чутким руководством) и ее освобождения от «еврейского большевизма», что в полной мере находило отражение на страницах германских газет того времени.

«Не убедила» немецкую прессу в нашей способности к позитивному развитию и пресловутая перестройка. Красочные растяжки со слоганом «*Russen kommen!*» (Русские идут!) были главным украшением берлинских улиц в конце 1989 — начале 1990 г. Мало кто тогда знал, что это — название фильма, снятого в 1968 г. Хайнером Кароу (Heiner Carow) на студии ДЕФА (ГДР), запрещенного после премьеры в 1971 г. и возрожденного в середине 1980-х гг.

Главным же предметом озабоченности германских СМИ теперь стало возможное растаскивание российского ядерного потенциала, почти всеобщее обнищание на фоне «красных пиджаков» новых русских и, конечно же, зверств в Чечне. Если в январе 1995 г. центристская «Зюддойче цайтунг» (*Sueddeutsche Zeitung*) писала о «русских варварах», то сегодня общественно-правовой канал Дойчландфунк (*Deutschlandfunk*), не смущаясь, заявляет: «Россия — противник» (*Russland ist ein Gegner*) [28].

Фактически данная санкция на воссоединение Германии в 1990 г. не спасла М. С. Горбачева от снисходительной критики немецких СМИ. Во время германского объединительного процесса звучали разные мнения: и о «колонизации Восточной Германии» (статья опубликована в США и переведена на русский язык) [6, 33–50], и о разных позициях стран-победительниц: Великобритания была жестко против, Франция, по сути, «выторговала» замену марки и введение евро — всему этому есть документальные подтверждения. Сегодня дело дошло до того, что опровергается факт обещания Западом нерасширения НАТО на Восток, и президента В. В. Путина обвиняют во лжи: «Заявление Путина о “предательстве Запада” — ложь!» (*Putins “Verrat des Westens” ist eine Lüge*). Это озвучил общественно-правовой телеканал Фёникс (*Phoenix*) в материале «Покер в германском единстве» (*Poker um die deutsche Einheit*) [22].

Не очень лестные отзывы поначалу были в прессе и о любимшем подирижировать оркестрами президенте Б. Н. Ельцине, которого, как 24 декабря 1994 г. писала «Франкфуртер рундшау» (Frankfurter Rundschau), вполне «можно поставить в один ряд ведущих завоевательные войны царей и генеральных секретарей».

Приход к власти Путина смел эти аргументы и заставил искать новые. На главный вопрос: «Кто Вы, мистер Путин?» — до сих пор никто не смог ответить. Но теперь Россию следовало бояться уже в силу нацеленности на создание новой энергетической сверхдержавы. Возникли, стали множиться и множатся до сих пор обвинения в свертывании демократии, в склонности к авторитаризму. Возобладали в немецких СМИ такие темы, как вторая чеченская война, убийство А. Политковской и осуждение на длительный срок М. Ходорковского. Приведем названия материалов того периода только из одного журнала «Шпигель», которые публиковались на исходе прошлого века и в начале нынешнего: «В прошлом — шпион в Германии» [14, 196], «Люди без принципов» [19, 184], «Ангел на сложной дороге» [16, 108], «Царь, который любит немцев» [11, 85] и т. д. В 2017 г. началась истерия по поводу «системы государственного допинга», причем старт дало общественно-правовое телевидение.

Примечательно, что общий негативизм в отношении России подпитывали на первый взгляд совершенно противоположные тенденции в развитии нашей страны и даже совершенно разнонаправленные эпизоды. И так было всегда: почти триста лет назад некий нищий немецкий переселенец, направленный Екатериной на подъем российских ремесел в Сибирь и оставивший об этом забавные стихотворные воспоминания, сокрушался по поводу невероятной легкости местных нравов. Сперва, пишет он, «Sah ich den Batschka die Matuschka kuessen» («Я видел, как батюшка целует матушку») [4], а затем в высоком присутствии неимущего просвещенного европейца разыгралось прямо-таки неопишное сибирское бесстыдство. И это тоже не по-европейски!!!

Впрочем, советская пропаганда недалеко ушла от немецкой необъективности и предвзятости. Одному из авторов этой статьи посчастливилось в начале 1980-х гг. поработать в ТАСС, главном инструменте КПСС по идеологическому влиянию на массы. Темы публикаций о ФРГ были немногочисленны: это разного рода нацистские сходки и пронацистские настроения, постоянные «сокращения социальных расходов», ущемление прав гастарбайтеров да некий непрекращающийся, как мировая революция, «финансово-экономический кризис». Особо допущенные тассовские обозреватели писали комментарии под заголовками типа «Под крылышком боннской Фемиды» (про укрывательство фашистских извергов), иногда проходила информация об акциях самоотверженных немецких коммунистов и о «культурном обмене». Негусто, особенно если учесть, что большинство нашего неглупого уже на тот момент населения слышало о немецких автомобилях, имело знакомых, пробовавших немецкое пиво, а порой и просто держало в руках фломастеры Hergestellt in Deutschland. А фломастеры наш гордый форпост социального прогресса не производил, равно как джинсы, жвачку и прочие приятные, но судьбоносные, как оказалось, мелочи.

Не очень верится, что на Западе в какой-то форме происходили или происходят очные «накачки» главных редакторов со стороны власть имущих, «империалистов» и буржуев всех сортов. Это у нас такое вошло в моду — да и раньше происходило регулярно. (Кстати, как тут не припомнить «установочные совещания» в геббельсовском министерстве пропаганды!) Порой в европейскую редакцию ТАСС просто звонили из ЦК КПСС и начинали в беглом темпе извергать из себя начальственным тоном некий поток сознания. Бурный поток этот именовался «задиктовкой» и подлежал публикации практически в неизменном виде, какие бы фейк-ньюс в нем ни содержались. Смысл задиктовок был стабилен — все те же крылышки боннской Фемиды и «следование в фарватере агрессивных замыслов Пентагона».

Порой на Старой площади, где размещался всесильный ЦК КПСС, рождались идеи и вовсе экстраординарные: так, в 1984 г. кого-то там «торкнуло», что применительно к ФРГ негоже употреблять слово «западногерманский». Почему же? А потому, что слово «восточногерманский» было в нашей пропаганде табу! К счастью, эта замятинская филологическая инновация быстро забылась... Равно как не отлучили окончательно от эфира политически незрелого футбольного комментатора, в ходе московской Олимпиады-80 рискнувшего в прямом эфире предположить, что сборная ГДР состоит из «немецких футболистов».

Кстати, о ГДР. Пресса «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян», понятное дело, всячески возвеличивала СССР и в мелочах, и по-крупному на протяжении 40 лет, не боясь аналогий с никем не читанным Оруэллом, называя старшим братом и образцом для подражания. И только в интимном общении местные «настоящие коммунисты» иногда с большим сожалением сетовали: жаль, что социализм начали строить в СССР, а не у нас...

Характерен для понимания немецкой души еще один штришок: когда в конце 1980-х гг. у нас уже продавались одноразовые вареные джинсы, свирепствовало идеологическое и историческое самобичевание и разгул свободомыслия, руководство Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) во главе с Эрихом Хонеккером (Erich Honecker) робко, но определенно отмежевалось от этой нашей «перестройки». Дошло до того, что в Восточном Берлине невозможно было купить наши газеты и журналы, а «Новое время» и «Спутник» (орган агентства печати «Новости» по пропаганде советского образа жизни) и вовсе запретили. Орган ЦК СЕПГ «Нойес Дойчланд» (Neues Deutschland) стала в своей коммунистической заточенности святее папы Римского — что опять-таки, как в XIX в., обидело нарождающуюся либеральную буржуазию, и не только ее. Бездушные и не помнящие родства советско-российские власти жестоко отомстили смертельно больному Хонеккеру, лишив его даже моральной поддержки — он скрывался от той самой боннской Фемиды в московском посольстве Чили.

В противовес забытому на последнем этапе развития ГДР газетному лозунгу «Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать!» советская пресса Восточную Германию всегда жаловала, хвалила за бесчисленные позитивные инициативы местных комсомольцев-FDJтовцев и за сильную социальную политику — не без причины, кстати. Журнал «Знамя» — юной рукой одного из авторов этих строк — в 1979 г. утверждал, что ГДР «стала олицетворением всего лучшего,

что было в немецкой политике и истории» [7, 184–193]. Но кое в чем юный автор все же был прав: продукты в Восточной Германии были заметно дешевле, чем даже в СССР, и главное — практически всегда красовались на прилавке! И если 8 сортов колбасы вместо западных 48 и раздражали кого-то в Дрездене или Лейпциге — нас, советских, они просто восхищали. Но вот не предусматривал КПССовский стереотип подачи информации о ГДР такого греха, как возбуждение среди отечественных потребителей одного-двух сортов тухловатых мясных изделий зависти к немецким братьям по Совету экономической взаимопомощи и Варшавскому договору. О такого рода завоеваниях социалистической ГДР (а по сути — пережитках капитализма) писать в СССР было не принято.

Новые медиаплатформы. А что же нынешние поколения журналистов-международников? Преуспело ли на благородной ниве создания объективного образа всех сторон жизни Германии в наших расшарившихся СМИ? Отнюдь! Порой создается впечатление, что вдумчивый и непредвзятый взгляд на заграницу отечественного корреспондента и вовсе канул в Лету. Просочится на страницы наших «качественных» газет судьбоносная новость об извечных и никому у нас не понятных германских партийных распрях, оживят какую-нибудь рубрику типа «Нарочно не придумаешь» — и воспринимается это как очередная нетленка о сработанной на берегах Рейна самой длинной в мире сосиске. В случае Германии вместе с полунадуманным негативом пропал и позитив — вообще пропал, возможно, ушел в Интернет, интерес к международной информации на газетной полосе. А жаль.

...Вывод наш неутешителен: в пору глобализации мысли, интересов и подходов миром по-прежнему рулят упорно произрастающие из неславного прошлого и умело подогреваемые — по историческим и психологическим причинам — стереотипы. Результаты опроса, опубликованные во «Франкфуртер альгемайне», показали, что 36 % немецких журналистов, пишущих о России в наши дни, вольно или невольно опираются все на те же наваленные годами войн и неприязни кучи «Feindesbilder» (образ врага). И нельзя в целом не согласиться с М. С. Горбачевым, который пару лет назад указал на манеру немецких СМИ сообщать о нашей стране как о «злой» (Voesartig).

Это отмечают и немецкие исследователи, в частности, Удо Ульфкотте (Udo Ulfkotte) в качестве эпиграфа к своей книге «Так лгут журналисты. Борьба за квоты и тиражи» приводит слова известного в Германии и Европе профессора Элизабет Ноэлле-Нойманн: «То, что вы сегодня находите в головах у людей, часто не имеет ничего общего с реальностью, а является сконструированной и изготовленной медиа действительностью» [31, 416]. По сути, это то, что сегодня является постправдой. Автор анализирует формы, принципы и методы возникновения фейк-новостей, базируясь, правда, на анализе англоязычной прессы, что отнюдь не умаляет актуальности, да и отражения сущности событий. Приведем лишь некоторые из них: «Как авантюристы становятся авторитетами», «Летающие коровы, пороки и украденные чашки», «Эта новость — фейк», «Вымышленные цитаты», «Игра с цифрами», «Манипулируемая статистика» и т. д.

Одним словом, привычные негативные представления, лучше всего усвояемые несложными механизмами мозгового пищеварения, делают погоду в мире и определяют его кривоватые отражения в СМИ, электронных и традиционных. И нет особой надежды на то, что картина эта изменится к лучшему. По крайней мере пока, по С. Хантингтону [18, 22–49], не будет похоронена история или пока психика ввергнутых в горнило глобализации людей не будет стопроцентно управляема некими позитивными тенденциями или позитивно мыслящими интернационалистами-инопланетянами.

И все же современное журналистское сообщество пытается бороться с распространением фейковых новостей. В Германии в настоящий момент портал *Correctiv*⁴ в тестовом режиме разрабатывает функцию в соцсети «Facebook», которая позволила бы пометить фейковые новости. Возникают и новые форматы медиа, которые отвечают современным запросам аудитории на объективную интерпретацию и текущим вызовам. Один из них — немецкая платформа *dekoder.org* («Декодер»), созданная в конце 2015 г.

Как заявляется на сайте «Декодера», он позиционирует себя как медиа и в то же время является платформой, представляющей компетентные знания на тему России: «Мы объединяем российскую журналистику и научную компетенцию немецких университетов на общей платформе. Актуальные дебаты показывают, насколько проблематично в настоящий момент составить для себя адекватный и достаточно дифференцированный образ России. Те категории, в рамках которых мы, европейцы, привыкли рассматривать ситуацию в обществе какой-либо страны, в отношении России часто бесполезны. Исходя из этого, мы часто оказываемся восприимчивы к идеологиям, мифам и полемическим битвам “не на жизнь, а на смерть”» [34].

Чтобы этого избежать или хотя бы минимизировать негативные эффекты, создатели «Декодера» решили переводить материалы из российских СМИ и блогосферы, снабжая их пояснительными текстами о культуре, бэкграунде, политических предпосылках и т. д. — так называемыми «гносен». Гносен (нем. *Gnosen*) — небольшая по объему научная историческая справка о предмете, который, скорее всего, будет неизвестен массовому немецкому читателю и является релевантным для понимания новостной повестки в определенный временной промежуток. Название взято от греческого *gnosis* — постижение. Гносен нужны для того, чтобы даже те читатели, которые поверхностно разбираются в актуальной российской повестке дня, могли объективно воспринимать информацию без фальшивых интерпретаций.

По словам основателя и издателя *dekoder* Мартина Кроса (Martin Krohs), идея создать научно-медийную платформу пришла ему во время разговора с коллегой из Москвы: «Мы дискутировали об одной передаче телеканала “Дождь”. Это был “круглый стол” на политическую тему, участники которого активно дебатировали друг с другом и защищали свои, довольно отличающиеся друг от друга позиции.

⁴ Портал *Correctiv* представляет собой независимый проект для репортеров, которые занимаются следовательской журналистикой.

Тогда мы подумали, что нужно показать (прим.: немецкому читателю), что в России также существуют разнообразные точки зрения. Этот разговор стал, таким образом, ключевым моментом для решения создать *dekoder*» [12].

Из-за сложностей с переводом и ограниченных возможностей редакции в неделю выходит 2–3 переведенных материала, кроме того, практически еженедельно редакция составляет обзор прессы и новостную рассылку. Также есть культурные материалы редакции, посвященные российским кино и музыке.

Кроме того, в стране пытаются решить проблему и на государственном уровне — пространство для законодательных инициатив достаточно широко. Закон ФРГ предусматривает, что подача судебного иска за ложные сообщения возможна только если есть конкретные пострадавшие. В случае фейковых новостей из-за скорости распространения сложно найти непосредственного автора новости. Разработчики нового законопроекта подчеркивают, что он не должен превратиться в цензуру — в первую очередь закон должен защищать свободу слова [17].

Тем не менее многие СМИ постоянно сталкиваются с проблемой фальшивых новостей. И дело не только в том, что им приходится бороться с распространением неверной информации. Порой даже качественные медиа становятся источником тех самых фальшивых новостей. Согласно известному немецкому социологу Никласу Луману (Niklas Luhmann), «...мы так много знаем о массмедиа, что не можем доверять им. Защищаясь, мы обвиняем их в манипуляции, однако это обвинение не влечет за собой значимых последствий, поскольку знание, заимствованное у массмедиа, словно само по себе образует закрытую, саму себя подпирающую структуру. Подобное знание мы характеризуем как сомнительное, и все-таки вынуждены на нем основываться и из него исходить» [5].

Выводы. Мы не ставили перед собой цель — исследовать языковые теоретические категории с применением метода качественного контент-анализа, но нас интересовали формы передачи смысловых содержаний. При этом важно не влияние материала на потенциального реципиента, а представленные в нем направления интерпретаций и варианты значений. Именно так рождаются фейковые новости, так как в рамках качественной парадигмы социальная действительность возникает через взаимодействие участников, т. е. через коммуникацию. После фееричной победы сборной России в финале олимпийского хоккейного турнира было дано немало оценок этому историческому матчу, в том числе достаточно экзотичных. Так, некоторые зарубежные издания отмечали, что «россияне, чтобы стать олимпийскими чемпионами, не должны выступать под флагом страны», намекая на победу хоккеистов в 1992 г., когда сборная после распада СССР называлась Объединенной командой по хоккею с шайбой. Никаких выпадов или сомнений в этой российской победе на страницах и сайтах германских СМИ обнаружить не удалось. Скорее присутствовала легкая ирония: «Так круто мы никогда не проигрывали» — «So bitter! So toll! So geil haben wir noch nie verloren!» («Бильд») [30]. Но эта картина — очень редкое исключение.

Таким образом, можно заключить, что пресловутые фейк-ньюс — это не смелое изобретение философствующего Дональда Трампа, а вполне конкретный

инструмент, уже практически столетиями применяемый германскими СМИ при оценке событий в России. Это целая система, зиждущаяся на целепостановке, исторических корнях и самоцензуре, направленная на то, чтобы подчеркнуть невозможность вхождения новой России в систему западных ценностей.

1. *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2011. 640 с.

2. *Ефимов А.* «Платон мне друг, но истины не надо». 2016. 26 нояб. // N+1 : [сайт]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (дата обращения: 19.03.2018).

3. Итоги-2016: Фейковые новости года [Электронный ресурс]. URL: <https://tjournal.ru/39006-itogi-2016-feikovie-novosti-goda> (дата обращения: 19.03.2018).

4. Канонические тексты поволжских немцев [Электронный ресурс]. URL: <http://war.wolgadeutschen.borda.ru/?1-3-40-00000141-000-10001-0> (дата обращения: 19.03.2018).

5. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2005. 256 с. (Сер. «Образ общества»).

6. *Розенберг Дороти Дж.* Колонизация Восточной Германии // Альтернативы. 1992. № 2.

7. *Турбин А. И.* Создание ГДР — величайшее завоевание немецкого народа // Знамя. 1979. № 2. С. 48–54.

8. Art of the lie. The Economist [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/printedition/2016-09-10> (accessed: 19.03.2018).

9. Der Westen gegen Russland: Und schuld ist immer Putin. 2016. 15 Febr. [Electronic resource]. URL: www.spiegel.de/.../der-westen-gegen-russland-und-schuld-ist... (accessed: 19.03.2018).

10. Der Westen ist schuld an Putin, wie er jetzt ist [Electronic resource]. URL: <https://www.welt.de>. (accessed: 27.02.2017).

11. Der Zar, der die Deutschen liebt // Der Spiegel. 2000. № 19.

12. Die Russland-Erklärer [Electronic resource]. URL: <http://ze.tt/die-russland-erklaerer> (accessed: 19.03.2018).

13. Dovifat/Wilke. Zeitungslehre I. B. ; N. Y., 1976. 216 S.

14. Einst als Spion in Deutschland // Der Spiegel. 1999. № 32.

15. Europa und Russland: Der Westen verteuftelt Putin // SPIEGEL ONLINE. 2016. 15 Febr. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/europa-und-russland-der-westen-verteuftelt-putin-a-1077406.html> (accessed: 19.03.2018).

16. Engel auf dem schweren Weg (Joerg Mettke) // Der Spiegel. 2000. № 14.

17. Fake News: Medienrechtliche Aspekte und Regulierung (Keber Tobias). 2017. 22 März [Electronic resource]. URL: <https://www.hdm-stuttgart.de/news/news20170323163350/Thesenpapier%20Keber%20Fachgesprach%20Fake%20News%2022032017.pdf> (accessed: 19.03.2018).

18. Huntington Samuel. The Clash Of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, № 3 (Summer). P. 22–49.

19. Leute ohne Prinzipien (Neef Cristian) // Der Spiegel. 2000. № 2.

20. Lügenpresse-Vorwurf — Lafontaine: Deutsche Journalisten erhalten Befehle aus den USA (Asche Christoph) [Electronic resource] // The Huffington Post. 2016. 14 Febr. URL: http://www.huffingtonpost.de/2016/02/14/lafontaine-deutsche-journalisten-werden-von-den-usa-gesteuert_n_9231146.html (accessed: 19.03.2018).

21. Nach “Flüchtlinge”: “Postfaktisch” ist das Wort des Jahres 2016 (Bethke, Hannah) [Electronic resource] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2016. 9 Dez. URL: <http://www.faz.net/aktuell/gesellschaft/postfaktisch-ist-das-wort-des-jahres-2016-14566525.html> (accessed: 19.03.2018).

22. Poker um die deutsche Einheit: Wurde Russland in der Nato-Frage getäuscht? // Phoenix : [tv channel]. 2015. 14 Juli, 21 Uhr.

23. Putins-Politik. Wer Russland verstehen will, sollte zuhören (Thumann, Michael) [Electronic resource] // Zeit Online. 2014. 12 Dez. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2014-12/russland-wladimir-putin-kreml-berater> (accessed: 27.02.2017).
24. Tod im Tunnel (Reitschuster Boris) [Electronic resource] // Focus. 2004. 9 Febr. URL: https://www.focus.de/politik/ausland/russland-tod-im-tunnel_aid_202146.html (accessed: 27.02.2017).
25. Rich Russians 'bought lifeboat places' as Costa Concordia sank [Electronic resource] // The Sun. 2012. 23 Jan. URL: <https://www.thesun.co.uk/archives/news/322226/rich-russians-bought-lifeboat-places-as-costa-concordia-sank/> (accessed: 19.03.2018).
26. Roberts D. Post-truth policy. Grist. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (accessed: 19.03.2018).
27. Rumors, Lies and the Internet: 7 Questions for Craig Silverman // American Journalism Review : [online edition]. URL: <http://ajr.org/2014/11/26/rumors-lies-internet-7-questions-craig-silverman/> (accessed: 19.03.2018).
28. Russland ist ein Gegner [Electronic resource]. URL: http://www.deutschlandfunk.de/eu-weist-russische-diplomaten-aus-russland-ist-ein-gegner.694.de.html?dram:article_id=414073 (accessed: 27.02.2018).
29. Russlands Präsident und die Krim [Electronic resource]. URL: www.taz.de/!5047330/ (accessed: 19.03.2018).
30. So bitter! So toll! So geil haben wir noch nie verloren! [Electronic resource]. URL: <https://www.bild.de/sport/olympia/olympia-2018/eishockey-finale-deutschland-oar-russland-54922774.bild.html> (accessed: 19.03.2018).
31. *Ulfkotte Udo*. So luegen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen. Muenchen, 2002.
32. *Vincent F. Hendricks, Vestergaard Mads*. Verlorene Wirklichkeit? An der Schwelle zur postfaktischen Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2017. Heft 13.
33. What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it (Hunt E.) [Electronic resource] // The Guardian. 2016. 17 Dec. URL: <https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate> (accessed: 19.03.2018).
34. Worum es geht [Electronic resource]. URL: <http://www.«декодер»/de/worum-es-geht> (accessed: 19.03.2018).
35. Zu viel Putin-Panik [Electronic resource]. URL: www.zeit.de (accessed: 28.03.2017).

Статья поступила в редакцию 14.11.2018 г.

УДК 94(470)“1941/1945”:316.21 + 394.46 + 159.953:94

Е. В. Горина
Д. А. Козлова

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬ ПОБЕДЫ» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Статья посвящена анализу трансформации концепта «День Победы» в отечественном и зарубежном кинематографе. Дается описание некоторых фреймов, образующих концепт, и их изменение на протяжении трех этапов развития кинематографа, посвященного военной тематике. Представляются три основных направления изменения концепта: констатация неуважения ко Дню Победы и его главным героям — участниками войны; политизирование концепта и включение его во внешнюю и внутреннюю политику страны; дегероизация советского солдата. По мнению авторов статьи, трансформация концепта и входящих в него фреймов частично объясняется манипулятивными целями, направленными на искажение исторической памяти народов.

Ключевые слова: концепт; концепт «День Победы»; фрейм; искажение исторической памяти; коммуникативная память народов; теория концептуальной интеграции; трансформация концепта «День Победы».

День Победы — один из важнейших праздников Российской Федерации, который сегодня оценивают по-разному: одни считают его главным историческим событием нашей страны, а другие, напротив, нивелируют его значение. Великая Победа над Третьим рейхом — наследие как СССР и постсоветской России, так и других стран, вовлеченных во Вторую мировую войну. Однако «Victory in Europe Day» — день празднования капитуляции Германии и завершения войны в целом — не имеет в Европе той ценности, какую в России имеет 9 Мая — День Победы, поскольку мы унаследовали часть советских идей (геополитическую, экономическую и отчасти культурную). В культурное наследие входит концепт «День Победы», задающий лейтмотив постсоветской российской реальности, который оказывает влияние на нашу историческую и коммуникативную память.

Ученые пытаются с разных сторон рассмотреть значение Дня Победы и Великой Отечественной войны в целом: поднимаются вопросы о месте войны и победы в истории культуры, об их месте в новейшей истории, о реакции культуры на войну и победу, а также о формировании в России глобального мифа Великой Победы и его роли в российском обществе. Цель нашей статьи — обозначить проблематику исследования концепта «День Победы», назвать некоторые направления трансформации концепта, играющего значительную роль в истории страны и оказывающего воздействие на современного человека. Об изменении отношения в России

ГОРИНА Евгения Владимировна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета (e-mail: Gorina9@yandex.ru).

КОЗЛОВА Диана Александровна — студентка 4-го курса департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета (e-mail: di.cozlova97@gmail.com).

© Горина Е. В., Козлова Д. А., 2019

и за рубежом к Дню Победы как празднику и как факту победы над врагом много пишут в СМИ. Современные медиа часто ставят под сомнение героизм советских солдат, нивелируют значимость отдельных сражений, дискредитируют героев войны [14, 19]. Кинематограф, являющийся частью современных медиа, также демонстрирует, как изменяется подача Дня Победы и всего, что с ним связано.

Мы обратились к кинолентам отечественного и иностранного производства, чтобы продемонстрировать, что изменение концепта «День Победы» характерно не только для российского кинематографа, но и для зарубежных кинофильмов, как художественных, так и документальных. Выбор российских кинолент обусловлен желанием показать, как трансформация концепта отразилась в художественном и документальном кино проправительственного и оппозиционного толка. Кроме того, художественные фильмы выбирались по принципу популярности, активности демонстрации и известности среди зрителей. Зарубежные кинофильмы отбирались на таких же основаниях. Для данной статьи мы выбрали одну картину зарубежного режиссера и одну белорусского, чтобы рассмотреть особенности киноленты, созданной носителем советского культурного кода для зрителей других стран.

Каждый из выбранных нами фильмов оценен экспертами на различных кинофестивалях. В 2000 г. фильм «ДМБ» Романа Качанова получил главный приз Гильдии киноведов и кинокритиков на фестивале «Кинотавр», в 2006 г. «День Победы» Федора Петрухина получил награду за воплощение на экране образа защитника Отечества на фестивале военно-патриотического кино «Волоколамский рубеж», в 2009 г. картина «Безымянная — одна женщина в Берлине» Макса Фэрбербёка получила две премии Немецкой киноакадемии за лучший монтаж звука и лучшую роль второго плана, «День Победы» Игоря Гринякина в 2013 г. победил на Всероссийском конкурсе сценариев и киноработ «Кинопризыв», «День Победы» Сергея Лозницы признан лучшим документальным фильмом Берлинского кинофестиваля 2017 г., а короткометражный фильм «Страх» Романа Баранова получил награду в номинации «Дебют» в конкурсе «На благо мира» в 2018 г. Некоторые из проанализированных картин («ДМБ» и «Безымянная — одна женщина в Берлине») выходили в массовый прокат. Всего в данной работе мы проанализировали 1 документальный и 5 игровых (художественных) фильмов.

Поставленная в заглавии статьи проблема — трансформация концепта «День Победы» практически не рассматривалась на примере кинематографических текстов. Кино чаще становится предметом анализа для искусствоведов, историков, педагогов и в основном характеризуется с позиции истории возникновения, природы визуального творчества, распространения и т. д. [1, 6, 8, 10, 20]. Поскольку особенности подачи концепта «День Победы» кинематографом широко еще не представлены в исследованиях лингвистов, мы решили обратиться к ряду кинолент, которые, на наш взгляд, вскрывают новые стороны актуального концепта.

Считаем важным подчеркнуть, что в данной статье мы стремимся сделать первые шаги в направлении глобального и сложного исследования — описания трансформации серьезного для мирового сообщества концепта, поэтому не исключаем, что некоторые наши суждения могут быть спорными, однако мы

уверены, что дискуссионность положений подтверждает актуальность и перспективность выбранной темы научных изысканий. Важно также отметить, что концепт «День Победы» стоит в одном ряду с концептами «Великая Отечественная война», «Русские на войне», «Война» и др., что, несомненно, ведет к их взаимовлиянию [7, 14].

Центральное понятие в работе — «концепт», поэтому следует объяснить, как мы трактуем данный термин. «Концепт» сегодня — категория, фигурирующая в исследованиях различных направлений: психологии, философии, культурологии, социологии, логики, истории, а потому он «несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [13, 36]. Это понятие, которому непросто дать однозначную характеристику. Существует множество определений и подходов к анализу концепта. Мы будем придерживаться точки зрения З. Д. Поповой и И. А. Стернина: «Концепт — это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Там же, 34]. Концепт, исходя из определения И. А. Стернина и З. Д. Поповой, является родовым понятием по отношению к фрейму — второму важному для нас термину. Соотношение фрейма и концепта рассматривается в данной статье как соотношение части и целого. Фреймы — составные элементы концепта, по которым он развивается. Основатель фреймовой теории в лингвистике Ч. Филлмор предлагал такое определение фрейма: особая унифицированная конструкция представления знания или схематизация опыта [9, 40]. Фрейм рассматривается представителями когнитивной науки как когнитивная единица, построенная на стереотипности, типичности представляемой ситуации или явления. В «Кратком словаре когнитивных терминов» Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков дают такое определение фрейму: «...это структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов данных» [4]. Фрейм является довольно крупной категорией, включающей меньшие единицы — схемы, сценарии, скрипты, прототипы. Отметим, что у нас нет цели раскрыть все составляющие фрейм элементы. Мы обратимся к характеристике концепта «День Победы» и в связи с этим проанализируем состав фреймов, входящих в данный концепт, и покажем их трансформацию, оказывающую влияние на весь концепт.

Прежде чем говорить о том, что нового появилось в концепте «День Победы» в кино в наше время, следует показать трансформацию концепта, отраженную в кинолентах более раннего периода. Исследователь А. М. Воронов выделяет три периода в развитии кинематографа о Великой Отечественной войне [12, 223].

Первый период — с 1942 г. по 1950-е гг. Кино о войне начинают снимать во время войны, это связано с желанием воодушевить народ, вызвать в нем желание победить. В первых фильмах тональность повествования направлена

на поддержание агрессивного отношения к врагу, усиление патриотизма, боевого духа солдат и тружеников тыла. В раннем кино о войне только начинает формироваться концепт «День Победы». Победа рассматривается как желанный день, важнейшее для страны и каждого человека событие. Фильмы, снятые в первый период, характеризуются упрощенностью сюжета, типичностью образов героев и прямым выражением главной мысли — важно победить, нельзя сдаваться врагу. Кинематограф в это время должен был сформировать цель (победа), поэтому герои в фильмах («Она защищает Родину» (1943), «Актриса» (1942), «Встреча на Эльбе» (1949), «Радуга» (1944), «Секретарь райкома» (1942), «Разгром немецких войск под Москвой» (1942), «Жди меня» (1943), «Два бойца» (1943), «В шесть часов вечера после войны» (1944) и т. п.) излишне прямолинейны, просты, категоричны, их задача — вселить веру в будущую победу. В фильмах этого времени предлагается четкое деление мира на своих и чужих. МЫ — нация будущих победителей, ОНИ — враги, которых следует уничтожить. Художественный мир фильмов строится на противопоставлении двух групп: есть хорошие «наши» и плохие «фашисты». Полярность, заложенная в данный период развития военного кинематографа, будет сохраняться и в последующие годы. В этот период концепт «День Победы» включает следующие фреймы: «историческое событие» (война, приказ Главнокомандующего), «ненависть к врагу», «победа как цель», «ответственность каждого в достижении победы», «общий враг».

Второй период — с середины 1950-х до конца 1980-х гг. В это время кинематограф, посвященный военной тематике, получает большое развитие благодаря тому, что появляется много режиссеров и актеров, не понаслышке знающих, что такое война, прошедших войну, умеющих осмысливать события и делать выводы. Здесь уместно вспомнить, что концепт «День Победы», по мнению Н. В. Проказиной и Н. П. Старых, существует в рамках коммуникативной памяти о войне, так как воспоминания поколения, пережившего войну, переходят в «культурную память общества» [16, 36]. В этот период киноленты поднимают более широкую проблематику: человечность на войне, женщина в условиях войны, дети на войне, дружба, верность, любовь, патриотизм в условиях войны и т. д. Образы героев становятся сложнее, сюжетные линии глубже. Фильмы («В бой идут одни старики» (1974), «Офицеры» (1971), «А зори здесь тихие» (1972), «Предвещает победу» (1978), «Судьба человека» (1959), «Баллада о солдате» (1959) и др.) показывают уже не только военные действия, но и послевоенные события. Здесь концепт «День Победы» получает свое основное формирование, поскольку победа уже состоялась, праздник и все, что с ним связано, знакомо и создателям фильмов, и зрителям. Драматичность ситуаций фильмов этого периода закладывает следующие фреймы в состав концепта «День Победы»: «герои войны», «простой человек на войне», «память о войне», «жертвенность», «связь братских народов», «подвиг советского народа», «война как горе народа», «единство людей на войне», «Победа как горестный праздник», «неизвестный солдат», «подвиг женщин», «подвиг детей», «уроки войны» и др. Концепт «День Победы» в этот период становится самодостаточным, с ним связываются праздничные мероприятия, радость, всеобщее ликование и в то же время память о великом горе, коснувшемся каждого

жителя страны. Пожалуй, ведущими фреймами этого периода можно назвать «праздник со слезами на глазах» и «уроки войны». Герои фильмов воюют, мечтают о победе, встречаются после войны, вспоминают войну и, поздравляя друг друга, оплакивают друзей и близких. День Победы в фильмах этого периода — значимый, серьезный праздник, торжество, ставшее результатом великого страдания. Праздник, объединяющий советских людей и братские народы.

Третий период развития военного кино, по А. М. Воронову, начинается в 1990-е гг. и длится по сегодняшний день. На наш взгляд, в конце 90-х и начале нулевых фреймы, составляющие концепт «День Победы», постепенно трансформируются. В это время происходит переоценка ценностей, вытеснение традиций, переосмысление войны, ее героев и самой Победы. Концепт «День Победы», кроме перечисленных выше, включает следующие фреймы: «героизация простого человека на войне», «духовность советского (русского) солдата», «важность победы для всего мира», «огромные потери СССР», «роль союзников в достижении победы», «торжество и массовые мероприятия по случаю победы» и др.

Думается, сложностью времени (распад СССР, формирование новой экономики, политической структуры страны и т. д.) можно объяснить то, что концепт «День Победы» начинает значительно трансформироваться. Цель кинематографа (шире — медиа) в этот период — способствовать сохранению страны в период глобальных изменений и давать возможность высказывать различные точки зрения. В том числе о войне и победе. Попытка создать демократическое общество приводит к тому, что в рамках анализируемого концепта появляются новые фреймы и переосмысляются старые. Данное явление вписывается в «теорию блендинга» («теория концептуальной интеграции»), согласно которой концептуальный процесс метафоризации не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, как это утверждается в теории концептуальной метафоры, а «включает в себя формирование смешанных ментальных пространств, порождающих смыслы в самом процессе концептуальной интеграции» [5, 8].

Проведенный нами анализ кинолент показал, что трансформация концепта происходит в трех направлениях. Это, во-первых, включение в концепт новых фреймов и снижение тональности старых ради развенчания стереотипа о пиетете перед праздником Победы и его главными героями — ветеранами. Можно сказать, что в результате трансформации в концепте констатируется псевдопраздник в современной России в сравнении с тем, как отмечался День Победы в СССР. Во-вторых, трансформация активно идет в направлении политизирования концепта и вписывания его в систему внешних и внутренних политических игр. В-третьих, изменение концепта характеризуется дегероизацией советского солдата. Рассмотрим названные пути изменения концепта на конкретных примерах.

В отечественном фильме короткого метра «День Победы» Игоря Гринякина (2012) ставится проблема потери связи настоящего с прошлым. Например, эпизод со школьницами: герои на камеру утверждают, что *«пришли поздравить ветеранов, потому что они сделали великое дело»*, после окончания записи эти же герои заявляют, что *«не понимают, зачем должны это делать»* [15], ведь на парад девочки пришли принудительно. Также в киноленте подчеркивается, что важную

роль в формировании современного образа Победы в массовой культуре играют журналисты, работающие по «указке свыше». Журналист, приехавший выполнить работу, снять то, что должен снимать, поскольку «велено», делится неожиданными для самого себя эмоциями: «*Вот вы знаете, приехали мы сюда (на съемки парада. — Авт.), я даже проникся сейчас! Какая-то нота щемящая все-таки есть!*» [15]. Другая журналистка негодует, что была вынуждена «*распинаться о победе*», когда «*кассеты для записи уже кончились*» [Там же]. Два этих небольших эпизода показывают, что фреймы «память о войне», «люди, пережившие войну», «торжество, массовый праздник» стали подаваться по-новому. Победа рассматривается современным человеком в киноленте не как априори значимое событие, а как некая надоевшая традиция, воспроизводимая современным россиянином по инерции, выработанной предыдущими десятилетиями. С уходом из жизни реальных очевидцев Великой Отечественной войны жители современной России теряют исходное понимание Дня Победы, а потому оно заменяется эфемерным и далеко не всегда понятным новому поколению государственным мифом. День Победы — событие, связанное с историей страны. Например, школьники, принявшие участие в поздравлении ветеранов, понимают логическую связь праздника и истории. Для журналистов съемка в День Победы — заказ, «*работа, которую надо сделать*», парад Победы — часть массовой культуры, его журналистам нельзя игнорировать, но и удовольствия от рутинной работы сотрудники медиа не получают: «*Опять парад снимать*». В итоге кинолента вскрывает параллельно две оценки одного концепта: на фоне равнодушного отношения ко Дню Победы со стороны героев фильма показаны ветераны, их искренние слезы, улыбки, а также памятники героям, вечный огонь, цветы и т. д. Создатели кинофильма дают понять, как много утратил современный человек, начав забывать войну и Победу. Фильм развенчивает пиетет перед Днем Победы, авторы доказывают, что праздник создается по указке, мало кому понятен и больше нужен властям, чтобы сохранить единство страны.

Таким образом, фреймы «память о войне», «люди, пережившие войну», «торжество, массовый праздник» в концепте «День Победы», включающие ранее в свой состав языковые маркеры: *жертва, героизм, самопожертвование, великий день, горе, искалеченная судьба, заслуженные ветераны, сыны Отечества* и т. д., в третий период развития военного кинематографа получают новый набор маркеров: *какие-то ветераны, распинаться о победе, заказ на парад*.

Подобная же трансформация концепта «День Победы» и его фреймов представлена в картине «Страх» Романа Баранова. По сюжету к ветерану за два часа до визита мэра приходят социальные работники, которые должны «*привести старика в порядок... принести один из телевизоров, которые в прошлом году выделяли для ветеранов*», однако телевизоры «*оказались в офисе*» сотрудников социальной службы [22]. Показан весь абсурд этой ситуации: ветерана временно переселяют в современную комфортабельную квартиру, которую, как и телевизоры, должны были подарить ему еще в прошлом году. Однако десятки предназначенных ветеранам квартир так и не дошли до участников войны. «*Неприятная история произошла с квартирами для ветеранов. Мы их тоже немножко не туда... Это значит,*

что меня посадят. И тебя!» — общаются между собой герои фильма [22]. В этой картине мы видим введение нового фрейма «связь власти и народа» («*Мы [социальные работники. — Авт.] должны были подарить телевизоры ветеранам, а они у нас в офисе висят*»), а также переосмысление фрейма «связь прошлого и настоящего» («*Тогда все знали, за что воевали, и никого сверху не боялись, как сейчас*»). Лейтмотивом в «Страхе» проходит мысль, что современная российская власть коррумпирована донельзя, и за жадной наживы представители власти забывают о ветеранах, а в праздник создают видимость заботы и внимания. В частности, главного героя, ветерана, работники просят подыграть мэру и обещают отблагодарить. То есть благодарность ветеран получает не за боевые заслуги, а за «подыгрывание начальнику». Эмоции, которые раньше переживались в связи с праздником советскими людьми, остались в прошлом, как и уважение к ветеранам, пережившим войну: «*Это же просто ветераны труда, зачем они мне?*» Чтобы подчеркнуть пиетет перед властью, а не перед ветеранами и Днем Победы, в фильме делается особый акцент на том, что «*смотреть парад надо на “Первом канале”, власть это любит*». Анализируемый концепт в фильме используется для развенчания того мнения, что в России существует помощь ветеранам войны, работникам тыла, сочувствие и уважение к людям, пережившим войну. Кинолента за счет трансформации фреймов концепта «День Победы» вскрывает двуличное отношение к празднику, его главным лицам и унижительную зависимость от представителей власти.

Высказывания: «*Берете ветерана, и чтобы к приезду мэра он уже блеснул, Как мэр будет подниматься к ветерану на 9-й этаж без лифта?*», «*Он, оказывается, ветеран труда, а ну бегом за медалями за боевые заслуги в антикварный магазин*», «*Скорее всего, нас всех посадят, ведь и телевизоры, и квартиры мы немножко не туда...*», «*Вы телевизор на время поменяли, поменяйте и квартиру*» — показывают, что развенчивается искренность праздника и уважение к ветеранам, а утверждается видимость, искусственность праздника и мнимая забота об участниках войны. Всего этого не было в кино предыдущих этапов. Демонстрация беспомощного ветерана, который презирует нынешнюю власть и тихо доживает свой век в одиночестве — также новый элемент концепта «День Победы», который говорит о трансформации фреймов «участник войны», «герой войны» и «главный на Дне Победы солдат».

Особенностью данного периода развития кинематографа о войне и трансформации концепта «День Победы» становится контраст. Если раньше участники войны были показаны в кино как положительные герои, совершившие подвиг, поставившие интересы страны выше собственных, всегда готовые к самопожертвованию, патриоты, то современные киноленты часто показывают ветеранов в условиях нищеты, беспомощности, в общении с неблагодарными потомками. Так, фрейм «участник войны» приобретает новые оттенки и маркеры: *брошенный, обманутый, бедный, беспомощный, никому не нужный, забытый, получающий вместо всеобщей благодарности видимость внимания*. С одной стороны, зритель получает информацию о судьбе ветеранов («*он — ветеран труда, когда война началась, ему всего 13 было, в тылу работал*»). С другой стороны, зритель видит

констатацию факта: на ветерана всем плевать, он — отработанный материал, больше не нужный государству («*На что мне эти ветераны дались?*»). Если кино 40–80-х гг. призывало к единству, наличие врага, победа над ним — все это сплачивало народ и заставляло 9 Мая искренне благодарить ветеранов, посвящать им фильмы, книги, песни, танцы, то кинематограф после 90-х часто обращается к проблеме лживости власти, унижения истинных героев Победы. Концепт «День Победы» становится подвижен, он сближается с концептами «Деньги», «Воры», «Грязная и лживая политика» и т. п. Несомненно, это оказывает огромное влияние на восприятие Дня Победы не только новым, но и старшим поколением.

Говоря о контрасте, ведущем к трансформации концепта «День Победы», вспомним еще один популярный российский фильм — «ДМБ» (2000) режиссера Романа Качанова. Здесь тема Дня Победы не является главной, однако используется как инструмент для формирования исторической памяти: День Победы показан и как праздничное событие, и как элемент, демонстрирующий память народа о подвиге соотечественников, однако подача фреймов идет в ироничном ключе. Победа в киноленте — повод выпить. Об этом, например, говорит сцена с генералом-ветераном, который предлагает нерадивым «*внучкам выпить ханки за Родину и за Победу*» [21]. Увешанный орденами генерал рассказывает им, что «*тараном брал эсминец за чекушку*». Подобная ирония не была нами замечена в фильмах предыдущих периодов развития кинематографа, посвященного военной тематике. По киносюжету герои и в более ранних фильмах выпивали (за победу, за лидеров страны, поминая погибших друзей и т. п.), но употребление спиртного было необходимо, чтобы доказать реальность героев, их близость к зрителю, и исключало сарказм и иронию в адрес Дня Победы.

С начала 2000-х гг. концепт «День Победы» в кино строится в России при помощи «конвейерных» военных фильмов. Речь в таких фильмах идет по большей части о морально-политической консолидации жителей современной России вокруг образа непобедимого, богоносного народа, а не о памяти о героических подвигах советского народа во Второй мировой войне. К таким фильмам мы отнесли картину Федора Петрухина «День Победы» [18], которую зрители назвали «заказом ко Дню Победы, сюжет которого придуман на скорую руку» [17]. Традиционно сюжет таких кинолент развивается в контексте воспоминаний ветеранов, встретившихся на очередном параде. Таков сюжет и фильма Петрухина: два ветерана, воевавших вместе, единственные выжившие из своей роты в бою, вспоминают об ужасах войны и благодарят государство за мирное небо над головой, за мощную армию и светлое будущее. День Победы в данном фильме подается через фреймы «историческое событие» («*Победили 9 Мая*»), «праздник» («*Вот 9 Мая по-нашему — это праздник*») и «воспоминания о войне» («*Честно, было очень страшно*»). Кинолента подчеркивает, что Россия — государство-хранитель «*заветов предков и народной памяти*». Концепт «День Победы» в данной картине используется для формирования государственного мифа о России как о великой державе, претендующей на особый статус в Европе («*Хранит президент советские традиции!*»), а также дискредитации стран западных союзников («*Ничего они [европейцы и американцы. — Авт.] не понимают, русскую заслугу не ценят*»).

Все это тоже подчеркивает тот факт, что концепт «День Победы» получает новые смыслы. Акцент с праздника, уважения к подвигу простого человека на войне смещается на формирование главенствующей роли России в противовес иным странам. Суть военных кинолент двух последних десятилетий все больше сводится к формированию политически актуальных смыслов: «Россия — держава более сильная, чем иные страны», «Россия имеет преимущества перед другими странами», «Россия победила в войне и всегда готова повторить свой подвиг». Думается, подобная тональность концепта «День Победы» преследует две цели: утратить потенциального внешнего врага и вселить уверенность в соотечественников, порой испытывающих разочарование в своей стране. Все это, на наш взгляд, говорит о политизации концепта. Об этом можно судить по речи министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова, который отмечает, что страны Европы и США стараются вытравить *«из памяти молодых поколений вообще историю союзничества России с Западом в борьбе с нацизмом»* [16] и возвеличить свои страны с целью уравнивания вклада в победу над Третьим рейхом: *«Поколение, которое тогда воевало, можно назвать самым великим в истории Америки»* [23]. Такого рода высказывания, на наш взгляд, являются средством манипулирования общественным мнением, что может привести к искажению исторической картины [2, 24].

От политизации и трансформации концепта «День Победы» не отказывается и зарубежный кинематограф. Существующий в рамках концепта «День Победы» фрейм «героизм советских солдат» получает здесь новую оценку. Дегероизация советского солдата-победителя проводится часто в фильмах, посвященных рефлексии европейцев по поводу Второй мировой войны. Рассмотрим польско-немецкую картину «A Woman in Berlin» («Безымянная — одна женщина в Берлине») Макса Фэрбербёка (2008), повествующую о нелегкой судьбе немки Нины Хосс, подвергшейся неоднократным изнасилованиям со стороны советских солдат. В фильме ставится вопрос о душевных переживаниях немецких женщин, о жестоком обращении с ними тех, кто должен был нести освобождение. Несмотря на показанные зверства красноармейцев, внешней целью картины позиционируется положительная оценка: *«Если бы русские причинили нам только малую часть того, что мы причинили им, то в Берлине не осталось бы ни одного немца»* [3]. Однако это внешняя цель.

Основное место в картине отводится фреймам «историческое событие» («Они [СССР. — Авт.] все-таки победили») и «воспоминания о войне» («Я теперь буду вспоминать это [войну. — Авт.] всю свою жизнь»). День Победы в «Безымянной...» подается и как событие, освободившее Европу от нацистского гнета, и как неизбежная трагедия местного населения, что способствует дискредитации Дня Победы и образа советского солдата, воспетого в советском военном кинематографе. Зритель, увидев все насилия и унижения, которые терпят немецкие женщины от мнимых освободителей, неизбежно оценивает последних как агрессоров. Важно, что именно дискредитации советского солдата-победителя отводится больше хронометража. Слабая попытка оправдать поведение советских солдат значимой победой лишь усиливает негативное отношение зрителя

к происходящему, а следовательно, и к самим «освободителям» и их празднованию Победы. Показателен эпизод, в котором другие женщины говорят главной героине, что насилие от советских солдат — «это нормально, надо терпеть», а в ответ Нина Хосс отмечает, что она «патриотка своей страны», которая «всегда будет ненавидеть советских солдат» [3]. То есть данная картина формирует историческую память о Дне Победы как о трауре, который нужно принять, помня, что существует «жестокость за жестокость».

Анализируемый концепт в данном фильме используется как инструмент для формирования коллективной исторической памяти о Второй мировой войне, а также как повод для борьбы политических интересов и дискредитации СССР (шире — современной России как преемницы Союза) посредством искажения истории и конструирования образа врага: советский солдат оказался не освободителем, а угнетателем. Изменение концепта «День Победы» для российского зрителя здесь строится на отборе преимущественно негативных фактов о зверствах Красной Армии («Освободители убивают и насилуют»), игре на стереотипах о СССР («Коммунисты, как звери, всего боятся») и неоднократных повторах главной мысли: «они [советские солдаты. — Авт.] не освободители. Они — коммунисты, это те же нацисты»). Такое восприятие Дня Победы резко отличает западное кино от российского, где проблема, затронутая в «Безымянной...», в киноленте намеренно не включается. Так, при внешней цели — показать уважение к победе советских солдат, куда более выраженной оказывается внутренняя цель фильма — сформировать ненависть к освободителям. Недаром этот фильм запрещен на территории Российской Федерации.

Говоря о зарубежном кино на военную тематику, следует отметить, что в этих кинолентах также активно идет трансформация концепта «День Победы» за счет развенчивания важности данного праздника для самих русских людей. Приведем пример. В документальном фильме немецкого режиссера белорусского происхождения Сергея Лозницы «День Победы» (2018), снятом в Германии, повествуется о русских эмигрантах, отмечающих День Победы в Трептов-парке в Германии. Герои фильма — дети в пилотках, женщины с георгиевскими лентами на сумках и толстый мужчина в футболке с изображением Путина. Основная мысль фильма уныла и далека от торжественной тональности: «Для русских День Победы — еще один повод вытить и показать себя». Это уже задает негативное отношение и к русскому народу, и к их главному празднику. Русские в фильме Лозницы в годовщину Победы оказываются в Берлине, но кто они сейчас: победители или побежденные? Ответ на вопрос ярко показывает изменения, которые для российского зрителя трансформируют концепт «День Победы»: «Русские рвутся в европейский капиталистический рай в поисках лучшей жизни, забывая о связи с родиной и с историей, а значит, и празднование Дня Победы для них — лишь очередная фикция и фарс», «Хорошо жить бывшим русским в европейском капиталистическом раю» [19].

В фильме актуализированы фреймы «память о войне», «историческое событие», однако эти фреймы включают не характерные для них ранее языковые маркеры: «русские предали Победу», «русским лучше живется в Германии»,

«немцы живут на зависть русским», «псевдопатриотические убеждения русских», «псевдопраздник». Кроме того, концепт «День Победы» в фильме включает новые фреймы: «финансовое благополучие», «экономическое развитие», «комфортная жизнь». Если ранее смежные отношения концепта «День Победы» наблюдались с концептами «Война», «Вторая мировая война», «Великая Отечественная война», то сегодня смежность обнаруживается с концептом «Деньги». Это, на наш взгляд, серьезно меняет для зрителя ракурс оценки праздника и всего, что с ним связано.

Проведенный анализ показал, что концепт «День Победы» в современном мире подается по-новому, оказывается в зависимости от современного состояния политики, экономики и культуры страны. И на наш взгляд, это серьезная проблема, требующая внимания не только историков, но и лингвистов. Цель данной статьи была — показать некоторые направления трансформации концепта, обозначить, какое влияние изменение данного концепта оказывает на широкую аудиторию. Изменение концепта происходит с помощью содержательной деформации составляющих его фреймов или за счет включения новых фреймов, наиболее характерных для настоящего времени. Продемонстрировать всю трансформирующуюся периферию и ядро концепта в рамках одной статьи, даже посвященной только кинематографу военной тематики, мы считаем невозможным, поэтому ограничились выделением отдельных направлений изменения концепта: констатация псевдопраздника (развенчивание стереотипа о пиетете перед Победой, войной и ветеранами в России); политизация концепта в связи со сложностью внешней и внутренней политики страны; дегероизация советского солдата и Дня Победы в целом.

Мы пришли к выводу, что анализ концепта «День Победы» сложен еще и потому, что концепт становится крайне подвижным. Он начинает включать фреймы, отсутствующие ранее в его составе: «экономическое развитие», «власть», «финансовое благополучие», «комфортная жизнь», а также приближается к концептам «Деньги», «Воры», «Грязная и лживая политика» и т. п. Это неизбежно меняет ракурс оценки праздника и всего, что с ним связано, а также требует рассмотрения значительного количества контекстов.

Отдельно стоит заметить, что «День Победы» — это один из тех концептов, которые, несмотря на то, что существуют длительное время, трактуются в парадигме современности в соответствии с желанием интерпретаторов или заказчиков. Это приводит к высокой политичности концепта «День Победы», через который проводится оценка не только истории, но и сегодняшней жизни.

Подводя итог, скажем, что проблема трансформации концепта «День Победы» — важная, сложная и дискуссионная. Историческая память неизбежно меняется, а политика всегда требует использования наиболее сильных и значимых событий, явлений, способных объединить, воодушевить народ, заставить его принять какое-либо принципиальное для развития страны решение. Кроме того, кинематограф предлагает широчайший и разнообразный материал для анализа подачи концепта «День Победы». Трудности исследованию концепта «День Победы» добавляет и тот факт, что данный концепт близок к тематически

смежным концептам «Война», «Великая Отечественная война», «Вторая мировая война».

1. Александров А. Кино: человек на войне // Дон. 1972. № 9. С. 175–183.
2. «Безымянная — одна женщина в Берлине», реж. Макс Фэрбербёк [Электронный ресурс]. URL: <http://baskino.me/films/voenny/1688-bezmyannaya-odna-zhenschina-v-berline.html> (дата обращения: 18.04.2018).
3. Будаев Э. В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции // Культура и текст. 2016. № 4 (27). С. 6–13.
4. «Великая война»: док. драма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLhuA9d7RIOdZW5GMDfDzPZSIffFYUogL-> (дата обращения: 18.04.2018).
5. Вендиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 20 с.
6. Воронов А. М. Проблема правдоподобия и правды в советских и российских художественных фильмах, посвященных Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravdopodobiya-i-pravdy-v-sovetskih-i-rossijskih-hudozhestvennyh-filmah-posvyaschyonnyh-velikoju-otechestvennoju-voynu> (дата обращения: 27.12.2018).
7. Горина Е. В., Кузнецова К. П. Представление концепта «Великая Отечественная война» в медиакурсе // Начало Второй мировой войны: национальные историографические традиции и историческая память. Екатеринбург, 2017. С. 18–25.
8. «День Победы», реж. Игорь Гринякин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Abbbz9fZhB0> (дата обращения: 18.04.2018).
9. «День Победы», реж. Федор Петрухин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/den-pobedy-2006-294998/> (дата обращения: 18.04.2018).
10. «День Победы», реж. Федор Петрухин [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/SCZMG4zjBVI> (дата обращения: 18.04.2018).
11. «День Победы» Сергея Лозницы [Электронный ресурс]. URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/61837/ (дата обращения: 18.04.2018).
12. Дзиган Е. Постигая героинку времени. М., 1975. 298 с.
13. «ДМБ», реж. Роман Качанов [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/СН_jOGde0M (дата обращения: 18.04.2018).
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2005. 832 с.
15. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1997. 245 с.
16. Лавров: искажение истории — это попытка вытравить память о союзнничестве России и Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2386472> (дата обращения: 04.05.2018).
17. Муратов Л. Г. Память грозных лет: Великая Отечественная война в советском кино 1970-х годов. Л., 1980. 231 с.
18. Мурашова Л. П. Концептуально-когнитивный фрейм [Электронный ресурс] // Научный вестн. ЮИМ. 2014. № 4. С. 40–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualno-kognitivnyu-frejm> (дата обращения: 27.12.2018).
19. Новосельцева Н. В. Отражение Великой Отечественной войны в советском кинематографе // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 519–522.
20. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.
21. Проказина Н. В., Старых Н. П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестн. общественных наук. 2014. № 5 (35).

22. «Страх» : док. фильм [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/xrFW-q0F08w> (дата обращения: 04.05.2018).

23. The True Glory: From D-Day to V-E Day WWII in Europe Eisenhower, World War II [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EHseR9bccbw> (accessed: 04.05.2018).

Статья поступила в редакцию 28.12.2018 г.

УДК 070:316.77(477.75) + 004.032.6

Л. Г. Егорова

СОВРЕМЕННЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС СМИ: ТЕМА КУЛЬТУРЫ НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

В статье определяется роль регионального медиадискурса, формируемого печатными СМИ Республики Крым, в процессе трансляции культурных ценностей читательской аудитории. Региональные печатные медиа, утверждающие локальные и универсальные смыслы, рассматриваются как часть современной массовой культуры. Автор отмечает, что публикациям культурной направленности, посредством которых осуществляется передача кодов и ценностей из сфер традиционной и элитарной культур, а также организация повседневного мира читателя, отведено особое место в процессе формирования ценностной повестки дня региона. Материалом исследования послужили медиатексты региональных общественно-политических изданий «Крымская правда» и «Крымская газета». Выделены наиболее показательные микротемы, формирующие повестку дня медиaproстранства Республики Крым. В фокусе внимания региональных журналистов оказываются культурные мероприятия и события, достижения местных деятелей культуры и искусства, развитие кинематографии, а также театральная жизнь. Исследователем отмечается и частое обращение к таким темам, как реконструкция объектов историко-культурного значения, вопросы истории, достопримечательности полуострова, культурная специфика народностей Крыма и пр. Показательно, что издания по-разному преподносят своей аудитории материалы культурной тематики, наблюдаются различия в выборе жанров, стиле и манере изложения. В то же время проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что в журналистских текстах избранной тематики ярко выражен региональный компонент, привязка к Республике Крым. Таким образом, подтверждается тезис о том, что в медиатекстах региональных СМИ неизбежно проявляется специфика развития региона и сложившегося культурного кода. Исследование продемонстрировало активное транслирование региональными массмедиа культурно-нравственных ценностей с целью привлечения внимания читательской аудитории к нематериальной стороне современной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а : региональный медиадискурс; Республика Крым; СМИ; культура; медиатекст.

ЕГОРОВА Людмила Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь (e-mail: legora@list.ru).

© Егорова Л. Г., 2019

Сложность и многоаспектность феномена культуры обусловили многообразие подходов к его теоретико-методологическому осмыслению: аксиологический подход трактует культуру как иерархию материальных и духовных ценностей [15, 158]; деятельностный — в качестве системы внебиологически выработанных механизмов, обуславливающих активность людей в обществе [2, 4]; социологический — как средство самоорганизации совместной жизнедеятельности людей [20, 10]. В рамках данной статьи мы будем определять культуру как некоторую совокупность «знаковых систем, с помощью которых... народ поддерживает свою сплоченность, оберегает свои ценности» [12, 394], т. е. придерживаться семиотического подхода, трактующего рассматриваемый феномен как универсум текстов.

Современную культуру можно разделить на три комплементарные подсистемы — традиционную, элитарную, массовую, каждая из которых выполняет уникальную функцию в социокультурной динамике. Традиционная культура ориентирована на сохранение базовых для данного общества ценностей и смыслов, элитарная — на производство новых, массовая — на стабилизацию социальных структур [10, 11]. Массовую культуру с момента выделения ее в качестве обособленного объекта осмысления исследователи противопоставляли «подлинной», элитарной культуре и оценивали ее как угрозу существования искусства, науки, морали. Этот взгляд в настоящее время еще сохраняет свою силу, однако отечественное гуманитарное знание постепенно отходит от элитистских позиций, рассматривая феномен взвешенно, указывая на необходимость не только изучать и прогнозировать, но и моделировать динамику распространения массовой культуры. Все чаще массовая культура осмысливается как инструмент культурной политики, способствующий быстрому внедрению традиционных ценностей и норм, сведений о культурно-историческом наследии и охватывающий максимально широкую аудиторию.

Массмедиа в обозначенном контексте обычно рассматриваются как важный инструмент трансляции массовой культуры с ее доступностью и стремлением стандартизировать жизнь современного социума. Более того, исследователи называют СМИ одним из главных факторов, определяющих «быт, работу и обучение, межличностные отношения и семью, поддержание здоровья, потребление, способы передвижения, отдых» [7, 53], т. е. культуру повседневности. В границах последней формируются устойчивые совокупности ценностных ориентаций, устанавливается общий для социума нравственный идеал. Переход к качественно новой стадии экспансии массовой культуры через каналы массовых коммуникаций в область повседневного подробно описан В. В. Закурдаевой. Исследовательница указывает, что глобализация и все более активный переход в виртуальную среду превращают массовую культуру в главный способ репрезентации культурных кодов и ценностных ориентиров, СМИ же способствуют максимальному распространению данных конструктов [6]. Таким образом, СМИ призваны обеспечить «эстетическое, интеллектуальное, нравственное воспитание аудитории и отдельной личности, что предполагает осуществление... культуроформирующей деятельности» [1, 79] с привлечением социокультурной информации, сохраненной в традиционной

культуре, а также новых смыслов и значений, рожденных в границах культуры элитарной, и с последующей трансляцией сложившихся ценностей аудитории.

Освещение современных культурных процессов, культивирование нравственных образцов, воспитание гармонично развитой личности — важнейшие направления журналистской деятельности. Специфика транслирования масс-медиа культурно-нравственных ориентиров составляет предмет исследований М. А. Воскресенской [1], И. Н. Деминой [4], И. В. Ерофеевой [5], А. Н. Ильина [8], А. В. Костиной [9], Ю. В. Лучинского [11], Б. Я. Мисонжникова [13], Е. В. Олешко [14], Т. С. Сергеевой [17], Д. П. Синельникова [18], Н. С. Цветовой [21] и других авторов. Отрадным представляется тот факт, что в настоящее время тексты, продуцируемые СМИ, стали восприниматься в качестве «аксиологического и стилистического ориентира, определяющего во многом духовно-нравственный облик общества» [16, 152], вследствие чего наблюдается постепенное усиление внимания читательской аудитории к нематериальной стороне современной жизни: «В последнее время в СМИ все чаще человек наряду с информацией о курсе доллара или индексации заработной платы познает мир сквозь призму его “нематериального” окружения: вкусы, предпочтения, культурный слой, традиции, этносреда... Осмысление жизненных приоритетов происходит через индивидуально-личностное (человек в центре внимания) и духовно-эстетическое измерение (в фокусе — творения человека)» [3, 41, 43].

Говоря о медиатеатральности того или иного региона, нужно отметить ее непосредственное воздействие на формирование общественного мнения и культурных приоритетов с их последующей трансляцией в повестке дня. «Российская региональная пресса — важнейший институциональный атрибут всех территорий страны, способствующий сохранению местного сообщества, являющийся основной площадкой для обсуждения местной повестки дня» [19, 89], т. е. региональная журналистика нацелена на производство местного контента и его проекцию на общегосударственные проблемы. Поскольку региональные медиатексты проявляют особенности сложившегося культурного кода, нами был проведен контент-анализ публикаций ведущих СМИ Республики Крым для определения интенсивности трансляции культурных норм в текстах региональных медиа нового времени. Материалом исследования послужили публикации ежедневных общественно-политических изданий «Крымская правда» и «Крымская газета» за 2016 г.; анализу было подвергнуто 700 медиатекстов. Выбор данных изданий обусловлен тем, что это старейшие СМИ Республики Крым («Крымская правда» выходит с 1918 г., «Крымская газета» — с 1934 г.), активно формирующие ценностную повестку дня в регионе.

В газете «**Крымская правда**» (КП) за 2016 г. представлен 291 материал исследуемой тематики. Обозначим наиболее показательные микротемы. **Культурные мероприятия и события** в Республике Крым освещены в 137 материалах. Например: *В Симферополь доставили бронзовый памятник Екатерине Великой* (КП, заметка, 14.06.16) — в столицу полуострова доставлен бронзовый монумент российской самодержице Екатерине II и ее сподвижникам; *Джазовый фестиваль в Коктебеле занял первое место на конкурсе событийного туризма* (КП, заметка,

15.11.16) — международному джазовому фестивалю KoktebelJazzParty присуждено первое место в номинации «Культура» на IV Всероссийском конкурсе событийного туризма «RussianOpenEventExpo», завершившемся в Ханты-Мансийске. Таким образом, культурные процессы в регионе освещаются главным образом через сообщение событийной, новостной информации.

В 2016 г. в «Крымской правде» было опубликовано 46 материалов, посвященных **деятелям культуры** — их биографиям и творческим достижениям. Отметим, что большая часть материалов, посвященных деятелям культуры, представляет собой интервью, причем главным интервьюером выступает журналист Людмила Обуховская, беседующая с крымскими и российскими звездами. Показательно, что в каждом интервью есть вопросы об отношении интервьюируемого к Крыму, воспоминаниях о полуострове, т. е. устанавливается связь героя материала с регионом. Например: *Лучшие в мире «школьные годы»* с Виктором Заславским (КП, 03.10.16). В лиде: *Образцовая детско-юношеская хоровая капелла музыкально-хоровой школы симферопольского поселка Грэсовский, созданная лауреатом Государственной премии Крыма Виктором Заславским, дважды стала победительницей на чемпионате мира хоров. Победить юным хористам не впервой: на какой бы престижный фестиваль или конкурс ни поехали, с каждого возвращаются с призовым местом. Но чемпион мира — это звучит!*

2016-й год был объявлен в Российской Федерации Годом кино. Освещение **успехов и проблем кинематографа** занимает особое место в «Крымской правде» и представлено в 28 материалах, например: *«Солнечный остров» открыли в Евпатории* (КП, хроника, 04.09.16) — торжественная церемония презентации фестиваля детского кино «Солнечный остров»; *Фестиваль документального кино шагает по Крыму* (КП, хроника, 20.12.16) — в Крыму проходит Международный фестиваль документального кино о правах человека «Docudays». В данном случае можно говорить о тенденции освещения региональными СМИ событий культурной жизни как одной из составляющих программы мероприятий, приуроченных к определенным знаменательным датам.

Проанализировав материалы газеты «Крымская правда» за 2016 г., можем отметить, что наибольшее наполнение получают темы «Культурные мероприятия и события в Республике Крым, достижения крымчан» (137 материалов), «Деятели культуры» (46), «Кинематограф» (28), «Театральная жизнь» (24), наименьшее — «Религия» (19), «Реконструкция объектов историко-культурного значения Республики Крым» (15), «Проблемы развития культуры в Крыму» (12). Преобладающие жанры — малые информационные, такие как анонсы, хроники, заметки. Публикации, которые допускают присутствие авторской оценки — интервью и репортажи, максимально стандартизированы. Анонсы, хроники, некоторые заметки не имеют подписи, остальные материалы авторские — Людмилы Обуховской и Людмилы Милиной. Отсутствие серьезных аналитических материалов на тему культуры согласуется с тенденцией минимизации аналитических элементов в тематической структуре региональных медиа. Связано это с несформированностью спроса на такие тексты у аудитории и спецификой редакционной политики местных СМИ.

В «Крымской газете» (КГ) в 2016 г. было отмечено 397 материалов культурно-просветительской тематики. Так, *культурные мероприятия и события* в Республике Крым освещены в 114 публикациях. Приведем примеры: *Не только великий маринист* (КГ, Кристина Курочкина, заметка, 27.07.16) — Государственная Третьяковская галерея выпустила рекламный видеоролик о выставке «Иван Айвазовский. К 200-летию со дня рождения»; *Хризантема сорта «Мишка» стала принцессой бала в Никите* (КГ, Лариса Меркушева, репортаж, 28.11.16) — репортаж с 63-го Бала хризантем. Следует отметить, что в материалах на тему культуры преобладает информационная составляющая и описательная форма подачи, о чем свидетельствуют и выбор жанров (информационные заметки, анонсы, отчеты), и особенности языка медиатекстов.

В «Крымской газете» опубликовано 46 материалов, посвященных *деятелям культуры* — их биографиям и творческим успехам. Например: *Неизвестный артист Айвазовский* (КГ, Борис Седенко, интервью, 06.09.16). Лид: «Газета» постигала многогранность личности великого мариниста. А ближе с малоизвестной стороной его деятельности нас познакомила директор Феодосийской картинной галереи имени И. К. Айвазовского Татьяна Гайдук; *Певица Эльмира Налбантова: «Отец мне отдал свои крылья»* (КГ, Борис Седенко, интервью, 13.10.16). Лид: «Крымская газета» встретила с яркой и неповторимой крымской певицей Эльмирой Налбантовой. Она считает, что дорогу в творчество ей открыл отец — знаменитый крымско-татарский композитор. Она часто выступает в жанре моноспектаклей и исполняет композиции на 17 языках, а также руководит крымско-татарским ансамблем песни и танца «Хайтарма». В подобного рода интервью нередко затрагиваются проблемы культурной жизни региона, предпринимаются попытки осмысления современных тенденций в культуре и искусстве.

Теме *театральной жизни Крыма* посвящено 40 публикаций, мы выделили следующие наиболее показательные примеры: *100 уникальных архивных документов* (КГ, Мария Лебедева, заметка, 14.03.16) — об открытии выставки архивных документов, которые иллюстрируют вехи крымской истории; *Опера «Служанка-госпожа» стала прорывом крымчан в большое искусство* (КГ, Борис Седенко, заметка, 07.12.16) — Крымская государственная филармония на Всероссийском конкурсе в области событийного туризма в Ханты-Мансийске получила сразу две престижные награды за постановку миниатюрной оперы «Служанка-госпожа» в исполнении камерного оркестра.

Региональные СМИ распространяют информацию о достижениях местных деятелей искусств и коллективов, победах на конкурсах и фестивалях. Так, наибольшую представленность в «Крымской газете» получили темы «Культурные мероприятия и события в Республике Крым, достижения крымчан» (114 публикаций), «История» (54), «Деятели культуры» (46), «Театральная жизнь Крыма» (40), «Наука» (22), рубрика «Моя страна» (20), «Кинематограф» (20), «Крымские достопримечательности» (19), «Культурные особенности разных национальностей Крыма» (18). Наименее представлены такие темы, как «Литература» (12), «Проблемы развития и популяризации культуры в Крыму» (9). Преобладающие жанры — заметки, интервью, статьи, репортажи, дайджесты. Указано авторство

практически всех материалов, при этом сложно выделить одного-двух журналистов, специализирующихся только по данной теме: она является одной из основных в издании — внимание ей уделяет почти весь коллектив авторов.

Выводы

Культурно-просветительское направление журналистской деятельности, по нашему мнению, является в настоящее время одним из важнейших факторов структурирования повседневности и усвоения базовых для данного общества норм, ценностей и знаний, обращение к которым имеет не меньшее значение, нежели освещение социальной, политической, экономической повестки дня. В этом ключе современный региональный медиадискурс представляет собой специфическую часть массовой культуры, которая ориентирует на разные виды идентификации территории и адресата: через комплекс тем и проблем, поднимаемых в разных изданиях и разных жанровых манифестациях, стилистические ресурсы, отсылающие к языковой картине мира читателя, выбор и компоновку оценочных средств и др. Местные СМИ отражают основные культурные традиции и ценности, присущие той или иной территории, подобная направленность на сохранение культурно-исторического наследия отличает региональные медиа от федеральных. При этом региональный медиадискурс несомненно соотнесен с доминантами российской массовой культуры и органически сочетает локальное и универсальное. Медиатексты наполняют региональную картину мира ключевыми смыслами, значимыми для жителей данной территории, в них фиксируются важные для общества и культуры ценности, причем тексты строятся таким образом, чтобы адресат разделял эти ценности или стремился к ним.

Отметим, что популярные издания полуострова — «Крымская правда» и «Крымская газета» — активно презентуют читательской аудитории материалы культурной тематики. В центре внимания оказываются факты культуры, представленные путем освещения культурных событий Республики Крым, достижений крымчан, успехов кинематографа, театральной жизни. Общим для изданий является присутствие в каждом номере 2–5 материалов обозначенной тематики, что составляет примерно 40 % общего объема выпуска, а также наличие регионального компонента — привязки к Республике Крым. В дополнение к этому в «Крымской правде» делается акцент на религиозных вопросах, реконструкции объектов историко-культурного значения в Республике Крым. В «Крымской газете» спектр описываемых тем шире: внимание читателя сфокусировано на вопросах истории, науки, литературы Крыма, популяризации крымских достопримечательностей. Предпринятое исследование продемонстрировало перманентное транслирование региональными массмедиа, погружающими читателей в иерархию кодов родной им культуры и эксплицирующими стоящие за этими кодами ценности, культурных и нравственных ориентиров с целью привлечения внимания аудитории к материальной стороне жизни современного общества.

В завершение отметим, что роль крымских СМИ в продвижении нравственно-культурных ценностей территории велика, поскольку помимо основной

функции — информирования о событиях культурной жизни республики они ретранслируют культурные смыслы, являются площадкой для межкультурного диалога, что особенно актуально для многонационального региона.

1. *Воскресенская М. А.* Просветительство и расширение кругозора // Журналистика сферы досуга. СПб., 2012. С. 79–83.

2. *Гафиятуллина Л. А.* О подходах к изучению понятия «культура» // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 2. С. 4–7.

3. *Гришанина А. Н.* Человек в медиаполисе: обращение к вопросам духовного наследия // Средства массовой информации в современном мире: Петербургские чтения : материалы 52-й науч.-практ. конф. СПб., 2013. С. 41–44.

4. *Демина И. Н.* Ценности в жизни общества: характеристика социальной роли // Массмедиа и ценностные отношения общества. М., 2013. С. 17–25.

5. *Ерофеева И. В.* Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск, 2009.

6. *Закурдаева В. В.* Массовая культура как феномен духовной жизни общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Курск, 2002.

7. *Зарубина Н. Н.* Повседневность в контексте социокультурных трансформация российского общества // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 52–62.

8. *Ильин А. Н.* Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры). Омск, 2010.

9. *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2013.

10. *Костина А. В.* Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2009.

11. *Лучинский Ю. В.* Просветительская журналистика: идеология и типология [Электронный ресурс]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/luchinskij-zhurnalistika/prosvetitel'skaya-zhurnalistika.htm> (дата обращения: 30.06.2018).

12. *Махлина С. Т.* Семиотика культуры и искусства : словарь-справочник : в 2 кн. СПб., 2003. Кн. 2.

13. *Мисонжников Б. Я.* Духовность как предмет интенции массмедиа // Кризис духовности в медиaprостранстве. СПб., 2012. С. 8–16.

14. *Олешко Е. В.* Журналистика и культура: модели взаимодействия и реализации // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). С. 91–97.

15. *Орлова З. Н.* Понятие «культура»: аксиологический аспект // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 158–162.

16. *Полонский А. В.* Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова // Русский язык в современном медиaprостранстве. Белгород, 2009. С. 151–160.

17. *Сергеева Т. С.* Арт-журналистика и современная российская культура: ценностно-смысловые доминанты и проблема сохранения человека // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 22 (313). С. 152–156.

18. *Синельников Д. П.* Феномен журналистики в контексте современной культуры // Прошлое — настоящее — будущее Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2013. С. 375–379.

19. *Тулутов В. В.* Региональная журналистика: сегодня и завтра // Вопросы теории и практики журналистики (Иркутск). 2013. № 2 (4). С. 78–92.

20. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов. М., 2000.

21. *Цветова Н. С.* Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2012. № 1. С. 231–237.

Статья поступила в редакцию 3.10.2018 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (КОЛОНКА ОМБУДСМЕНА ГАЗЕТЫ «THE GUARDIAN»)

В статье рассматриваются современные тенденции развития механизмов регулирования журналистики в Великобритании. Основное внимание уделяется колонке «домашнего критика» газеты «The Guardian» («Хранитель»). Делается попытка проследить важные этапы работы омбудсменов газеты за 20 лет практики саморегулирования. Колонки первого «редактора читателей» (Йан Мейс) и сегодняшнего (Пол Чадвик) сравниваются в тематическом и методологическом аспектах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; саморегулирование; пресс-омбудсмен; «Гардиан»; жалобы; ответственность.

В основе европейской концепции саморегулирования журналистики лежит представление о том, что демократия — это не только возможность спорить, но еще и «общая культура разумного и объективного ведения спора», а саморегулирование — это «обязательство ориентированных на качество работников СМИ поддерживать диалог с общественностью» [8].

Профессиональное сообщество совместными усилиями вырабатывает определенные критерии своей деятельности и предлагает их аудитории. Эти критерии фиксируются в кодексах профессиональной этики. Но создание кодексов — только первый шаг в разрешении конфликтов. Важно выработать механизмы осуществления контроля за соблюдением этических принципов, а также их постоянной корректировки. В настоящее время функции контроля делегированы Совету по прессе и институту пресс-омбудсмена.

Совет по прессе — это независимый от государства орган, куда входят в первую очередь журналисты, а также юристы, правозащитники, представители университетской среды, иногда — судебной системы. Как внесудебный орган, Совет по прессе не обладает властными полномочиями. В его компетенцию входит квалифицированное рассмотрение спора и обнародование экспертного решения. Часто публичного разбирательства конфликта достаточно для его разрешения.

Как правило, руководство совета берет с заявителя обязательство не обращаться с одной и той же жалобой в совет и в суд, позиционируя себя, таким образом, как альтернативный орган разрешения споров. Однако если рассматриваемая ситуация имеет серьезные причины или последствия, совет после вынесения своего решения рекомендует заявителю обратиться в суд для дальнейшего разбирательства. В Европе на сегодняшний день действует 35 советов

ШИШПАРЁНОК Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (e-mail: irk-lena@yandex.ru).

© Шишпарёнок Е. В., 2019

по прессе. В России существует единственный аналог — Общественная коллегия по жалобам на прессу. С 2005 г. она рассматривает споры, связанные с деятельностью российских СМИ.

Омбудсмен — это «домашний критик» издания, который не является его корреспондентом и заключает договор о трудоустройстве не с главным редактором, а напрямую с владельцем газеты или канала. Таким образом обеспечивается определенная независимость «редактора читателей». Он должен отвечать на все жалобы аудитории, разрешать конфликтные ситуации, обращаясь с вопросами и замечаниями к редакционному коллективу. Пресс-омбудсмен является медиатором между газетой и аудиторией, устанавливает между ними диалог и сотрудничество. «Домашних критиков» имеют многие американские и европейские издания.

Британская модель регулирования журналистики имеет свою специфику. Коммерческое телевидение стало развиваться в Великобритании во второй половине XX в., до этого преобладало общественно-правовое вещание, представленное Британской вещательной корпорацией (BBC). Долгое время регулирование телерадиовещания осуществляли пять организаций: Radio Authority, Radio Communication Agency, Broadcasting Standards Commission, Independent Television Commission и Office of Telecommunications. В 2003 г. эти органы были трансформированы в один — Office of Communications (Ofcom). Управление коммуникациями следит за качеством теле- и радиoproграмм, рассматривает претензии аудитории на низкое качество вещания, осуществляет защиту от оскорбительных материалов и вредного контента [14].

Изменяются также традиционные институты саморегулирования — советы по прессе, кодексы этики, колонки пресс-омбудсменов. С 1990 г. британская Комиссия по жалобам на прессу (Press Complaints Commission, PCC) рассматривает конфликтные ситуации быстрее, чем это делал суд, и выносит решения, обязательные для обнаружения.

В 2005–2007 гг. в Великобритании начались, а в 2011 г. были возобновлены уголовные расследования фактов прослушивания голосовой почты многих знаменитостей, военных, а также членов королевской семьи английским таблоидом «News of the World», принадлежащим компании «News International Limited». По инициативе премьер-министра Великобритании был создан специальный следственный комитет по изучению культуры и этики британских СМИ, который возглавил глава совета по судебным решениям Англии и Уэльса лорд Брайан Левесон (An inquiry into the culture, practices and ethics of the press). Одним из пунктов заключения, к которому пришло расследование, стала «недостаточная эффективность деятельности PCC», никак не отреагировавшей на нарушения «News of the World». Было рекомендовано создание нового, независимого органа разрешения споров [15].

Вопрос о необходимости законодательного регулирования СМИ широко обсуждался в правительстве Великобритании. В результате в 2013 г. была принята Королевская хартия о создании специального органа для проверки независимости английских газет. На ее основе с сентября 2014 г. начала функционировать

The Independent Press Standard Organization — IPSO. Многие с осторожностью относятся к новому медиарегулятору и не спешат сотрудничать с ним. С таким заявлением выступили некоторые крупные издания — «The Guardian», «The Independent», «The Financial Times». Как следствие, в информационном пространстве Великобритании стали появляться альтернативные органы — The Independent Monitor for the Press, Press Recognition Panel. Исследователи говорят о кризисе британского саморегулирования [1, 42].

Изменения в сфере медиакритики, представленной такими организациями, как «Медиаобъектив» (Media Lens), «Медиауайз» (Media Wise Trust), обусловлены стремлением медиарегуляторов выступать против функционирования СМИ как системы пропаганды, действующей в интересах элиты. Media Wise участвует в организации диалога сотрудников СМИ с британской общественностью, позиционирует себя как организация, «отстаивающая право аудитории знать, насколько правдива и точна та или иная медиаинформация» [2, 118].

Трансформируется и практика внутренней критики британских изданий, оставаясь при этом одним из ведущих механизмов саморегулирования. Остановимся подробнее на деятельности пресс-омбудсменов.

За двадцать лет опыта «домашней критики» «Guardian» рубрику «Открытая дверь» вели четыре омбудсмена¹. Проанализируем тексты первого критика в сравнении с текстами действующего «редактора читателей», чтобы посмотреть, как изменилась их тематика, методы обработки обращений и ответов на жалобы.

Мы рассматривали материалы И. Мейса за период с 1998 по 2003 г., в первую очередь те, что вошли в книгу «Работа над ошибками», изданную на русском языке, и материалы колонки П. Чадвика — с января по декабрь 2017 г. Попробуем сравнить статьи редакторов по следующим критериям:

- цели и задачи рубрики «Открытая дверь»;
- наличие публикаций, разъясняющих функции «домашнего критика» в газете;
- инициатива написания материала (тема предлагается омбудсменом или является ответом на обращение читателей);
- источники, к которым обращается редактор при поиске ответа на вопрос читателей;
- позиция публичного редактора в конфликтной ситуации (по отношению к коллегам и аудитории).

Оба редактора довольно четко определяют цели и задачи своей деятельности (*первый критерий*). Иан Мейс был назначен на должность омбудсмена, чтобы «публично и беспристрастно обсуждать на страницах газеты жалобы и вопросы читателей» [13]. В основе его работы лежит принцип: газеты, которые призывают других к ответственности, сами должны быть ответственны. Чтобы добиться поставленной цели — разрешать конфликты, омбудсмен выполняет конкретные задачи. Одна из них — это мониторинг и анализ ошибок, которые допускает

¹ Омбудсменами «Guardian» были: 1997–2007 гг. — И. Мейс; 2007–2010 гг. — С. Баттерворт; 2010–2016 гг. — К. Элиот; 2016 г. — настоящее время — П. Чадвик. С 2001 г. С. Притчард назначен омбудсменом газеты «The Observer», воскресного приложения «Guardian».

«Guardian». Омбудсмен оговаривает цель подобных материалов — определить исходный уровень, ориентируясь на который, можно будет судить о качестве работы колонки исправлений.

И. Мейс отмечает «героическое упорство педантичности» своих читателей. Например, на первой странице «Guardian» упоминалось внутреннее море IJsselmeer (Эйселмер) в Голландии. Читатель из Гааги отметил, что на самом деле речь идет об искусственном пресноводном озере, и его название пишется с двумя первыми прописными буквами, изображающими одну букву голландского алфавита — IJsselmeer. И. Мейс воспользовался интерактивной энциклопедией Encanta, чтобы проверить эту информацию, и попросил автора материала ответить читателю из Гааги [5].

Пол Чадвик, говоря о целях колонки, подчеркивает необходимость обеспечения подлинного саморегулирования (authentic self-regulation) журналистики, которая стремится сохранить доверие читателей и выполняет свою функцию в демократическом обществе, несмотря на коммерческое давление и другие обстоятельства. Чтобы работа омбудсмена была эффективной, его позиция в редакции должна быть независимой. «Guardian» старается на протяжении двадцати лет сохранить эту традицию, отмечает редактор [12].

Таким образом, И. Мейс и П. Чадвик ставят перед собой одну цель — разрешать конфликты между газетой и аудиторией, создавать доверие между ними. П. Чадвик отмечает при этом сложность позиции омбудсмена, который не должен принимать ничью сторону в споре. Работа «редактора читателей» нацелена не столько на моментальный результат, сколько на перспективу — создание доверия и диалога, но в конечном счете именно такая позиция издания повышает его качественный и репутационный уровень. Можно сказать, целевая установка П. Чадвика — повысить качество работы издания — достигается выполнением конкретных задач, основная из которых — аргументированно отвечать на сложные вопросы читателей [12].

С первым критерием анализа колонки омбудсменов непосредственно связан *второй критерий* — наличие материалов теоретического характера, которые бы объясняли читателю задачи и функции омбудсмена в газете.

И. Мейс часто уделяет внимание общим вопросам, акцентирующим внимание на необходимости со стороны газет признавать и исправлять свои ошибки. Омбудсмен пытается разобраться в том, почему английские газеты неохотно заводят колонку исправлений. Делает своеобразный обзор мнений по этому вопросу среди ведущих журналистов и редакторов. Отмечает, что некоторые издания перенимают опыт «Guardian» по исправлению и анализу ошибок («The Observer», «The Daily mirror» и «The Independent on Sunday») [5]. Целью подобного рода колонок, на наш взгляд, можно считать, среди прочего, пропаганду или популяризацию института омбудсмена в Великобритании.

«Теоретические» материалы есть и у П. Чадвика. Они адресованы не столько аудитории, сколько медиасообществу, с целью подчеркнуть важность саморегуляции профессии. П. Чадвик напоминает, что задача домашнего критика — стремиться к повышению качества газеты. Он выделяет три основные функции

«редактора читателей»: реагировать на жалобы, принимать решения о внесении изменений, изучать взгляды аудитории и журналистов с целью развития издания.

Небольшая команда омбудсмена обрабатывает в год около 30 тыс. обращений. Часто разъяснение претензии вызывает горячие споры, неприятные для обеих сторон. Когда разбирательство заканчивается, омбудсмен пытается спокойно оценить ситуацию. Иногда результатом становится необходимость пересмотреть этический кодекс «Guardian» или руководство по стилю. «Важно, — отмечает П. Чадвик, — что при рассмотрении спорной статьи могут зародиться основы качественной журналистики». Задача омбудсмена — сблизить журналистов и читателей, которые нуждаются друг в друге в демократическом обществе [11].

Из двадцати пяти проанализированных нами материалов И. Мейса пятнадцать содержат ту или иную пояснительную информацию о функциях омбудсмена. Безусловно, это объясняется тем, что колонка публичного редактора была первым опытом саморегулирования издания. Аудитории необходимо было привыкнуть к общению. Что касается П. Чадвика, то за 2017 г. мы обнаружили только 7 (из 30) материалов, в которых разъяснялась бы необходимость вести колонку «Открытая дверь». Все они связаны с двадцатилетним юбилеем института омбудсмена в «Guardian» и анализируют опыт работы, ее итоги и перспективы. Данное соотношение материалов разъясняющего характера в практике омбудсменов свидетельствует о том, что аудитория хорошо знакома с традицией домашней критики издания. Этот механизм работает и не нуждается в популяризации.

Третьим критерием нашего анализа является инициатива написания материала в рубрике «Открытая дверь». В семнадцати статьях И. Мейса содержится прямой ответ на обращение читателей. Часто вопросы вызывают дискуссию в коллективе, тогда омбудсмен выступает в качестве посредника и доводит точку зрения редакции до аудитории.

Когда домашний критик сам предлагает тему для разговора, она обычно касается основных принципов редакционной политики, спорных моментов. Например, Иан Мейс говорит о планах «Guardian» организовать осмысленную дискуссию на интернет-сайте, о намерении преодолеть агрессивность электронных откликов на материалы газеты, давление на ее либеральные ценности. Издание на тот момент находится в процессе осознания своего международного измерения, что требует от журналистов — И. Мейс приводит слова главного редактора — «начать думать чуточку более в международном масштабе и стать чуточку менее англоцентричными» [3].

Омбудсмен задается важным для редакции вопросом: «Следует ли помещать в “Guardian” ссылки на материалы, находящиеся на других сайтах, если сама газета никогда не стала бы их публиковать?» В частности, рассматривается сайт «Нюрнбергские файлы», на котором названы более двухсот врачей, делавших или готовых делать аборт. В редакции вопрос вызвал серьезную дискуссию, о которой И. Мейс рассказывает читателям, приводя свою точку зрения, а также интересуясь, как бы в этом случае поступили они сами [4].

«Редактор читателей» рассматривает тему фотографий в «Guardian». В частности, имеет ли право редакция изменить или вырезать фрагмент из снимка,

публикуемого в газете. Какую долю в иллюстративном материале занимают снимки женщин? В каком соотношении находятся фотографии тел белых и темнокожих людей?

Омбудсмен рассказывает, как обычно проходят утренние летучки в газете: сколько журналистов присутствует, какие бывают экспериментальные предложения (например, проводить собрания в темноте, чтобы меньше чувствовалось давление руководителей). Цель подобных материалов, на наш взгляд, — приобщить читателя к традициям и текущей жизни редакционного коллектива.

Из тридцати материалов П. Чадвика восемнадцать воспринимаются как предложение рассмотреть определенный аспект работы журналистов издания или проанализировать тенденции развития современного медиапространства. П. Чадвик говорит о поддельных аккаунтах в социальных сетях, о внутренней проверке «Guardian», называет конкретные материалы газеты, связанные с подобными нарушениями. Омбудсмен приводит случаи уличных протестов и столкновений, которые провоцируются так называемыми «fighting words», словами ненависти. Возможности социальных сетей разжигать конфликты должны быть осознаны, изучены, должны получить правовую базу регулирования.

Можно сделать вывод о том, что в работе омбудсмена «Guardian» сохраняется традиция глубокого анализа читательской активности и принципов работы журналистов. Оба редактора часто предлагают читателю тему для разговора. Разница в том, что предложения И. Мейса в основном связаны с популяризацией саморегулирования в журналистике. П. Чадвик, не обходя вниманием саморегулирование, расширяет границы обсуждаемых проблем. Он говорит о новых технологических возможностях газеты, анализирует американскую местную прессу, проводит исторические параллели и т. д. Омбудсмен больше анализирует и прогнозирует, чем отвечает. Жалобы и обращения становятся поводом не только для разрешения конкретного локального конфликта, но для понимания тенденции изменения того или иного аспекта деятельности редакции, для устранения подобного рода ошибок в будущем.

И. Мейс чаще приводит конкретные истории, показывает, как он ищет ответ, работает с коллегами. Его задача — приобщить к диалогу, создать доверие. П. Чадвик по-прежнему настроен на продолжение доверительного диалога, но его задача выглядит более усложненной — не только определить и устранить причину конфликта, но предложить аудитории определенный этический код издания. Приобщить уже не просто к диалогу, но к определенным морально-этическим рамкам взаимодействия. Пользуясь отработанным механизмом обратной связи, омбудсмен транслирует традиционный для «Guardian» кодекс поведения, с одной стороны, своей аудитории, с другой — членам своего коллектива. Этический кодекс газеты оказывается не застывшим сводом правил, хранящимся в архиве редактора, но актуальным, постоянно востребованным и корректируемым механизмом само- и саморегулирования профессии.

При характеристике источников, которыми пользуется омбудсмен при ответе на вопросы читателей (*четвертый критерий*), можно отметить основной общий признак в практике обоих редакторов, а именно их многообразие. Не только

личная позиция колумниста является основанием для ответа. Она, скорее, завершающий этап глубокого исследования проблемы. И. Мейс активно использовал словари, справочники, энциклопедии и другие базы данных при уточнении информации, не забывая при этом указать источник в тексте материала.

Приводя конкретные случаи редакционной практики, И. Мейс показывает, как важно читателям знать, откуда журналист берет информацию и как часто авторы статей не ссылаются на источники. Такую небрежность в работе, когда можно взять данные из другой газеты и не упомянуть ее, Мейс называет «негодной журналистикой». Он приводит отрывки редакционной дискуссии о плагиате, разъясняет (чаще всего апеллируя к мнению главного редактора) положения этического кодекса «Guardian» по этой теме. Омбудсмен подчеркивает, что предназначение этического кодекса издания — оказывать давление на журналистов в интересах читателей. Он говорит, что, требуя от сотрудников аккуратности в цитировании источника, «мы боремся с привычками, которым намного больше лет, чем любому из нас» [6].

П. Чадвик часто озвучивает позицию редакции, прогнозирует развитие того или иного явления. Например, чтобы журналисту проще было определить границу между частной жизнью и общественным интересом, «редактор читателей», опираясь на свой опыт участия в информационных спорах, предлагает выделять пять категорий славы:

— слава по выбору или назначению (политики, судьи, госслужащие) — право общественности контролировать деятельность чиновника может оправдать интерес к частной информации;

— слава по достижению (спорт, кинематограф, телевидение, крупные соревнования и т. п.) — в этом случае люди также сознательно выбирают публичность, поэтому вмешательство в их жизнь может быть оправдано;

— слава по ассоциации (это люди, так или иначе связанные с известными, часто — печально известными, супругами, родителями, детьми, братьями, сестрами) — вторжение в их личное пространство требует тщательного обоснования со стороны журналистов;

— случайная слава, связанная с попаданием людей в непредвиденные обстоятельства (катастрофа, трагедия или, реже, удача), — в данном случае человек оказывается неподготовленным к повышенному вниманию общественности и обладает самым веским доводом, чтобы сохранить свою конфиденциальность (он имеет право восстановить силы, оправиться от потрясения);

— наконец, королевская слава, которую П. Чадвик называет «уникальной». Обращаясь к судебным прецедентам и словам судьи, омбудсмен заключает: «...все, что касается короны, является общедоступным интересом» [10].

Оба редактора используют статистический метод при анализе исправлений и ошибок. И. Мейс представляет такой отчет в более подробном виде, сопровождая его примерами. П. Чадвик говорит об ошибках более обобщенно, приводит соотношение количества исправлений за разные годы. Рассуждает о том, все ли ошибки следует исправлять, приводит собственные критерии отбора (степень потенциального вреда, возможные последствия неправильного понимания

предмета, своевременность публикации исправления, юридические соображения, степень репутационного риска для «Guardian» и др.). Омбудсмен оценивает, требует ли предмет жалобы специального рассмотрения, внутриредакционного обсуждения и разъяснения читателю. Он доводит до аудитории решение о том, что существенные ошибки газета будет исправлять в печатной версии, все остальные — в электронном пространстве [9].

Важным источником информации при поиске ответа на сложные этические вопросы для обоих редакторов является мнение коллектива. И. Мейс часто прибегает к опросам журналистов, выявлению их позиции по той или иной проблеме, рассказывает в колонке о том, как проходил опрос и к каким выводам можно прийти. Ярким примером можно считать случай с шуткой про болезнь Альцгеймера. Напечатанная в разделе «Расскажите мне анекдот», она вызвала возмущение читателей, которые столкнулись в жизни с этим тяжелым заболеванием. Чтобы ответить на претензию, Мейс предложил сотрудникам редакции небольшую анкету о восприятии анекдота. В колонке он рассказывает о вопросах, уточняет количество опрошенных (35 человек), подводит итоги. Кроме того, Мейс разъясняет позицию читателя, приводит мнения коллег, рассказывает о своем общении с заявителем уже после проведенного разбирательства [7].

П. Чадвик в своих материалах прибегает к мнению экспертов, судей, представителей университетской среды, коллег. Декларируя позицию издания, он чаще всего ссылается на точку зрения главного редактора. Например, омбудсмен рассказывает об обращении Кетрин Вайнер (Katharine Viner) к британской аудитории, а также к американским и австралийским коллегам с «Миссией для журналистов во время кризиса». Речь является манифестом издания в переходном периоде его развития, когда у него уже имеется глобальная аудитория, осваиваются новые технологии производства.

Наконец, *пятым критерием* нашего анализа является личная позиция «редактора читателей» в конфликтной ситуации. И. Мейс подчеркивает, что для омбудсмана важна максимальная объективность. Его задача — выслушать обе стороны и разрешить конфликт. Чтобы ответ не выглядел субъективным и необоснованным, редактор подробно и последовательно рассказывает аудитории о своем поиске, описывает методы, источники, приводит и комментирует позицию коллег, знакомит читателя с внутриредакционной жизнью. Пол Чадвик в данном случае чаще и увереннее выступает со своим профессиональным видением ситуации. У него уже нет необходимости показывать процесс выявления позиции «Guardian» благодаря традиции читательского доверия «домашнему критику». Реагируя на проблему, П. Чадвик предлагает ее решение. Например, анализируя запросы читателей на удаление того или иного материала из электронного архива, омбудсмен разъясняет политику редакции: архив газеты должен быть сохранен, так как, во-первых, это часть коллективной памяти, во-вторых, материал научных исследований, которые важны для общества. Архив может быть изменен в исключительных случаях, но все изменения должны быть зафиксированы [9].

Колонка исправлений работает самостоятельно, омбудсмену все реже приходится комментировать вносимые изменения. Зато чаще «редактор читателей» может выступить со своей инициативой, пригласить читателя к анализу местной печати, провести исторические параллели в работе «Guardian», сравнить методы подготовки материалов с практикой американских изданий и др. П. Чадвик приглашает читателя к эксперименту, к сотрудничеству. Наконец, он обращается к аудитории с анализом современного состояния журналистики, профессиональной позиции издания и прогнозом его ближайшего развития.

Если И. Мейс настойчиво и последовательно знакомит читателя с механизмом внутренней критики, завоевывает его доверие, то П. Чадвик уже пользуется плодами этой работы. Читатель доверяет омбудсмену, ждет его комментария, сотрудничает с газетой. Это дает возможность редактору заниматься анализом деятельности издания, регулировать внутреннюю жизнь коллектива и, рассказывая об этом, влиять на аудиторию, приобщать ее к традициям терпимого и уважительного отношения к окружающим.

Итак, систематизация материалов пресс-омбудсмана показывает, что работа Иана Мейса отличается многообразием тем и методов обработки писем. Не только обращение читателей служит поводом к написанию материала, часто сам омбудсмен выходит к аудитории с предложением обсудить определенный этический или организационный вопрос. Такие публикации носят просветительский или воспитательный характер, направлены на то, чтобы познакомить читателя с этическими нормами издания, а также напомнить о них своим коллегам. Колонка домашнего критика — своеобразный индикатор этического кодекса, не позволяющий ему превратиться в мертвый, никому не нужный свод правил. И. Мейс постоянно перебирает эти этические положения, заставляет их звучать, работать и, в конце концов, приобщает и коллектив, и аудиторию к руководству этими нормами в своей деятельности.

Колонка П. Чадвика продолжает такие традиции, как анализ ошибок, обсуждение спорных этических вопросов, а также теоретические рассуждения о роли института омбудсмана в газете и обществе. От практики И. Мейса колонку сегодняшнего омбудсмана отличает то, что П. Чадвик чаще выступает со своей позицией, декларируя ее как редакционную. Он реже апеллирует к мнению редакторов и коллег, не показывает, как это делал И. Мейс, внутривнутриредакционную дискуссию, результатом которой стала та или иная позиция омбудсмана. Очевидно, это говорит о самостоятельности «домашнего критика», а также об отработанном механизме уточнения, согласования конфликтных ситуаций с руководством газеты. Уже нет необходимости показывать процесс обсуждения читателям, которые знакомы с работой омбудсмана, доверяют ему.

В материалах П. Чадвика меньше рассуждений о необходимости саморегулирования (почему важна колонка омбудсмана, как работать с обращениями читателей), но больше социальной прагматики (границы между общественным интересом и личной жизнью, газета и рекламодатели, агрессивные комментарии т. д.). В статьях сегодняшнего «домашнего критика» прослеживаются две основные задачи — саморефлексия издания и формирование высокой культуры

диалога газеты с читателями. «Открытая дверь» по-прежнему, вот уже двадцать лет, приглашает к такому диалогу свою постоянно расширяющуюся аудиторию.

1. *Кудмыганова И. А.* Актуальные вызовы ответственности СМИ и стратегии ее реализации (на примере британской медиапрактики) // *МедиаАльманах*. М., 2017. № 1. С. 36–46.

2. *Левущкая А. А.* Развитие медиакритики в Великобритании в начале XX века // *Alma mater: Вестник высшей школы*. 2017. № 4. С. 115–120.

3. *Мейс И.* В разных измерениях: международная популярность веб-сайта. 2001.13 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medialaw.ru/publications/books/cc/index.html> (дата обращения: 05.12.2016).

4. *Мейс И.* Ищите свободу слова? Кликните здесь! — Ссылки на сомнительные интернет-сайты. 1999. 13 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medialaw.ru/publications/books/cc/index.html> (дата обращения: 05.12.2016).

5. *Мейс И.* Обязанности прессы: газеты и ответственность. 2000. 2 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medialaw.ru/publications/books/cc/index.html> (дата обращения: 05.12.2016).

6. *Мейс И.* Потребность в разговоре начистоту: право читателей знать, откуда мы черпаем информацию. 2002. 8 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medialaw.ru/publications/books/cc/index.html> (дата обращения: 05.12.2016).

7. *Мейс И.* Работа над ошибками: Опыт омбудсмена газеты «Гардиан». М., 2005. С. 56–58 [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/1864917/> (дата обращения: 24.12.2017).

8. Путеводитель по саморегулированию СМИ. Все вопросы и ответы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifar.ru/library/book287.pdf> (дата обращения: 17.02.2018).

9. *Chadwick P.* Choosing what to correct or clarify is presenting new challenges [Electronic resource] // *Guardian*. 2017. 19 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/19/choosing-what-to-correct-or-clarify-is-presenting-new-challenges> (accessed: 22.11.2017).

10. *Chadwick P.* Five categories of fame [Electronic resource] // *Guardian*. 2017. 17 Dec. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/17/five-categories-of-fame> (accessed: 20.12.2017).

11. *Chadwick P.* How can we build confidence and trust? By scrutinizing ourselves [Electronic resource] // *Guardian*. 2017. 26 May. URL: <https://www.theguardian.com/membership/2017/may/26/how-can-we-build-confidence-and-trust-by-scrutinising-ourselves> (accessed: 05.06.2017).

12. *Chadwick P.* Trial and error 20 years of work by the readers editors office [Electronic resource] // *Guardian*. 2017. 26 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/26/trial-and-error-20-years-of-work-by-the-readers-editors-office> (accessed: 20.11.2017).

13. *Mayes I.* Trust me — I'm an ombudsman [Electronic resource] // *British Journalism Review*. 2004. Vol. 15, № 2. URL: <https://www.sagepublications.com> (accessed: 17.02.2018).

14. Ofcom: making communications work for everyone [https : \[site\]](https://www.ofcom.org.uk/about-ofcom/what-is-ofcom). URL: <https://www.ofcom.org.uk/about-ofcom/what-is-ofcom> (accessed: 05.02.2017).

15. The National Archives/An inquiry into the culture, practices and ethics of the press: report [Leveson] [Electronic resource]. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130103150006/http://www.officialdocuments.gov.uk/document/hc1213/hc07/0780/0780_iv.asp (accessed: 05.02.2017).

Статья поступила в редакцию 3.12.2018 г.

ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА КАК ФАКТОР ПУБЛИЧНОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В статье характеризуются свойства публичности туристической практики и роль трэвел-журналистики в интеллектуализации этой практики. Выявляются ее возможности в оптимизации информационного поля СМИ как медиареальности туристической практики. Изучается характер медиaprостранства трэвел-журналистики, его важнейшие закономерности, обеспечивающие оптимальное взаимодействие между теми, кто производит, распределяет и потребляет туристическую информацию, включающую интеллектуальные ресурсы, целью которых является обновление медиакартини мира путешествий в сознании аудитории.

Ключевые слова: туристическая практика; туристическое медиaprостранство; трэвел-журналистика; интеллектуализация; медиакартини; медиареальность.

Дефицит публичности социальной практики, который испытывает российское общество, ограничивает развитие позитивных тенденций в ней, возможностей интеллектуального взаимодействия в рамках мирового сообщества. Проблемам публичности были посвящены исследования отечественных и зарубежных авторов [1]. Остро стоит вопрос и о публичности туристической практики.

Публичность туристической практики — это:

- обеспечение информационного поля трэвел-журналистики теми ресурсами, которыми располагает интеллектуальный потенциал этой практики;
- непрерывное обновление медиакартини мира в сознании личности, аудиторных групп — участников туристической практики для удовлетворения их информационных потребностей.

Для реализации системных закономерностей медиа в рамках трэвел-журналистики необходима оптимизация туристического медиaprостранства как структурного образования, которое обеспечивает информационное взаимодействие между теми, кто создает, распределяет и потребляет трэвел-информацию.

Туристическая практика как среда трэвел-журналистики

Туристическая практика в настоящее время ассоциируется с новыми культурными и рекреационными возможностями совмещения полноценного отдыха и усвоения богатого мирового опыта, в том числе в области образования и культуры. Благодаря трэвел-журналистике туристическая практика объединяет понятия «информация» и «путешествие», активизирует продвижение культурных и образовательных туристических направлений, трэвел-сервисов и услуг.

ВИХОРЕВА Лия Геннадьевна — преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов, соискатель кафедры периодической печати Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (e-mail: mil-liya@yandex.ru).

© Вихорева Л. Г., 2019

Современная *туристическая практика* представляет собой сложное междисциплинарное явление, включающее экономические, социальные, политические, художественные, антропологические, экологические, исторические, географические, образовательные, психологические и другие ценности, которые являются первостепенными в мировой культуре и популяризируемыми в мировом социальном пространстве. По сути это важнейшие ресурсы мирового сообщества, его актуальный интеллектуальный потенциал, который востребован в глобальном и локальном социальном пространствах [20].

Результаты туристической практики во многом облегчают жизнь потребителям туристических сервисов и услуг, поскольку помогают узнать подробную информацию о пункте назначения, распланировать бюджет, оценить локальные исторические факты, помогают принять решение в определении места пребывания и заранее дистанционно познакомиться с его особенностями.

Результаты туристической практики, активно освещаемые трэвел-журналистикой, в частности российским трэвел-изданием «Вокруг света», снижают риски и неопределенность, связанные с планированием экспедиций, туристических походов и отпусков. В постоянной рубрике «Архив. Вокруг света» публикуются дневники путешественников и участников турпоходов и руководителей экспедиций, которые помогают читателям оценить альтернативы, избежать нежелательных маршрутов и получить опыт.

Достижения отечественной и международной туристической практики отмечаются ежегодно на фестивалях и других мероприятиях при поддержке издательского дома «Вокруг света» и туроператора по выездному туризму «Coral Travel». Фестиваль Night market «Вокруг света», творческое комьюнити для любителей современного искусства и путешествий «Epizode Coral Travel» признают достижения туристической практики и представляют события «дестинационной» туристической практики максимально разноплановым. По мнению И. В. Показаньевой, «в дестинации что-то постоянно происходит», т. е. среда туристической практики (въездной или выездной) постоянно создает условия для развития истории, для развития событий и извлечения общественно значимой информации, получения опыта [21].

По мнению Е. Кастелли [12, 34], туристическая практика — это деятельность, в рамках которой собирают и передают информацию с помощью технических средств, позволяющих воспроизводить ее с тройной целью: информирование, обучение и развлечение. Исследователь выделяет новейшие технические средства с их специальными программами и трэвел-приложениями: Night Sky — для занятий астрономией, Mondly — для изучения иностранных языков, Bonza National Geographic — для изучения географии в игровой интерактивной форме и форме викторин. Приложения, определяющие местоположение пользователя, выводят на экран локальную информацию: время, расписание транспорта, развлечения, фуд-корты, погоду и отзывы и рекомендации путешественников из разных стран, которые отметили свою геолокацию и которых легко найти на карте приложений.

Туристическая практика, будучи частью социальной практики, заботится о социальной жизни, развивает общество, сообщает о проблемах, особенно о тех,

которые должны быть урегулированы с помощью этических и правовых принципов. Туристическая практика — это деятельность, связанная с поиском правдивой информации, с сегодняшним днем, с реальностью, представляемой медиа. Этот поиск информации всегда осуществляется авторским трэвел-медиаактивом, который имеет целью создать материал, способствующий пониманию обществом окружающей действительности [22].

В осуществлении туристической практики, обеспечении ее публичности важная роль принадлежит *интеллектуальному взаимодействию* [10] между теми, кто создает, и теми, кто потребляет инновационные ресурсы. По определению И. М. Карицкой [4], институционализация туризма преобразует этот феномен в культурное явление и средство межкультурных коммуникаций, расширяющее кругозор, удовлетворяющее потребность в духовном освоении культуры, в реализации личной свободы и являющееся, таким образом, специфическим средством познания. Новые информационные технологии меняют цели средств массовой информации [6, 27]. Информатизация общества [8] и цифровизация туризма являются устойчивыми тенденциями социального развития, необходимость которого доказана практикой.

По мнению исследователя из Бразилии М. Бени, туристическая практика представляет собой «набор процедур, идей и принципов, логически упорядоченных и связанных с намерением увидеть туристические достопримечательности, воспользоваться трэвел-сервисами для удовлетворения своих интеллектуальных потребностей» [11, 57]. Другой исследователь из Испании, М. Ледесма [17, 19], среди основных туристических услуг выделяет также транспорт, проживание, питание, покупки, развлечения. А *инфраструктура туризма*, по его мнению, представляет собой совокупность товаров и услуг, с помощью которых население земного шара удовлетворяет первостепенные и культурно-образовательные потребности. *Туризм*, по мнению этих исследователей, это отдых, познание, активная деятельность. Туризм является путешествием, которое совершается человеком в свободное от основной работы время с целью отдыха, смены обстановки, приобретения знаний, передачи знаниевых ресурсов и др. Туризм дает возможность познакомиться с культурой регионов, других стран, обогащает туриста духовно.

Поддержание и развитие туризма, туристических практик благоприятно сказывается на системе социально-культурного обслуживания населения, повышает качество жизни.

Международные отношения активно развиваются, принося пользу развитию туризма во многих государствах. Процветающие страны активно поддерживают туристические практики, в ходе которых происходит межкультурный обмен туристами: школьниками, студентами, работниками различных организаций на срок менее года или более долгосрочное проживание с целью приобретения навыков и передачи интеллектуальных ресурсов странам, где они практикуются или стажировались. Результаты туристической и культурной практики — «Катарские сезоны в Москве — 2018» в рамках перекрестного Года культуры Катара и России, «Итальянские сезоны в России — 2015». Во время подобных сезонов проводятся

несколько десятков культурных мероприятий, обогащающих интеллектуальный потенциал участников и зрителей, помогающих выстроить культурные отношения между представителями разных этносов и национальностей.

В ходе туристической практики ее участники накапливают ресурсы, которые включают также знание инновационных технологий [8], без которых немислимо развитие современной трэвел-журналистики, политики, окружающей среды, спорта, философии, психологии, искусства, истории, экономики и др. По мнению перуанского исследователя Я. Орна, эти знания ведут общество к переосмыслению туристической практики, помогают аудитории трэвел-СМИ обратить внимание на допущенные ошибки, корректировать поведение, обрести новые знания, которые в будущем помогут избежать неверных шагов [19, 11].

Туризм как социальное явление начинается с мыслительного процесса [16, 40]. Это означает, что туристическая практика начинается с планирования будущей туристической поездки или бронирования экскурсий в трэвел-агентстве, в том числе онлайн. Благодаря современным цифровым технологиям и Интернету посетить остров или подняться на гору можно «пробно» — в виртуальном пространстве [18, 71].

Современные исследователи приходят к мнению, что туристические практики подразумевают не только отправление в конкретную точку земного шара, но и путешествие внутри своей страны, города и даже дома, т. е. в рамках повседневного пространства, с использованием современных цифровых технологий. Исследователь М. Гуэрра пишет, что туристическая практика (реальная или виртуальная) является необходимым составным элементом туризма [20, 92]. По мнению ученого, туристическая практика может осуществляться виртуально без смены локации, с использованием мобильного приложения или другого онлайн-сервиса.

Предложенная исследователем М. Ледесма классификация туристических практик не является окончательной и закрытой категорией и стремится привести туристические практики к новой систематизации. Однако есть черта, объединяющая современные туристические практики: каждый из их видов предполагает стремление к отдыху, контакту с новым и неизведанным, обретению знаний, впечатлений, опыта.

Типология туристических практик включает:

1. Интеллектуальные туристические практики (научные, художественные и т. д.);
2. Личные туристические практики (с целью лечения, занятий спортом, брендовый туризм, поиск впечатлений);
3. Материальные туристические практики (передача различного рода ресурсов, с целью предпринимательской деятельности);
4. Экологические туристические практики (этнографические, астрономические, экологический контроль).

Медиапространство трэвел-журналистики как медиаструктура, обеспечивающая публичность туристической практики

Взаимодействие всех участников туристической практики прежде всего формирует и непрерывно обновляет *информационный потенциал* [9, 47] трэвел-журналистики, который отражается в ее информационном поле в форме медиатекстов, а также играет важную роль в формировании медиакартины мира в индивидуальном и групповом сознании аудитории. Освоение этого инновационного опыта, рожденного в процессе туристической практики, обогащает интеллектуальный потенциал аудитории, накопленный в процессе путешествий, образовательной, научной, культурной и других видов деятельности. Этот потенциал вбирает в себя все интеллектуальные ресурсы, относящиеся к туристической практике.

Таким образом, устранение *дефицита публичности* [1, 15] туристической практики — это прежде всего репрезентация результатов социального творчества журналистов, авторского актива, различных редакторских общностей. Это обеспечение наблюдаемости ресурсов туристической практики, сообщаемости о них аудитории и объяснимость их содержания.

Трэвел-журналистика располагает широким функциональным набором, способствуя тому, чтобы эти интегративные свойства публичности были присущи туристической практике. Медиапространство, создаваемое ею, обеспечивает интеллектуальное взаимодействие между участниками туристической практики и медиасредой. Пространство отношений, пространство взаимодействий, по мнению П. Бурдьё, столь же реально, как географическое пространство, в рамках которого осуществляются передвижения и коммуникация субъектов туристической практики [2, 18].

Благодаря медиапространству как пространству отношений туристическая реальность активно взаимодействует с экономической, научной, образовательной, художественной, политической и другими реальностями на основе создаваемого информационного взаимодействия, конструирующего медиареальность туристическую, осваиваемую аудиторией трэвел-журналистики как медиакартина мира.

Термин *«картина мира»* используется в научном сообществе как система представлений об устройстве мира. В понятие «картина мира» входят научная, художественная, религиозная, мировоззренческая и другие картины мира. Исследователи говорят о целостности картины мира в сознании аудитории СМИ, выделяя теоретическую, художественную, экономическую, образовательную и другие картины мира, в том числе картину повседневности [9, 37]. Теоретическая картина мира представляет собой упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (индивидуальном, групповом) сознании. Ее основными характеристиками являются целостность, многообразие, историчность и др. [3, 35]. Художественная картина мира призвана вызывать у людей ощущение гармонии и порядка. Повседневная картина текущего состояния мира включает реальные события и факты повседневности, из которых ежедневно формируется картина изменчивости в окружающей среде.

Причем повседневная картина мира призвана также связывать происходящие перемены с минувшим, с устойчивыми тенденциями действительности, что очень важно для трэвел-журналистики.

Трэвел-журналистика также особенным образом должна связывать между собой каждую из перечисленных картин, поскольку авторский актив ответственен за то, чтобы коммуникативные функции науки, культуры, образования, а также других видов духовно-познавательной деятельности, происходящей в обществе, в полной мере реализовались в массовом информационном процессе.

Чтобы приносить пользу социуму, трэвел-журналистика должна быть многоаспектной и многообразной. При этом в медиaprостранстве отечественной трэвел-журналистики должны учитываться культурные и национальные особенности не только российских трэвелогов, но и зарубежных, чтобы аудитория имела представление о множестве и разнообразии изданий и медиасервисов, которые раскрывают тонкости всех видов туризма и туристических практик.

По мнению хорватского исследователя Д. Дуда, культурные эксперименты, а именно внедрение культурных ресурсов одной страны в информационное пространство других стран в области трэвел-журналистики и культурологии, способствуют изменениям интеллектуального и культурного поля, не ограничивая их рамками одного государства и требуя от трэвел-СМИ решения возникающих вопросов, построения новых моделей и изобретения новых способов обучения журналистов [13].

Задача культурных экспериментов, проводимых в рамках социальной практики, состоит в оптимизации ресурсов, освоении практического опыта [11, 88], с тем чтобы создавать в сознании аудитории трэвел-СМИ медиакартину мира, тем самым конструируя будущее туристической практики. Ориентируясь на результаты социальной практики, на опыт культурного развития разных государств и наций, трэвел-СМИ образуют картину представлений, знаний, мнений и взглядов различных авторов на туристическую практику, передавая аудитории проективно-поведенческий опыт и важные аксиологические ресурсы. По мнению С. Г. Корконосенко [5], журналистика призвана обновлять интеллектуальные ресурсы социальной практики в соответствии с интересами аудитории.

Авторская общность в современных условиях осуществляет процессы формирования и передачи информации, представляет реальные события и факты повседневности, из которых формируется картина устойчивых тенденций и изменчивости в окружающей среде. Личность, социальные группы, организации играют значимую роль в процессе формирования контента для трэвел-СМИ и могут выступать одновременно производителями и потребителями информации, отправляя медиатексты и другие медиапроизведения и сообщения в редакцию, получая запросы на последующий материал. Таким образом, у авторов и редакторов складываются интерактивные отношения с аудиторией [16, 27]. Авторская и редакторская целостность трэвел-журналистики — важнейшие факторы оптимизации ее медиaprостранства.

Медиареальность трэвел-журналистики: аспекты оптимизации медиапространства трэвел-журналистики как фактор реализации ее функций

Медиареальность туристической практики вбирает в себя сразу несколько аспектов, которые необходимо учитывать туристам, планирующим свое путешествие.

Для культурно-образовательного туризма это:

— *знаниевый аспект*, который может включать любой процесс образовательного и других видов туризма с обязательным приобретением новых навыков, умений, возможностей;

— *аксиологический аспект*, напрямую связанный с трансляцией культуры, искусства и других общественно значимых ценностей мировой цивилизации и передачей поколению глубоких традиций, элементов эстетического воспитания и результатов духовно-практической деятельности.

В условиях культурного обмена возникают новые формы художественного образования, новые направления — креативный и арт-туризм, представленные в медиапространстве трэвел-журналистики. Эти туристические направления характеризуются в первую очередь возможностью самореализации в ходе образовательной поездки, получения сертификатов и призовых билетов на продолжение обучения в выбранной творческой категории.

Фестивали искусств, крупные международные дизайнерские мероприятия всегда открыты к сотрудничеству не только с молодежью, но и с представителями старших поколений, заинтересованных в осуществлении культурного обмена, обмена опытом и результатами творческой деятельности.

Событийный образовательный туризм наиболее тонко раскрывает суть досугового и обучающего направлений: региональные и локальные праздники, карнавалы, шоу национальных коллективов, премьерные показы, встречи с авторами исторических и художественных произведений [15, 34]. Вместе с тем прохождение мастер-классов, развитие общественного диалога в типичной форме «вопрос — ответ» — неотъемлемая часть практики событийного туризма.

Грамотной реализации перечисленных направлений обучающих туристических программ содействует четкое выполнение пунктов плана развития образовательного туризма. Важными пунктами являются: разработка и поддержание комплексных мер проведения базовых образовательных мероприятий (ознакомительные экскурсии, введение в культуру и историю страны, рассказ об основных культурных ценностях и нравственных ориентирах) [14, 21]. Углубляющими знания являются следующие пункты плана: дополнительное языковое/художественное/историческое/географическое и другие виды образования, посещение выставок, культурных центров в рамках дополнительных обучающих программ, участие в «круглых столах», научных семинарах, занятия спортивными и художественными видами деятельности, посещение народных массовых мероприятий.

Проективно-поведенческий аспект предполагает наличие и грамотное ведение диалога культур с целью вовлечения в глобальное информационное пространство

с помощью новых медиа творчески активных сил общества для выявления новых возможностей общественного развития, решения важных вопросов.

Проективно-поведенческий аспект трэвел-журналистики во многом влияет на выбор определенных моделей поведения, принятых не только в посещаемой стране, но и в различных этнических группах, населяющих территорию государства. Страны с глубокими христианскими традициями не приемлют того, что туристы, посещающие святыни старых христианских городов со своими устоями и обычаями, не считаются с общепринятыми правилами поведения. Проективно-поведенческий аспект трэвел-журналистики включает передачу социального опыта, социальной информации от одного поколения к другому, от одной культуры к другой [7, 21].

Туризм, представленный различными формами, должен иметь мотив и смысл, а также быть доступным. Грамотная стратегия осуществления образовательных поездок заключается в планировании и реализации приоритетных направлений учебного процесса и знакомства с культурой и традициями посещаемых городов и стран.

Развивая туристические процессы с включением инновационных технологий, поддерживая диалог культур с помощью проведения кросс-культурных форумов, семинаров и т. д., можно непрерывно продолжать традицию воспитания поколения.

Проективно-поведенческие информационные ресурсы трэвел-журналистики способствуют выгодной корреляции ключевых смыслов трэвел-текстов с потребностями и мотивами поведения аудитории. Образы и модели поведения, построенные на основе положительных национальных стереотипов, репрезентируют следующие культурные ценности: патриотизм, образование, духовность и др.

Выводы

Туризм — это социальное явление, связанное с *практикой путешествий*. Туристическая практика как важная часть социальной практики транслирует ценности мировой культуры. Ресурсы туристической практики являются востребованным интеллектуальным потенциалом общества.

Туристическая практика — это масштабная отрасль, а не просто экономическая деятельность. Как социальный институт она работает целостно и зависит от результатов туристических практик субъектов, которые участвуют в массовом туристическом процессе [22, 13]. Важным свойством туристической практики как части социальной практики является ее публичность, которая тесно связана с движением общественного интеллекта, его регулярным обновлением и освоением создаваемых в процессе практики информационных ресурсов.

1. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни*. СПб., 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://onrevolution.narod.ru/arendt/vita_activa2.htm (дата обращения: 24.09.2018).

2. *Бурдые П. Социология социального пространства*. СПб., 2007.

3. *Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж, 2003. 352 с.
4. *Карицкая И. М.* Туризм как социальный институт // Идеи и идеалы (М.). 2011. Т. 2, № 2 (8). С. 9–14.
5. *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики. М., 2006. 287 с.
6. *Лозовский Б. Н.* Журналистика как специфическая репрезентация действительности // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 27–37.
7. *Олешко В. Ф.* Психология журналистики : учеб. пособие для студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры по направлениям подготовки 42.03.02, 42.04.02 «Журналистика». Екатеринбург, 2014. 476 с.
8. *Урсул А. Д.* Информатизация: системно-деятельностный подход // НТИ. 1989. № 11.
9. *Шкондин М. В.* Миссия журналистики: системные аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 37–48.
10. *Шугальский С. С.* Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение (М.). 2012. № 2. С. 276–280.
11. *Beni M.* Sistema de Turismo. San Pablo, 2008.
12. *Castelli E.* Manual de Periodismo. Buenos Aires, 1981.
13. *Duda Dean.* Kulturalni studije I tranzicija. 2016. Rec 86. Str. 82–93.
14. *Ferre C.* Infoentretenimiento: El formato imparable de la era del espectaculo. Barcelona, 2013.
15. *Kotler P., Kerin-Lane K.* Marketing Management / Pearson Education Limited. Essex, 2002.
16. *Ledhesma M.* La historia del turismo de San Luis reconstruida a partir de discursos periodisticos, publicitarios y academicos de los siglos XIX y XX, 2014.
17. *Ledhesma M.* Periodismo turistico: muchos principios y algunos finales. 1 ed. Ciudad Autonoma de Buenos Aires, 2016. 75 p.
18. *Ledhesma M.* Turismo and Radio. Bahia Blanca, Buenos Aires, 2016.
19. *Llanos Horna S.* Periodismo Informativo. Trujillo, 1993.
20. *Manrique Guerra F.* (Comp.) La prensa turistica en America Latina. Lima, 1996.
21. *Pokazanyeva I.* Aspects of Travel Journalism // Современная медиасреда: функциональные, тематические, профессиональные аспекты : межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов. СПб., 2013.
22. *Serrano P.* El periodismo es noticia. Tendencias sobre comunicacion en el siglo XXI. Barcelona, 2010.

Статья поступила в редакцию 17.12.2018 г.

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА В СОВЕТСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Выявлены и описаны следующие практики конструирования культа личности И. В. Сталина в советском медиадискурсе: последовательное использование номинации «вождь»; воспроизведение клишированных лозунгов-панегириков, прославляющих лидера; конструирование образа Сталина как обожествляемого отца, близкого каждому жителю страны, но в то же время безмерно далекого и наделенного почти божественным статусом. Кроме того, показано противоречие между гипертрофированным образом Сталина в дискурсе СМИ и отсутствием в нем сенсационных событий настоящего с непосредственным участием объекта культа, который демонстрировал бы конкретные экстраординарные качества.

Ключевые слова: советский дискурс; дискурсивная практика; массмедиа; культ личности; Иосиф Сталин.

Многие исследователи называют культ личности одним из атрибутов авторитарных режимов XX в. [1, 495; 35, 74–75] и рассматривают его эталонные примеры, такие как возвеличивание Сталина, Гитлера, Муссолини и Мао в период их правления [20, 33, 34, 37, 38]. Целью настоящего исследования является описание ключевых дискурсивных практик конструирования культа личности И. В. Сталина в советском медиадискурсе на материале текстов всесоюзных газет «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Правда» 1930–1953 гг. (эти временные рамки позволяют охватить весь период формирования культа личности Сталина во время его правления [38, 349]).

Мы обращаемся к этой теме по следующим причинам. Во-первых, в последнее время в России наблюдаются признаки реставрации данного культа [6, 175–176; 24, 92–93], что обусловлено, вероятно, двумя взаимосвязанными факторами: настроениями общества (социологические опросы показывают, что жители страны считают Сталина наиболее выдающимся деятелем всех времен и народов [6, 174], при этом 46 % респондентов относятся к нему с восхищением, уважением или симпатией [16, 236]) и информационной политикой российских СМИ, выступающих проводниками официальной идеологии [9]. Во-вторых, лингвистические изыскания, как правило, сосредоточены на изучении риторических и стилистических особенностей выступлений Сталина (см., например: [19, 29]) либо посвящены исследованию его образа (см., например: [4; 15]), но при этом не нацелены на выявление механизмов формирования культа личности и не связаны с использованием методик дискурс-анализа. В-третьих, в начале XXI в. стали появляться работы, фиксирующие формирование нового культа

КАБЛУКОВ Евгений Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (e-mail: kablukov.usu@gmail.com).

© Каблуков Е. В., 2019

личности — культа российского лидера В. В. Путина [31, 32, 39], что актуализировало интерес к «классическим» культурам, сопоставление с которыми, очевидно, может помочь и в изучении современных реалий.

Итак, культ личности как крайняя форма персонификации власти проявляется в «возвеличивании политического лидера (объекта культа), предполагающем утверждение его исключительности и доходящем до его сакрализации» [10, 166]. Мы рассматриваем дискурсивные практики, способствующие такому возвеличиванию, а значит, участвующие в конструировании культа личности. Методологической базой нашего исследования являются работы уральской школы дискурс-анализа, рассматривающей дискурс в духе Мишеля Фуко [26] как «социально упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации» [28, 76], который реализуется посредством надындивидуальных практик, т. е. типичных для данного дискурса социально детерминированных способов конструирования смыслов или фрагментов действительности [14, 14; 27, 7–9; 28, 77]. При этом для медиадискурса ключевыми оказываются такие практики конструирования реальности, как отбор событий, именование и описание объектов дискурса и др. [17, 16; 27, 103].

1. Практика отбора событий

Традиционно СМИ включают в повестку дня события с участием высших должностных лиц страны. С одной стороны, это обыденные, периодически повторяющиеся события, такие как встречи с прочими персонажами медиадискурса (политиками, деятелями культуры и др.), с другой стороны, события экстраординарные, в которых лидеры демонстрируют свои выдающиеся качества, что вписывается в логику политического дискурса, нацеленного на борьбу за власть и предполагающего театрализацию [30]. Наш материал показывает, что в повестку дня советских СМИ рассматриваемого периода попадает крайне мало актуальных событий с непосредственным участием Сталина. Во-первых, это события, представленные в качестве рутинных или плановых и исключающие саму возможность проявления каких-либо выдающихся качеств, будь то ум, сила, смелость или готовность к самопожертвованию. Как правило, эти события представлены в форме хроникальных заметок, тяготеющих к официально-деловому стилю:

28 июня Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин имел беседу с Премьер-Министром Чехословацкой Республики г-ном Зд. Фирлингером (Правда. 1945. 29 июня); 17 июля 1945 г. Президент Соединенных Штатов Америки Гарри С. Трумэн, Председатель Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Генералиссимус И. В. Сталин и Премьер-Министр Великобритании Уинстон С. Черчилль вместе с г-ном Климент Р. Эттли встретились на трехсторонней Берлинской конференции (Там же. 1945. 3 августа).

Во-вторых, это более яркие и интересные, с точки зрения редакции, события, представленные в форме расширенной заметки или репортажа, в которых, однако, демонстрируется крайне тривиальная и к тому же пассивная роль Сталина:

На встрече присутствовали товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе... <...> Собравшиеся встретили руководителей партии и правительства восторженной овацией, криками «ура Сталину», «да здравствует великий Сталин», «да здравствуют т. Молотов, т. Ворошилов». <...> Товарищ Сталин, руководители партии и правительства тепло беседовали с украинскими артистами, писателями, исполнителями народных танцев (Комсомольская правда. 1936. 24 марта).

Данная расширенная заметка, посвященная встрече руководства страны с гастролирующими в Москве украинскими артистами, показывает Сталина в ряду прочих руководителей государства, причем Сталин, как и другие персонажи из этого ряда, не совершает каких-либо активных действий, что выявляет явный контраст между скромной ролью объекта культа и славословием в его адрес. Рассмотрим еще один интересный пример:

Они, проходя по Красной площади, держали равнение на трибуны, приветствуя руководителей партии и правительства, ища глазами того, к кому направлена великая любовь советских людей, — Сталина... На трибуне рядом с товарищем Сталиным — товарищи Молотов, Чубарь, Микоян, Димитров, Хрущев, Булганин, Шверник (Правда. 1937. 13 сент.).

Перед нами репортаж с празднования Международного юношеского дня. Журналист повествует о шествии молодежи по Красной площади, мимо Мавзолея, на котором, среди прочих, присутствует Сталин. Он выделен автором из перечня лидеров страны, но тем не менее помещен на позицию объекта, которого ищет глазами субъект действия — колонна молодежи.

Таким образом, выявляется парадоксальное противоречие между фиксируемой СМИ гипертрофированной ролью Сталина в жизни советского общества и конкретными событиями настоящего, в которых он принимает непосредственное участие. Оказывается, что плотность этих событий весьма низка, они имеют обыденный характер, а роль Сталина в них часто мала и пассивна. Он почти не совершает каких-либо действий, не выступает активным участником текущих событий, а лишь присутствует «в кадре». Как же в таком случае конструируется образ объекта культа? Дело в том, что ключевую роль здесь играет не отбор событий настоящего, а рассматриваемые ниже практики именованья и описания Сталина, которые актуализируются в любом журналистском тексте, прямо или косвенно связанном с советским лидером, и реализуются в высказываниях журналистов, внештатных корреспондентов и персонажей журналистских текстов.

2. Практика использования номинации «вождь»

Наиболее распространенная дискурсивная практика, способствующая формированию культа личности, заключается в использовании специфической номинации, которая закрепляется за объектом культа и утверждает его особое положение в политической системе страны. Такие номинации существовали и в Советском Союзе (*вождь*), и в фашистской Италии (*дуче*), и в национал-социалистической Германии (*фюрер*).

Так, номинация *вождь* стала одной из ядерных идеологием советского тоталитарного дискурса [13, 74] и получила соответствующее смысловое наполнение: «Руководитель и учитель коммунистической партии и трудового народа, являющийся выразителем его воли, стремлений, желаний; общественный деятель, способный поднять на высокий уровень политическое сознание и активность масс и правильно определить пути борьбы рабочего класса за полную победу и обеспечение интересов всех трудящихся; руководитель, организатор и вдохновитель построения социализма и перехода в коммунистическое общество» [22, 527]. Данная номинация последовательно используется для обозначения И. В. Сталина в текстах советских СМИ:

Во главе партии стоит наш вождь и отец Иосиф Виссарионович Сталин (Известия. 1937. 21 окт.); *Шлем Вам, нашему любимому вождю, свой сердечный фронтовой привет* (Там же. 1943. 27 янв.); *Дорогой друг, боевой товарищ, учитель и вождь!* (Правда. 1949. 21 дек.); *Не бьется больше сталинское сердце, но никогда не померкнет светлое имя великого вождя в сердцах советских людей и трудящихся всего мира* (Лит. газ. 1953. 12 марта).

Более того, номинация «вождь» практически полностью вытесняет типичные для журналистского дискурса обозначения персонажа по должности. Исключения составляют лишь официальные информационные сообщения, тяготеющие к официально-деловому стилю, и документы, публикуемые в советских газетах:

О производственных планах колхозов на 1934 год. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов. Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин. 4 марта 1934 г. (Правда. 1934. 5 марта); *28 июня Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин имел беседу с Премьер-Министром Чехословацкой Республики г-ном Зд. Фирлингером* (Там же. 1945. 29 июня).

Отказ от номинации «вождь» в пользу официальных обозначений должности в подобных сообщениях свидетельствует о некоторой стилистической маркированности рассматриваемой лексемы, что связано с неформальным характером последней: официально статус вождя не был закреплен ни за какой-либо должностью, ни за каким-либо человеком, поэтому официальный дискурс исключал использование данной номинации.

Следует отметить и то, что номинация «вождь» не была эксклюзивным атрибутом И. В. Сталина. Можно сказать, что существовала иерархия вождей, выявляемая при анализе текстов советских газет [12, 64–65]. С одной стороны, это вожди высшего уровня, в одном ряду с которыми может стоять имя Сталина:

Гениальные вожди партии Ленин и Сталин лично руководили созданием и строительством Красной Армии (Комсомольская правда. 1939. 23 февр.); *Рабочий класс породил новых вождей, великих теоретиков и великих революционеров – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина* (Правда. 1949. 21 дек.).

Важно, что в момент публикации цитируемых текстов все перечисленные вожди, кроме Сталина, уже ушли из жизни, что позволяло зафиксировать

уникальный статус последнего и избежать нежелательной конкуренции с другими классиками марксизма-ленинизма. Не было этой конкуренции и в случае конструирования образа вождей более низкого уровня:

С какой исключительной любовью относится наш советский народ к вождю Красной армии, к сталинскому наркому обороны Климу Ворошилову, организатору боевых красногвардейских отрядов, под руководством которого части Красной армии громили полчища белогвардейцев и интервентов! (Известия. 1937. 24 дек.); Троцкистские мерзавцы — агенты фашизма и их пособники и подголоски — правые отщепенцы ненавидели Серго Орджоникидзе — одного из вождей ВКП(б) и советского государства... (Там же. 1937. 19 февр.).

В обоих случаях легитимация статуса второстепенных вождей происходит через указание на их связь со Сталиным. Так, Клим Ворошилов представлен как «сталинский нарком», а Серго Орджоникидзе — как «верный соратник Сталина», что подчеркивает их зависимое положение.

3. Практика использования лозунгов-панегириков

Л. В. Енина определяет лозунг как «письменный текст идеологического или социально-политического содержания, сформулированный в виде короткого, чаще всего однофразового, императивного и/или оценочного высказывания, направленный от коллективного адресанта к коллективному или персонифицированному адресату с целью изменения поведения или ценностных установок данного адресата» [7, 6]. С нашей точки зрения, данный жанр может быть представлен не только письменными, но и устными текстами (митингующие несут транспарант с лозунгом и митингующие скандируют лозунг), а также может быть направлен как на изменение установок адресата, так и на их сохранение, что соотносится с прагматической установкой политики как деятельности, нацеленной на получение и удержание власти [36, 1018].

В условиях советского политического дискурса, который характеризуется высоким уровнем ритуализации и монопольным положением одной идеологии, лозунги трансформировались в «языковые клише, которые потеряли свою информационную нагрузку вследствие излишне частотного повторения в речи» [18, 94]. Однако такие клише служили сигналом нормативной идеологической ориентации адресанта, что заставляет вспомнить более раннее значение слова «лозунг», заимствованного из немецкого, где «die Losung <...> первоначально значило ‘пароль или опознавательный знак’, а еще более конкретно — ‘опознавательный крик’. Именно в этом военном значении его впервые употребил Петр Первый в 1704 году...» [5, 57].

Одна из практик конструирования культа личности заключается в использовании специфических лозунгов, которые представляют собой редуцированные до одной клишированной фразы панегирики в адрес объекта культа, утверждающие его величие, демонстрирующие согласие с его исключительным властным статусом и солидарность с олицетворяемой им идеологией. Эти лозунги, будучи

представленными в различных вариантах, выявляют организованный характер поклонения и свидетельствуют о его ритуализации, что сближает почитание вождя с религиозным культом. Советский публичный дискурс выработал три наиболее частотных лозунга данного типа. Первый строится по схеме «Да здравствует + обозначение объекта культа в именительном падеже» и используется как «приветственное восклицание с пожеланием успеха, процветания, благополучия» [3, 361]:

Да здравствует первый депутат в Совет Союза наш родной друг, вождь и учитель товарищ Сталин! (Известия. 1937. 21 окт.); *Со Сталиным мы побеждали, со Сталиным мы победим. Да здравствует товарищ Сталин!* (Там же. 1943. 27 янв.); *Да здравствует на многие лета великий Сталин!* (Правда. 1945. 29 июня).

Второй лозунг представляет собой сочетание междометия «ура», выражающего «воодушевление, восторженное одобрение» [3, 1395], с обозначением объекта культа в дательном падеже:

Собравшиеся встретили руководителей партии и правительства восторженной овацией, криками «ура Сталину»... (Комсомольская правда. 1936. 24 марта); *Лучшему другу молодежи — товарищу Сталину ура!* (Известия. 1937. 21 окт.); *Упоминание имени Генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина каждый раз встречалось овациями и восторженными криками «ура»* (Там же. 1945. 4 сент.).

Последний рассматриваемый нами лозунг-панегирик предполагает использование лексемы «слава» как «возгласа, обозначающего: хвала! честь!» [3, 1205] и сочетающегося с номинацией объекта культа в дательном падеже:

Слава славная Иосифу Сталину! (Правда. 1945. 29 июня); *Слава великому вождю и учителю трудящихся и всего прогрессивного человечества, гениальному зодчему коммунизма товарищу Сталину!* (Комсомольская правда. 1952. 15 окт.); *Вечная слава великому Сталину!* (Известия. 1953. 8 марта).

4. Практика конструирования образа обожествляемого отца

Выявляя различия советской и национал-социалистической тоталитарных культур, А. Силади отмечает, что первая имеет дело с общинным человеком, наделенным религиозным сознанием, следствием чего является обожествление объекта культа: «Сталин предстает в тоталитарной культуре в качестве Бога... <...> Он пробует на государственном уровне восстановить распадающуюся русскую крестьянскую общину. <...> Здесь мы имеем дело не с рыночной манипуляцией сознанием атомизированного индивидуализированного среднего западного человека, а с религиозным благоговением и трепетом перед Богом загнанного в общину восточного человека-коллективиста» [20, 158]. Действительно, в советском медиадискурсе периода тоталитаризма конструируется образ Сталина как обожествляемого отца. Этот образ позволяет продемонстрировать, с одной стороны, удивительную близость общества и объекта культа, свойственную разве что

семейным отношениям, а с другой — недостижимую дистанцию, которая отделяет профанный человеческий мир от трансцендентного божественного.

Следует отметить, что архетип отца тесно связан с феноменом вождизма: «Вождь массы — все еще праотец, к которому все преисполнены страха, масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета; она, по выражению Ле Бона, жаждет подчинения. Праотец — идеал массы, который вместо “Идеала Я” владеет человеческим “Я”» [25, 86]. При этом праотец здесь не просто «родоначальник какого-л. рода; прародитель» [3, 955], а именно обожествляемый отец: «...отождествление как вождя, так и нередко главы государства с “отцом нации” или, по крайней мере, присвоение правителям “отцовских” функций онтологически производны от идеи Небесного отцовства» [11, 28]. Интересно, что исследователи сходятся во мнении, что советское государство проводило политику «...по вытеснению отца из семьи, так как манипулировать обществом, где отсутствуют авторитеты, представлялось для власти наиболее удобным вариантом. Авторитет в советском государстве мог быть только один — это вождь» [8, 52]. Таким образом, осуществлялась «попытка подмены кровного отцовства государственным» [23, 85].

Образ Сталина-отца конструируется в медиатекстах совершенно эксплицитно, посредством соответствующей номинации и включения в текст других слов тематической группы «семья»:

*Да здравствует наш **родной, любимый отец**, великий Сталин!* (Правда. 1937. 13 сент.); *Во главе партии стоит наш вождь и **отец** Иосиф Виссарионович Сталин* (Известия. 1937. 21 окт.); ***Осиротели** трудящиеся мира. Ушел великий гений, **любимый отец**, к которому все обращались за советом, помощью* (Лит. газ. 1953. 12 марта).

В некоторых случаях складывается и удивительный семейный союз, в котором роль матери закреплена за партией, а роль главы семейства — за Сталиным:

*Пусть знают наши враги, пусть знают фашисты и их презренные агенты — троцкистско-бухаринские подлые псы — предатели и изменники, что советская молодежь тесно сплочена вокруг своей **матери** — Всесоюзной Коммунистической Партии, вокруг **любимого, родного** вождя народов товарища Сталина!* (Правда. 1937. 13 сент.).

Из приведенных примеров видно, что номинация «отец» часто соседствует, с одной стороны, с определениями «любимый» и «родной», которые как раз относятся к тематической группе «семья», а с другой — с определением «великий», которое показывает, что речь идет все же не о простых семейных отношениях. Интимная семейная тональность поддерживается также использованием обращения «ты» по отношению к И. В. Сталину:

*Вместе с Лениным **ты**, товарищ Сталин, создавал партию большевиков... <...> Вместе с Лениным **ты**, товарищ Сталин, был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции... <...> Величайшее значение для победы социализма имела развитая и обогащенная **тобою**, товарищ Сталин, ленинская теория о возможности победы социализма в нашей стране... <...> Под **твоим** мудрым руководством,*

товарищ Сталин, в 1929 году в деревне произошел исторический поворот... (Правда. 1949. 21 дек.).

Перед нами фрагменты из материала, опубликованного по случаю 70-летия Сталина от имени ЦК ВКП(б) и Совмина СССР, и обращение на «ты» можно объяснить близкими отношениями адресантов и адресата сообщения, которые знакомы лично и, возможно, общаются на «ты» в обычной жизни. Тем не менее выбранный способ обращения является показательным, поскольку сохраняется при публичном институциональном общении, к тому же опосредованном СМИ. Однако описываемый феномен не исчерпывается обращениями со стороны действительно близких людей. Аналогичную близость испытывают и другие советские люди, не знакомые со Сталиным лично:

Этих успехов Ленинский район добился потому, что ты, товарищ Сталин, учил нас, как преодолевать трудности и как проводить в жизнь генеральную линию партии (Правда. 1933. 10 дек.); *Напрягая слабый, старческий голос, Щеголев провозглашает: «Спасибо тебе, великий Сталин, за радостную, счастливую жизнь!»* (Известия. 1937. 21 окт.).

Первый фрагмент — это отрывок из письма представителей Ленинского района Москвы, в числе которых как партийные руководители, так и простые рабочие — ударники заводов и фабрик. Очевидно, что все они не могут знать вождя лично, однако это не мешает им использовать обращение, демонстрирующее близость. Второй фрагмент взят из репортажа о предвыборном собрании на металлургическом заводе «Серп и молот». Журналист вводит в материал прямую речь одного из выступавших — «старого кадрового рабочего товарища Щеголева», который предлагает в качестве кандидата в Верховный Совет Молотова, а затем произносит дежурную благодарность в адрес вождя, обращаясь к нему на «ты».

Обожествление отца предполагает наделение его «божественной, сверхъестественной силой; признание божеством» [3, 678]. При этом советский медиадискурс приписывает Сталину характеристики, соответствующие христианским представлениям о Боге, согласно которым это «предвечный бессмертный Дух, Всевышний Творец, обладающий всемогуществом, абсолютным совершенством и абсолютным знанием, сотворивший мир и управляющий им и являющий людям любовь, милосердие и всепрощение» [21, 37]. Начнем с примеров, конструирующих образ первопричины всего сущего:

Великий Сталин — творец нашего счастья, создатель социалистической индустрии нашей страны (Вечерняя Москва. 1953. 8 марта); *Вместе с Лениным ты, товарищ Сталин, создавал партию большевиков* (Правда. 1949. 21 дек.).

Для характеристики Сталина здесь используются лексемы «творец» и «создатель», которые также употребляются в христианстве как имена Бога [3, 1230, 1309]. Более того, в отдельных контекстах Сталин предстает как наивысший судья, также отнимая данную функцию у Бога:

*Осиротели трудящиеся мира. Ушел великий гений, любимый отец, к которому все обращались за советом, помощью, ушел тот, кто был первым и **наивысшим судьей наших дел**, тот, чье одобрение было для нас счастьем* (Лит. газ. 1953. 12 марта).

Ср. с подобными контекстами в библейских текстах:

...но Бог есть судия: одного унижает, а другого возносит (Пс. 74: 8); *...только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд* (Екк. 11: 9); *Бог будет судить тайные дела человека через Иисуса Христа* (Рим. 2: 16) [2].

Другой атрибут Бога — это бессмертие, причем данная характеристика появляется в связи со смертью Сталина:

Сталин — сама жизнь. Сталин — само бессмертие; Умер Сталин — бессмертный вождь и учитель человечества; Венгерский народ клянется, что он будет верно следовать учению бессмертного Сталина; Освященная бессмертным светочем Сталина великая дружба между Китаем и Советским Союзом будет и впредь крепнуть и развиваться от поколения к поколению! (Известия. 1953. 8 марта); *Молчат машины, грохочут пушки, кричат гудки и сирены. Смертные оплакивают бессмертного; Мы проявим нашу благодарность бессмертному Сталину тем, что будем защищать дело мира так, как он учил нас защищать его* (Лит. газ. 1953. 12 марта).

В цитируемых текстах последовательно выстраиваются две антитезы. Первая заключается в противопоставлении физической смерти Сталина его духовному бессмертию и приводит к появлению почти комических алогизмов (*Умер Сталин — бессмертный вождь*). Вторая связана с противопоставлением бессмертного вождя и оплакивающей его массы смертных (*Смертные оплакивают бессмертного*).

Последняя характеристика вождя, приближающая его к Богу, — обладание высшей мудростью, которая воспринимается как причина всех успехов советского государства и общества:

Товарищ Сталин указал пути правильного размещения нашей промышленности (Правда. 1949. 21 дек.); *Гениальным указаниям великого Сталина наша наука обязана всеми своими успехами* (Известия. 1953. 8 марта).

Закрепленная за Сталиным монополия на истинное знание приводит также к приписыванию ему роли учителя, последователи которого, а в их числе все жители страны, будь то колхозники или маршалы, должны внимать словам вождя и прилежно делать все заданные им уроки:

Мы, колхозники артели им. Сталина, <...> будем неустанно крепить обороноспособность родины, будем работать на социалистических полях так, как учит нас наш любимый отец, вождь и учитель товарищ Сталин (Правда. 1938. 3 марта); *Товарищ Сталин — учитель всех наших маршалов, генералов, офицеров, бойцов и сержантов* (Там же. 1945. 29 июня).

Таким образом, советский медиадискурс выработал набор практик, обеспечивших возвеличивание И. В. Сталина, утверждение его исключительного

и сакрального статуса, что привело к формированию культа лидера советского государства. В число таких дискурсивных практик входят: использование номинации «вождь», воспроизведение лозунгов-панегириков, прославляющих вождя, и конструирование образа обожествляемого отца, одновременно близкого каждому жителю страны и в то же время недостижимого, наделенного атрибутами бессмертного и всеведущего божества, высшего судьи и творца всего сущего. При этом медиадискурс исключал конструирование сенсационных событий настоящего, которые демонстрировали бы конкретные экстраординарные поступки или исключительные качества вождя.

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2002.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
4. *Быкова С. И.* Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестн. ННГУ. 2013. № 4. С. 128–134.
5. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Язык лозунга: социолингвистическая стратификация // Вестн. КемГУ. 2015. Т. 4, № 4. С. 56–61.
6. *Гудков Л., Зоркая Н.* Вытеснение истории: что осталось от мифа революции? // Вестн. обществ. мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 1–2. С. 161–181.
7. *Енина Л. В.* Современные российские лозунги как сверхтекст : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
8. *Звонарева А. Е.* Стереотип отца в советских печатных средствах массовой информации (предвоенный период) // Женщина в российском обществе. 2006. Т. 1, № 2. С. 51–62.
9. *Каблуков Е. В.* Великая Победа как сакральная ценность российской культуры // Национальные ценности в языке и коммуникации. Екатеринбург, 2015. С. 13–14.
10. *Каблуков Е. В.* Практики конструирования культа личности Владимира Путина в современном российском медиадискурсе // SLAVIA časopis pro slovanskou filologii. 2016. № 85, вып. 2. С. 167–181.
11. *Краснов М. А.* Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Общественные науки и современность. 2008. №. 6. С. 27–38.
12. *Кутина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь, 1995.
13. *Кутина Н. А.* Идеология ОНФ в языковом представлении (по материалам текущей прессы) // Полит. лингвистика. 2013. № 4. С. 71–76.
14. *Майданова Л. М., Четкина Э. В.* Медiateкст в идеологическом контексте. Екатеринбург, 2011.
15. *Нахимова Е. А.* Идеологема «Сталин» в современной массовой коммуникации // Полит. лингвистика. 2011. №. 2. С. 152–156.
16. Общественное мнение — 2017. М., 2018.
17. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». Москва ; Екатеринбург, 2017.
18. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2008.
19. *Сергеева Е. В.* Приемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале ораторских произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина) // Изв. УрГУ: Лингвистика (Екатеринбург). 2006. № 19. С. 194–208.
20. *Силади А.* Тоталитарные культуры XX века: религия и рынок // Общественные науки и современность. 1994. №. 3. С. 151–166.
21. *Склярёвская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.

22. Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1951. Т. 2.
23. *Снигирева Т., Подчишенов А.* «Сын за отца не отвечает?»: комплекс безотцовщины в советской литературе // Семейные узы: модели для сборки. М., 2004. Кн. 2. С. 83–102.
24. *Ферретти М.* Расколота память: Россия и война // Россия XXI. 2010. №. 2. С. 68–95.
25. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я». СПб., 2017.
26. *Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М., 1996. С. 47–96.
27. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.
28. *Чепкина Э. В., Енина Л. В.* Журналистский дискурс: анализ практик // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 76–85.
29. *Чудинов А. П.* Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997. С. 201–212.
30. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Москва ; Волгоград, 2000.
31. *Якушин Д. А.* Технологии формирования имиджа политического лидера в западных демократических системах: рациональный опыт для России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2014.
32. *Cassiday J. A., Johnson E. D.* Putin, Putiniana and the question of a post-Soviet cult of personality // Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88, № 4. P. 681–707.
33. *Kershaw I.* The «Hitler Myth»: Image and Reality in the Third Reich // Nazism and German Society, 1933–1945. N. Y., 2013. P. 209–228.
34. *Leese D.* Mao Cult: Rhetoric and Ritual in China's Cultural Revolution. N. Y., 2011.
35. *Linz J. J.* Totalitarian and authoritarian regimes. Boulder ; London, 2000.
36. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow (Essex), 1992.
37. *Melograni P.* The Cult of the Duce in Mussolini's Italy // Journal of Contemporary History. 1976. Vol. 11, № 4. P. 221–237.
38. *Tucker R. C.* The rise of Stalin's personality cult // The American Historical Review. 1979. Vol. 84, № 2. P. 347–366.
39. *White S., McAllister I.* The Putin Phenomenon // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24, № 4. P. 604–628.

Статья поступила в редакцию 4.10.2018 г.

УДК 778.5:001 + 656.254.1

Ю. И. Киселева

СОВРЕМЕННОЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ КИНО: СПЕЦИФИКА И ТРЕНДЫ

В статье анализируется современное научно-популярное кино с точки зрения его специфики и тенденций развития. Исследуется отношение зрителей к научно-популярным фильмам и программам, а также поднимается вопрос о месте неигрового кино на теле- и киноэкране.

Ключевые слова: популяризация науки; научно-популярное кино; неигровое кино; проблемы научно-популярного кино и телевидения.

Российское научно-популярное кино — это особый вид кинематографа, имеющий богатейшую историю и определенный круг зрителей. Острые дискуссии вокруг документального и научно-популярного кино и телевидения ведутся в одном и том же ключе уже более 30 лет. Еще на V съезде кинематографистов (1986) режиссер А. М. Згуриди среди актуальных проблем документалистики выделил отсутствие контакта между Госкино и Гостелерадио и как следствие — отсутствие системы показа научно-популярных кинофильмов на телевидении [7, 54]. Это любопытный феномен: на протяжении десятилетий документалисты сетуют, что документальное и научно-популярное кино не доходит до зрителя в том объеме, в котором бы хотелось. Тем не менее фильмы создаются, периодически в профессиональной среде возобновляются дискуссии о дистрибуции. Нам бы хотелось остановиться на проблемах научно-популярного кино, но в силу того, что достойных кинокартин этого направления выходит в нашей стране критически мало, мы обратимся также и к опыту документального кино.

Кинофильм и телефильм

Надо отметить, что до сих пор не выработаны критерии, позволяющие отличить кинофильм от телефильма. Отсюда бесконечные споры документалистов о роли телевизионного формата. Джон Грирсон, стоявший у истоков документального кинематографа, толковал документальный фильм как «творческую трактовку действительности» [10, 16]. То есть для возникновения документальной ленты нужны: 1) реальность; 2) авторский взгляд, задающий ракурс повествованию; 3) набор выразительных средств.

«Документальное кино — это только все личное, ничего больше. Потому что люди хотят смотреть про личное. Все остальное — это журналистика, пропаганда, реклама», — говорит режиссер Е. Григорьев в фильме «Напротив левого берега»

КИСЕЛЕВА Юлия Игоревна — режиссер научно-популярного кино, студия «Риск-фильм», г. Москва (e-mail: docfilm@list.ru).

© Киселева Ю. И., 2019

(производство ООО «Документальный дом “Первое кино”», 2016). Съёмочная группа выбрала несколько жителей Ростова-на-Дону и попросила их снять истории о своем городе и интересных людях. Одна из девушек задает вопрос: может ли она использовать снятый материал, если герой рассказал личную историю. После чего и звучит этот авторский комментарий.

Любопытно, что в отсутствии авторского — личного — взгляда упрекали и упрекают режиссеров и научно-популярного кино. А ведь наука — та область, куда еще сложнее вторгнуться с авторским мнением. Тем не менее читаем, например, в рецензии на фильмы цикла «Рассказы из истории советской науки» (1985–1986): «Огромный материал, использованный кинематографистами, нуждался, наверное, в более яркой индивидуальной трактовке» [3, 51], «Материал, поданный без отношения, “объективно”, часто мстит за себя, обесценивая уникальность заложенных в нем сведений» [Там же, 52], и т. д. Любый кинофильм нуждается в наличии авторского взгляда, который может быть выражен буквально — в закадровом авторском (не дикторском) тексте, а может проявиться и в особой подаче материала. Сверхзадача любого кино (в отличие от журналистского произведения) — донести до зрителя идею, которая не всегда формулируется вербально. Она может быть выражена через чувственный опыт, философский взгляд на жизнь или исследование тех или иных ее сторон, из чего зритель сделает свои собственные выводы. Здесь становится видна разница между кинофильмом и телефильмом.

Другой маркер — особенности драматургии. Телефильм должен быть понятен зрителю с любой минуты и способен постоянно удерживать его у экрана. Отсюда — утрированная интрига, сюжетные повторы и бесконечные вопросы, на которые авторы обещают ответить в финале фильма. Если в кино в начале висит ружье, а в конце оно стреляет, то в телекино оно стреляет каждую минуту, а в конце должно взорваться. Сценарист кинофильма может позволить себе длинную экспозицию, новеллистическую форму повествования и больше внимания уделить атмосфере и эмоциям. Ведь зритель, пришедший в кинотеатр, во-первых, досмотрит фильм до конца: у него нет возможности переключить канал, а во-вторых, он испытает в зале более сильные эмоции, чем сидя перед телевизором. Драматург Н. Н. Фигуровский отмечал, что ничто не заменит кинотеатр как место, где люди «...учатся жить, мыслить и чувствовать *сообща* (здесь и далее выделено мною. — Ю. К.). “Переживать” в одиночку можно, смотря телевизор, слушая музыку в записи, читая книгу. Но никакой телеэкран, никакая видеозапись не заменят того, что происходит со зрителем в переполненном зале, где волнение охватывает всю массу одновременно и сообща, где образуется как бы общее эмоциональное поле и рождается духовное единство» [14, 9]. Для рождения эмоций у кинематографа есть приемы, которые в рамках телеэкрана могут дать обратный эффект. Длинный план, вероятно, создаст ощущение затянутости картины — мы привыкли к быстрой смене кадров при телепоказе. Игруют роль даже размеры изображения. Общие планы кинофильма могут стать невыразительными на маленьком телеэкране (тем более в Интернете). А большие буквы титров, которые считаются моветоном в кино, наоборот,

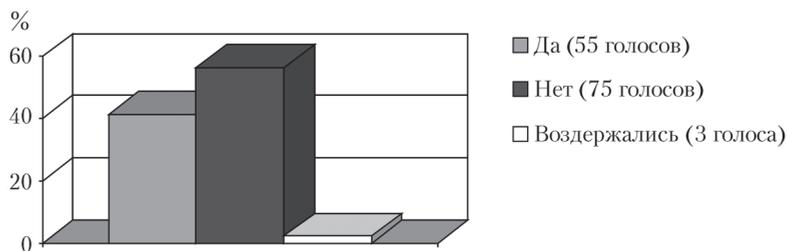
облегчат просмотр фильма в Сети. Важно отметить, что кино (и прежде всего документальное) возникло на большом, беззвучном экране, а телевидение с самого начала требовало звука, его партнером было радио. Об этом писал режиссер И. К. Беляев: «Документальный кинофильм строится на эстетических нормах немого кинематографа, документальный телефильм — явление звукового кино» [2, 32].

Мы провели анализ 32 российских научно-популярных фильмов последних четырех лет и обратили внимание на то, что некоторые из них не имеют ни художественного, ни образного, ни визуального решения. Встречаются фильмы, состоящие преимущественно из синхронных интервью, и тогда задаешься вопросом: а не лучше ли было собрать эти интервью в книгу? Ведь они имеют ценность лишь как кинохроника, но эстетически не выходят за ее рамки.

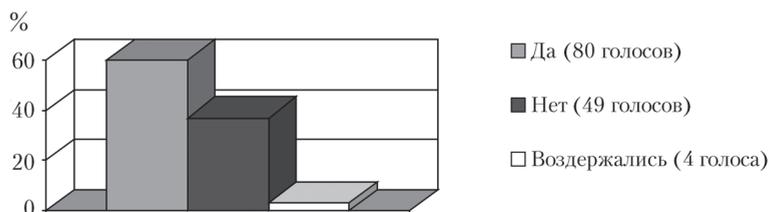
Дискуссия в Гильдии неигрового кино и телевидения

«Телевизионщики отличаются от документалистов тем, что называют кадр картинкой»; «неигровое кино испытывает колоссальное деструктивное воздействие телевизионного формата, и ему грозит полная потеря идентичности как уникального вида кинематографического искусства», — делились мнениями члены Гильдии неигрового кино и телевидения после общего собрания в 2015 г. Но были и другие точки зрения: «Без телевидения документалисты просто загнутся в своем совке». Тогда на собрании горячо обсуждалась самоидентификация сообщества документалистов по отношению к телевидению, а также — в очередной раз — проблема границ между кино- и телеконтентом. Был даже поднят вопрос о возможности переименования организации в «гильдию неигрового кино» (без телевидения). Через несколько дней трое членов Гильдии — Т. Соболева, Ю. Киселева и Е. Алферова — обратились к коллегам с письмом, в котором еще раз обозначили проблемы взаимодействия документального кино с телеэкраном: «Вольное использование хроники, превращение фильма в статью, где движущей силой является не кинодраматургия, а текстовый рассказ диктора. Телепередачи присваивают себе наименование “документальное кино”, формируя у телезрителя превратное представление об этом виде искусства и отдаляя его все больше от возможности воспринимать действительно документальное кино. В этом мы видим большую опасность! На наших глазах гибнет индустрия документального кино» [1]. В конце письма прозвучало предложение руководству Гильдии проинформировать Министерство культуры РФ о необходимости налаживания сотрудничества телеканалов с документалистами. Как это перекликается с тем, что говорил А. М. Згуриди еще в 1986 г.!

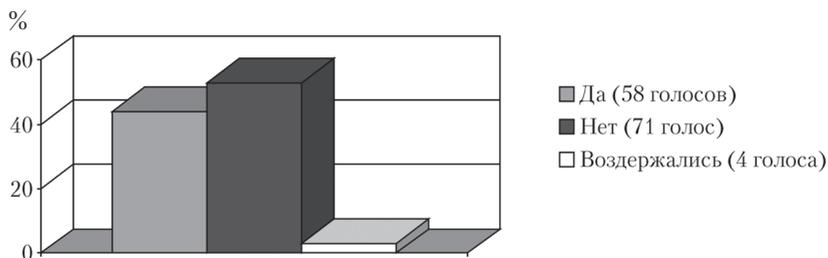
Весной 2015 г. авторы письма провели онлайн-опрос, в котором приняли участие 133 члена Гильдии неигрового кино и телевидения (из 270 человек, входивших в состав Гильдии в тот момент). К сожалению, результаты голосования были обнаружены только спустя 3,5 года в закрытой группе Гильдии в «Фейсбуке» и не вызвали никакой реакции участников. В открытом доступе эти результаты публикуются впервые (см. рисунок).

Оставлять ли в названии гильдии слово «телевидение»?

Размещать ли на сайте гильдии ТВ-контент?

Принимаем ли мы в гильдию журналистов, репортеров и авторов телепрограмм?

Результаты онлайн-опроса членов Гильдии неигрового кино и телевидения

Как мы видим, большинство голосует против принятия в Гильдию репортеров и журналистов, но одобряет размещение на сайте Гильдии ТВ-контента. Правда, в вопросе не обозначалась его специфика: что имелось в виду под «ТВ-контентом». В комментариях 15 человек (11 %) отметили, что рассматривают телевидение лишь как один из каналов дистрибуции документального кино, наравне с кино-театрами, киноклубами и Интернетом.

Научно-популярное кино и телепрограммы в зрительском восприятии

А что со зрителями? Видят ли они разницу между научно-популярным кино и телепрограммами? Летом 2018 г. мы провели другой опрос (анкетирование), посвященный восприятию научно-популярного кино и телепрограмм. Зрители не были ограничены в количестве ответов. Мы использовали открытые вопросы,

чтобы дать возможность опрашиваемым свободно выразить мнение, хотя и предполагали, что результаты будут сложны для обработки [5, 47]. В опросе приняли участие 114 человек (с высшим образованием — 94 %, со средним — 6 %; мужчины — 49 %, женщины — 61 %).

Среди основных отличий документального кино от телевизионных программ были названы, %:

художественные средства и форма изложения — 32;

глубина исследования — 15;

качество (выше у кино) — 12;

длительность (хронометраж) — 11;

наличие сюжета — 11;

кино «более цельное» — 9;

кино интереснее — 8 (кино скучнее — 3);

наличие авторского взгляда — 5;

кино доступнее — 4 (программа доступнее — 1);

выше бюджет — 3;

кино идет в кинотеатре — 3;

кино имеет цель — 3;

затруднились ответить — 6;

другие варианты ответов — 13 (в целом в этих ответах кино оценивалось выше: умнее, познавательнее, вызывает больше доверия и т. д.).

Среди художественных средств отметили лучшее качество изображения, внимание к деталям, образность, эмоциональность, отсутствие корреспондента, интересную подачу, наличие структуры. Отдельно выделяли присутствие сюжета, единой мысли, идеи и цели. Несколько человек отметили разницу в производстве: бюджет, маркетинговую стратегию, целевую аудиторию.

Также мы задали вопрос об ассоциациях, которые возникают у людей, при словах «научно-популярное кино». И получили большую палитру ответов — по самым разным признакам: 27 % опрошенных называют конкретные фильмы, телеканалы, а также журналы (в этом списке лидирует ВВС — 8 %); 24 % написали «интересное», а 11 % — «скучное»; 17 % отметили познавательную функцию (для саморазвития, просвещение, новое); 15 % перечисляли предметы киноисследований — «о физике», «о животных», «о космосе». У 14 % научно-популярное кино ассоциируется с доступностью («просто о сложном», «доступно широким массам»). С другой стороны, 4 % отмечают, что это «кино не для всех» («интеллектуальное», «для избранных»); 5 % вспомнили героев — «ученые», «говорящие головы», «люди с пробирками». Кино «умное» и «серьезное» — отметили 4 % опрошенных, также 4 % обозначили метод — «документалистика», у 2 % возникли ассоциации с СССР.

Документалисты любят повторять, что телевидение девальвировало понятие неигрового кино, и зрители часто принимают за телепередачи документальные картины. Но, как показал опрос, большинство зрителей (с высшим образованием) не просто отличают кино от программы, но и хорошо аргументируют свой ответ.

Краткий обзор кинопроката

Научно-популярные фильмы все-таки идут в ограниченном прокате в кинотеатрах, в основном — специализированных (например, в Центре документального кино в Москве), и в киноклубах в разных городах. Любопытно, что, по данным «Бюллетеня кинопрокатчика» [4, 20] (со ссылкой на ЕАИС¹), в топе-30 самых кассовых картин в кинопрокате (Россия + СНГ) 2013–2018 гг. лидирует фильм «Земля медведей» 3D (производство — Франция) — 37, 493 млн руб. И это несмотря на то, что фильмы про животных можно смотреть круглосуточно на «Animal planet». Три исторических фильма из цикла «Русские евреи» (российское производство, дистрибьютор — Центр документального кино) собрали за последние 2,5 года в общей сложности 8,7 млн руб.

Вышедший в 2018 г. российский фильм «Медведи Камчатки. Начало жизни» (дистрибьютор — Объединенная сеть кинотеатров «Синема парк» и «Формула кино») шел в 48 городах и собрал в прокате больше 6 млн руб. [6]. Фильм о научных исследованиях мозга «Мозг. Вторая Вселенная» (российское производство, самокат) был показан в 38 городах (коммерческие и некоммерческие показы), сборы за год проката составили чуть больше 1 млн руб., по данным продюсеров. Количество зрителей документальных фильмов в кинотеатрах измеряется тысячами (в отличие от кинофестивалей, куда приходят в среднем 50–150 человек), но тем не менее основной аудиторией неигровых картин является телевизионная аудитория. Надо отметить, что активно развивается и онлайн-сегмент, как коммерческий (онлайн-платформы вроде появившейся в 2018 г. Nonfiction.film), так и некоммерческий (платформа «Пилигрим», каналы Youtube и отдельные проекты, такие как «1968.DIGITAL» М. Зыгаря).

Анализ научно-популярных картин 2015–2018 гг.

Впрочем, прежде чем спорить о возможности/невозможности телевизионного эфира или кинопроката, надо посмотреть на контент. Про что кино и какое оно? Для анализа мы взяли 32 научно-популярные картины последних четырех лет. Критерий отбора был следующий: все картины, вошедшие в лонг-лист премии «Лавровая ветвь» в области неигрового кино и телевидения в номинации «Лучший научно-популярный, просветительский фильм» в 2015–2018 гг.

Для попадания в номинацию премии «Лавр» фильму не обязательно иметь телевизионный эфир (в отличие, например, от «ТЭФИ»), поэтому у нас была возможность посмотреть как картины, произведенные для телевидения, так и снятые при поддержке Министерства культуры РФ и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям или выпущенные независимыми производителями. Отбор, проведенный членами комиссии премии «Лавр», состоящей из 10 профессионалов индустрии неигрового кино (режиссеры, кинооператоры, продюсеры, кинокритики), позволил увидеть наиболее достойные картины.

¹ ЕАИС — Единая федеральная автоматизированная информационная система сведений о показах фильмов в кинозалах.

Первое, что удивило при просмотре: только половина из них прямо или косвенно имеет отношение к науке.

Тут придется сделать краткое отступление, чтобы разобраться, что же такое сегодня «научно-популярное кино». Изначально неигровое кино разделялось на научно-популярное и документальное. Документальное кино рассказывало о человеке, а научно-популярное — о мире вокруг. «В основе драматургии документального кино лежит реальная драма жизни. Не будет драмы — не будет успеха», — пишет режиссер, продюсер и педагог М. Разбежкина [9]. От научно-популярного кино никогда не требовалось наличия именно жизненной драмы. Критерии оценки научпопа всегда были другими: значимость для аудитории, высокая степень достоверности, зрелищное изображение, опора на непосредственные наблюдения (автор — свидетель событий) и авторитет известных ученых [12, 213]. Для производства документальных и научных лент создавались разные студии, например, ЦСДФ (Центральная студия документальных фильмов) и Центрнаучфильм. Фильмы о путешествиях, культуре и истории тоже относились к жанру научно-популярному (или научно-познавательному, как стали говорить позже), и они имели просветительское значение.

Если мы возьмем сегодня программы кинофестивалей научно-популярного кино, то вряд ли найдем в них картины о художниках или политических деятелях. Сегодня под научно-популярным кино скорее понимаются фильмы о науке, ученых, космосе, изобретениях, технологиях. Тем не менее 32 фильма, отобранные комиссией премии «Лавровая ветвь», распределились по тематике так:

- фильмы о науке / ученых / окружающей среде — 16;
- исторические — 8;
- биографические — 6;
- фильмы о культуре — 2.

Картину «Музей “Революция”» (реж. Н. Бабинцева) — об украинском музее, где собраны предметы с Евромайдана (а также о самой протестной акции и формировавшейся там локальной культуре), — мы бы отнесли скорее к актуальной документалистике, нежели к познавательному кино. Как и картину «Голая жизнь» (реж. Д. Хренова), рассказывающую о судебном процессе над художником-акционистом Петром Павленским, о его жизни, акциях и взглядах. Фильм, не разрешенный к показу в РФ (прокатное удостоверение фильму Министерство культуры РФ, по словам режиссера, выдало, а потом забрало), поднимает тему художника и власти. Биографические фильмы о В. Шаламове, И. Бунине, Я. Карском, Ф. Горнштейне также затрагивают темы взаимоотношений с властью, со страной, а еще — войны, репрессий, холокоста.

Из шестнадцати фильмов, однозначно относящихся к научно-популярному жанру, три картины были о природе и окружающей среде (о слонах и леопардах в дикой природе и о радиационном фоне на месте ядерных испытаний в Казахстане). Один фильм — псевдонаучный. На нем остановимся чуть подробнее.

«Книга снов» (реж. Денис Овсянников) — это, по всей видимости, исключительно авторский проект. Копирайт указывает на производство автора, о продюсерах сведений нет, в титрах нет указаний на состав съемочной группы. Режиссер

запускал краудфандинговую кампанию — сбор средств на постпродакшн [8]. Это яркий пример псевдонаучного кино: интервью сотрудников Института высшей нервной деятельности соседствуют с интервью любителей мистических произведений Карлоса Кастанеды, а висцеральная теория сна доктора биологических наук И. Н. Пигарева — с рассказами про биоэнергетику. А главное — автор не дает критических комментариев, не показывает зрителю, как относиться к тому или иному высказыванию. Огромная часть фильма посвящена практике осознанных сновидений, и в какой-то момент он превращается в пропаганду. Лента была выложена в Интернет и набрала за три года чуть более 34 тыс. просмотров.

Заслуживают внимания три действительно научных фильма Дмитрия Завильгельского: «Диссернет. Эволюция альтруизма», «В ожидании волн и частиц», «Fucking brain». Завильгельский говорит, что снимает фильмы в жанре «документальный научпоп»: научные теории, иллюстрированные любопытной анимацией, идут параллельно репортажным съемкам, сегодняшней жизни ученых. Фильмы Завильгельского — редкий пример присутствия в современном научпопе авторской точки зрения, часто довольно ироничной. Похож по жанру на предыдущие и фильм Екатерины Еременко «Буквальная геометрия»: здесь ученые-математики ищут решение сложной задачи, но мы в то же время наблюдаем детали их жизни — на прогулке, в кафе, на пробежке, в машине. Картина Еременко — и это неожиданно — не понятна простому зрителю. На первых же минутах мы сталкиваемся со сложными математическими терминами, однако режиссер не собирается пояснять их. «Я не считаю, что должна объяснять, — говорила режиссер после кинопоказа на фестивале «FUTURE.DOC». — Я должна вдохновлять. Зритель может потом посмотреть в ютубе. Я не хочу адаптировать: я уважаю аудиторию, для которой делаю фильм». Зато в другой ее картине — «Шепоты теории струн» — попытка объяснения научной дискуссии становится режиссерским приемом и стержнем фильма. Он снят во время научной конференции, где сидящие рядом с режиссером и камерой ученые шепотом объясняют происходящее.

Вопрос адаптации, на наш взгляд, — один из самых сложных в кино о науке. При работе над картиной «Мозг. Вторая Вселенная» я неоднократно ловила себя на мысли о том, что после интервью не помню содержание разговора — настолько новой и сложной была тема, например, синестезия (одна из особенностей восприятия). Интуитивно приходилось искать баланс: сделать понятную зрителям картину, но не уйти в излишнее упрощение, не скатиться в псевдонауку, остаться на высоком интеллектуальном уровне, при этом получить фильм зрелищный и интересный. Когда мы завершили картину, то показали ее одному из героев — профессору НИУ ВШЭ Василию Ключареву. Потом он делился впечатлениями от первого просмотра на пресс-конференции, посвященной выходу фильма: «Документальное кино, как отсутствующее у нас кино, вообще вызывает удивление. У меня вызвало удивление существование этого фильма. Канал “Культура” делал и делает о нас сюжеты. Но документальный фильм — это необычно. Я совершенно другое представлял. Какой-то такой мой был прогноз: слушайте, это неожиданное кино, мне кажется, в России это не поймут» [13]. Зрители поняли: на показах — аншлаги, на двух кинофестивалях картина получила призы зрительских симпатий.

«Буквальная геометрия» тоже вызывает бурный интерес и восторги зала, несмотря на то, что мало кто понимает ее научное содержание. Один из зрителей на обсуждении фильма назвал Екатерину Еременко «Тарковским в документалистике». Напрашивается вывод о том, что зритель соскучился по «умному» кино, и предоставленная автором возможность интеллектуального диалога (мы рассматриваем взаимодействие фильма и зрителя как диалог) с радостью принимается любой аудиторией. Вычленив ядро аудитории в кинотеатрах и на кинофестивалях сложно: на показах присутствуют и молодежь, и дети, и старшее поколение. Ученые давно говорят о том, что человек получает удовольствие от процесса познания и понимания чего-либо [11, 235]. Наверное, в этом и кроется причина неослабевающего интереса зрителей к научно-популярному кино.

Тем не менее необходимость адаптации все же существует. Так же, как и поиска новых форм и образов. Один из приемов, который часто встречается в последнее время как в телефильмах, так и в кинофильмах — съемки за пределами научных институтов. Авторы стараются приблизить героев и экспертов к зрителю, беседуя с ними не на рабочем месте или в студии, а в привычной для зрителей среде. Это облегчает восприятие научной информации: перед нами человек не в белом халате в лаборатории, а собеседник за чашкой чая. Зрителю интереснее, если он видит формулы, написанные не мелом на доске, а маркером на окне, как в «Буквальной геометрии».

Так же — на оконном стекле — объясняет научный метод герой фильма «Жизнь с бактериями» (реж. Станислав Ставинов, Андрей Тимощенко). Микробиолог Андрей Шестаков делится в фильме не только научной информацией, но и своей философией, отношением к науке, к жизни. Картина интересна крепкой драматургией: в ней есть сюжет (детективный: герои ищут причину гибели колонии бактерий на чашке Петри), есть герой (характер которого постепенно раскрывается в процессе движения к цели). Отсутствие авторского взгляда, монтаж (местами клиповый) и манера съемки (нет концептуального визуального решения) выдают телевизионное производство — фильм делался для телеканала «Наука», хоть и при поддержке Министерства культуры РФ. Отдельно нужно сказать об использовании кадров, снятых с помощью квадрокоптеров. С тех пор, как они стали доступны любому оператору (у них низкая стоимость и низкая стоимость аренды), мало кто может устоять перед соблазном получить зрелищные кадры пролетов над городом или лесами. Технологии задают тренды: восемь лет назад была мода на цейтраферную съемку, сейчас — на пролеты. Чаще всего они в телефильмах не к месту. В картине «Жизнь с бактериями» эти съемки оправданы масштабами локаций (горы Кавказа, Белое море), но не оправданы драматургически: история камерная.

Иногда намерение сделать героя «своим» вызывает комический эффект. В первой серии цикла телефильмов «Тайны мозга» (тоже номинанта премии «Лавр» 2015 г. как «лучшего сериала, цикла документальных фильмов») профессор МГУ им. М. В. Ломоносова А. Я. Каплан рассказывает о мозге и гормонах, находясь на дискотеке. В глаза бросается несоответствие статуса профессора и серьезности темы месту и действию. К тому же клиповый монтаж и громкая музыка снижают способность воспринимать словесную информацию.

Упомянем исследование, проведенное около 12 лет назад кандидатом психологических наук Т. Е. Черчес. Она изучала восприятие научно-познавательных фильмов и пришла к выводу о том, что влияние видеоряда на восприятие устно-речевого сообщения выражается в нарушении полноты и целостности осмысления его содержания, потере логики, неточности и быстроте утраты в памяти [15]. По ее словам, в сознании человека может существовать либо образ, рожденный на основе словесной информации, либо визуальный образ (т. е. либо образ, вызываемый воображением, либо образ, подаваемый в «готовом» виде). Частое переключение внимания с одного образа на другой приводит к нарушению целостного осмысления сюжета. Именно поэтому сложно совместить научную информацию, требующую особого внимания, насыщенный звукоряд и клиповый монтаж. Отметим, что в серьезных научно-познавательных картинах отношение к монтажу аккуратное.

В основном в отсмотренных нами фильмах преобладает классический телевизионный формат: интервью и хроника чередуются с дикторским текстом (в 20 фильмах есть закадровый текст). Это относится практически ко всем историческим и биографическим картинам из нашего списка. Режиссеры, снимающие о науке, чаще ищут оригинальные формы. В фильме «Крылатые рыбаки» Татьяны Обозновой (о китайском способе ловли рыбы с помощью бакланов) нет интервью, есть только размеренный (что уже необычно) закадровый текст и сильный визуальный ряд, который создает целостное художественное произведение, достойное большого экрана. В новом фильме Дмитрия Завильгельского об искусственном интеллекте (выход планируется в 2019 г.) закадровый текст читает робот: нейронная сеть, которая обучилась говорить голосом Смоктуновского. И это необычно — слышать голос великого актера и понимать, что с тобой говорит искусственный интеллект. На телевидении тоже встречаются, но значительно реже попытки поиска неординарных приемов. В фильме «Лео 80. История одного леопарда» закадровый текст читается от лица леопарда. Но он воспринимается скорее как заигрывание со зрителем, нежели как органичный элемент драматургии, особенно на контрасте с репортажными документальными съемками.

Традиционно выделяют пять функций кинематографа: эстетическую, коммуникативную, развлекательную, образовательную и воспитательную. Чаще всего кино сочетает все пять, но одна доминирует. В современных научно-популярных фильмах мы видим попытку объединить образовательную функцию с развлекательной (по этому пути идет телевидение) или эстетической (это дорога кинематографа). По всей видимости, режиссеры понимают, что старые форматы научно-популярного кино (те, которые зрители ассоциировали с ощущениями «скучно» и «СССР и что-нибудь про физику») сегодня не найдут места ни на телевидении, ни в кинотеатре. Для простого поиска научной информации у зрителей есть Интернет — блоги популяризаторов и сайты о науке. Во время опроса только 15 % респондентов на вопрос «Откуда вы получаете информацию о последних научных разработках / достижениях?» упомянули телевидение. Поэтому режиссерам приходится бороться за зрителя: связывать научные поиски с личными историями героев, придумывать новые формы повествования.

Выводы

Распространенный в профессиональной среде тезис о том, что телевидение формирует превратное представление о неигровом кино, возможно, не соответствует действительности. Как показал наш опрос, 94 % респондентов смогли назвать критерии различения телепрограмм и научно-популярных фильмов и только 2 человека из 114 опрошенных не смогли.

Анализируя результаты анкетирования членов Гильдии неигрового кино и телевидения, мы обнаружили противоречия: с одной стороны, документалисты не желают ассоциировать свою деятельность с телевидением, с другой — рассматривают телеэкран как площадку для показа своих фильмов.

подавляющее большинство научно-популярных фильмов сегодня производится либо самими телекомпаниями, либо киностудиями, но в телевизионной манере. На киноэкраны выходят единицы. В то же время авторские проекты научно-популярного кино демонстрируют интересные эксперименты с формой и жанром.

1. Алферова Е., Киселева Ю., Соболева Т. Документалисты спорят о телевидении // Гильдия неигрового кино и телевидения : [офич. портал]. URL: http://rgdoc.ru/news/dokumentalisty-sporyat-o-televidenii/?sphrase_id=14303 (дата обращения: 22.08.2018).

2. Беляев И. К. Спектакль документов: Откровения телевидения. М., 2005. 352 с.

3. Бокшицкая Е. История, наука, человек... // Искусство кино. 1988. № 3. С. 51–56.

4. Бюллетень кинопрокатчика. 2018. № 32 (755). 17 авг.

5. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Общая социология : учебник. М., 2013. 304 с.

6. ЕАИС [Электронный ресурс] // URL: <http://ekinobilet.fond-kino.ru/films/detail/213002118/> (дата обращения: 26.11.2018).

7. Згуриди А. М. V съезд кинематографистов СССР, выступления на съезде // Искусство кино. 1986. № 10. С. 54–56.

8. Проект «Фильм “Книга снов”» // Planeta : [Российская краудфандинговая платформа]. URL: <https://planeta.ru/campaigns/25080> (дата обращения: 27.11.2018).

9. Разбежкина М. Горизонталы маленького мира. Проблемы драматургии в документальном кино [Электронный ресурс] // Искусство кино. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2007/08/p8-article13> (дата обращения: 15.12.2018).

10. Рабигер М. Режиссура документального кино. 4-е изд. М., 2006. 543 с.

11. Симонов П. В. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии. М., 1987. 272 с.

12. Тертычный А. А. Быть ли научно-популярной журналистике? // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 212–217.

13. Умная картина о сложных вещах : видеозапись конференции [Электронный ресурс] // Дипломат ru. URL: <https://diplomatr.ru/umnaya-kinokartina-o-slozhnyx-veshax/> (дата обращения: 17.07.2018).

14. Фигуровский Н. Н. Кинодраматургия и зритель. Проблема овладения вниманием. М., 1989. 72 с.

15. Черчес Т. Е. Психологические особенности восприятия содержания устно-речевого сообщения при его совмещении с видеорядом в научно-познавательных фильмах [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы современной российской психологии : материалы Междунар. форума и школы молодых ученых ИП РАН. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunar/nauchnye_m/razdel_3_a/cherches_t.html (дата обращения: 03.12.2018).

Статья поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 821.161.1-1 Шенгели + 808.1 + 7.036.2

А. А. Хадынская

ЭКФРАСИС В РАННЕЙ ЛИРИКЕ ГЕОРГИЯ ШЕНГЕЛИ

Статья посвящена исследованию экфрасиса в ранней лирике Георгия Шенгели, примыкавшего к кругу «московских акмеистов». Выявляются характерные особенности экфрастического мировидения поэта, вытекающие из акмеистических установок, к которым тяготел начинающий поэт: воображаемые пейзажи с аллюзиями на известные культурные тексты, стремление к визуализации переживаний, яркая цветовая образность. Фиксируются разнообразные способы создания «словесных картин», в которых главную роль играют яркие цветовые детали.

Ключевые слова: Георгий Шенгели; московский акмеизм; акмеистическая поэтика; экфрасис; художественный синтез; литературная аллюзия.

Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) принадлежит к числу московских поэтов «акмеистического круга», творчество которых мало известно читателю и только в недавние годы вошло в сферу интересов исследователей. Московские акмеисты, в отличие от петербургских, не обозначили себя как серьезная поэтическая школа и официально группу не зарегистрировали; к ним причислялись Надежда Пресман-Фридман, Мария Яковлева-Ямпольская, Николай Минаев, Марк Тарловский, Михаил Зенкевич, Дмитрий Усов и несколько других «спорных» относительно причастности персоналий. Московский акмеизм наследовал акмеизму петербургскому, но сам осознавал меньшие масштабы поэтического движения и степень своего влияния на культурное поле. Причинами этого можно считать как позднее его возникновение — 1923 г., в это время петербургский акмеизм уже испытал серьезный кризис в связи с трагедией его лидера Н. Гумилева, так и оторванность от культурной почвы, потому как акмеизм был генетически петербургским явлением. Но, несмотря на организационные трудности, московский

ХАДЫНСКАЯ Александра Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета (e-mail: opus2000@mail.ru).

акмеизм все же существовал, о чем свидетельствует творчество поэтов, напрямую не связанных с указанным сообществом, но появившихся в силовом поле акмеизма и усвоивших акмеистическую поэтику.

К ним в полной мере можно отнести и Георгия Шенгели. Он родился в Темрюке, окончил знаменитую Александровскую гимназию в Керчи и свою писательскую деятельность начал в местной печати, публикуя журналистские заметки, хроники и фельетоны. Учился на юридическом факультете Московского университета, позже перевелся в Харьковский университет. Началом творческого пути можно считать его сборник «Гонг» (1916–1917), написанный под сильным влиянием Игоря Северянина; последующий сборник, «Раковина» (1918), уже носил отчетливый акмеистический характер. После короткого «крымского периода» (во времена установления советской власти Шенгели был «комиссаром искусств» в Белой гвардии) он перебрался в столицу, где стал профессором филологии, преподавал в Литинституте, написал ряд фундаментальных трудов по стиховедению. В 20–30-е гг. XX в. Шенгели был на пике поэтической славы: вышел его главный сборник «Избранные стихи», печатались его многочисленные переводы из западноевропейской поэзии, он был назначен председателем Всероссийского союза поэтов. Его отношение с властями серьезно осложнилось после публикации в 1927 г. памфлета «Маяковский во весь рост», в котором поэт пытался оспорить художественное новаторство кумира революции. Поэтическая деятельность Шенгели после этого пошла на спад, и до самой смерти в 1956 г. он публиковал в основном переводы. О Шенгели забыли на многие годы и читатели, и исследователи. Восстановить справедливость в этом вопросе призвана биографическая книга В. Э. Молодякова [7], в которой собраны уникальные факты и восстановлены многие фрагменты драматичной биографии поэта. В последние годы появились статьи о жизни и судьбе Георгия Шенгели, но многие из них носят историко-литературный или вовсе обзорный журналистский характер и мало касаются самого творческого наследия поэта. Но следует отметить, что еще ранее, в 1980–1990-х гг., были предприняты серьезные литературоведческие попытки осмысления его творчества [1, 5, 8, 9], к числу заметных работ можно отнести исследования К. Ю. Постоутенко [10–13]; в 2000-х гг. возобновился интерес к Шенгели и как к блестящему переводчику, и как к серьезному самостоятельному поэту [2, 3].

Творческая ориентация молодого Шенгели формировалась под влиянием эгофутуриста Игоря Северянина. В 1916–1917 гг. они предприняли два всероссийских турне, где Шенгели на правах младшего товарища предварял выступления мэтра лекциями о его творчестве и чтением собственных стихов из «Гонга», и при этом молодой поэт был благосклонно принимаем и публикой, и критиками; последние отмечали у него, несмотря на явное подражание «королю поэтов», собственную интонацию, тяготение к чистоте и ясности классического русского стиха, выверенным отточенным фразам. Уже на самой заре своей поэтической карьеры Шенгели выбрал путь «прекрасной ясности», приведшей его к поэтике акмеизма. К чести поэта, он сохранил теплые дружеские отношения со своим учителем до конца дней последнего, переписывался с ним, когда тот уже переехал в Эстонию; сохранились их стихи, адресованные друг другу, а также стихотворение

Шенгели на смерть Северянина, в котором младший поэт, стилизуя манеру своего учителя, с благодарностью признает в нем лучшего друга.

Ранние стихи Шенгели (приблизительно до 1920 г.) выдают в нем поэта с «живописным видением мира»: картины родной крымской природы поданы в экфрастическом ключе как полотна художников-маринистов. Показательно в этом плане стихотворение «Босфор Киммерийский» (1916): так древние греки именовали Керченский пролив, соединяющий Черное и Азовское моря:

Песчаных взморий белопенный лук,
Солончаковые глухие степи.
И в тусклом золоте сгущенных сепий
Вздывается оплавленный Опук.

Раздавленный базальт, как звенья цепи,
На сланцевых боках означил круг.
Волчцы и терн. И тихо вьет паук
Расчисленную сеть великолепий.

Потоки вздутые остылых лав
Оставили железно-бурый сплав
И пыл свой отдали в недвижный воздух.

И медленный плывет свинцовый зной,
Растягиваясь в колоссальных звездах,
В рубинных радугах над крутизной [14, 45].

Пейзаж дается яркими красками: «белопенный лук», «на сланцевых боках», «железно-бурый сплав», «в рубинных радугах», «в... золоте сепий» (сепия — краска желто-коричневого тона, а также рисунок или фотография в особой технике «состаривания», отчего они приобретают такой цвет). Апелляция к старине, ушедшим эпохам — общее место у акмеистически ориентированных авторов («тоска по мировой культуре»). Описание крымских пейзажей, оваянных легендами нескольких тысячелетий, стали первым опытом Шенгели на пути освоения акмеистической поэтики.

В стихотворении «Микрокосм» (1916) видна та же тенденция к визуализации, в тексте много красок, цветовых деталей, рождающих яркий образ янтаря с крапленным в него насекомым как природного чуда:

Обволокла медовая смола
Жука металло-голубое тело,
И капелька округло отвердела,
И надолго под хвоей залегла.

Волна над новым дном поголубела,
На отмелях прозрачна и светла,
И тенью мимолетного крыла
Легко мутнели в ней чешуйки мела.

И трубка пенковая предо мной
 Темнеет маговой золотизной,
 И мутен желтопламенный янтарик.

И тихо в нем, как в волнах облака,
 Включен металло-голубой фонарик.
 В моей руке — далекие века [14, 45].

Крымская тема прослеживается и в стихотворении «Порт Святого Иоанна» (1916), где описывается известная местность с храмом Иоанна Крестителя, еще византийского происхождения, в те времена заброшенного и практически разрушенного. Порт Святого Иоанна — образное название Керчи. По исследованиям археологов, фундаментом храму послужило древнегреческое святилище. И над всем возвышается Царский курган — античная усыпальница. Древнегреческая и новогреческая (византийская) культуры выступают у Шенгели в едином пространстве, сама древняя земля явилась таким уникальным перекрестком культур. По-акмеистически выпукло, с большим вниманием к деталям описывается храм и местность, в технике «крупных мазков», что подчеркнуто динамическими деталями («зигзагом быстрым, молнией смеха»). В колористике очевиден диалог античности и христианства: черное и красное, в различных оттеночных вариациях — как знаки традиционных цветов древнегреческой вазописи, и голубое с золотым — цвета христианства, причем оксюморонное сочетание «багряная мгла заката» может косвенно отсылать к «закату Европы», т. е. гибели цивилизации (выделено нами. — А. Х.):

Исчерченный коринфскою резьбой
 Иконостас из **черного** ореха.
Сгоревшего полудня льется эхо
 Из купола струею **голубой**.

И **бледным золотом** дрожащий зной, —
 Шипы уже незримого доспеха, —
 Зигзагом быстрым, молнией смеха
 У **закоптелых** ликов — как прибой.

Забытый порт Святого Иоанна..
 В долине — церковь, где молчит осанна;
 Безмолвный храм Тезея на холме.

И выше всех, в **багряной мгле заката**,
 Над пропастью, на **каменном** ярме,
Гранитный трон — могила Митридата [14, 49].

Примечательно, что упоминаемый Царский курган не раз становился объектом внимания художников: например, Карло Боссоли (Швейцария) изобразил его на своей картине «Могила Митридата». Эту картину вполне мог видеть юный Шенгели, так как литография с нее была помещена в альбом «Пейзажи и достопримечательности Крыма» (издан в Лондоне в 1856 г.).

Интерес к визуальным воплощениям культурных впечатлений у Шенгели явно акмеистического происхождения. Ранняя лирика Шенгели испытала серьезное влияние Н. Гумилева и О. Мандельштама как на уровне образности, так и на уровне поэтической стилистики. У лирического героя Шенгели много масок, он одновременно и гумилевский путешественник, и мандельштамовский античный герой. Он именуется себя Адамом (отсылка к «адамизму»), для которого весь мир — его дом. Библейский и мифологический пласты оказываются неотделимыми друг от друга, как, например, в стихотворении «Марон» (1916); в нем лирический герой дает собственный автопортрет с яркой цветовой деталью (выделено нами. — А. Х.):

Но вольным вижу я себя Адамом.
 Мой лоб **загаром новым опален.**
 Мне Библией — земля. И небо — храмом [14, 47].

Примечательно, что лирический герой именуется себя мароном («И я один — покинутый марон»). Многочисленные истолкования этого слова дают спектр разнообразных историко-культурных аллюзий. Как нарицательное существительное оно обозначает беглого раба в Вест-Индии, что перекликается с тематикой стихотворения: одинокий моряк, брошенный на суше с «минимальным набором для выживания» а la Робинзон Крузо — «Топор и карабин, бурав, лопата, // кремь, брезента клоч, моток шпагата», — видит уплывающую бригантину. Как собственное имя оно вписывается в античный мифологический контекст: так звали потомка Диониса, жреца бога Аполлона во Фракии, которого пощадил Одиссей; за это Марон наградил его пьянящим напитком, с помощью которого герой победил Полифема. С Дионисом связан и упоминаемый во второй строфе дельфин (это морское животное — один из фетишей бога виноделия). Тема Одиссея также угадывается в стихотворении: как известно, древнегреческий герой с отплывающего корабля прокричал циклопу свое истинное имя. Римский контекст возникает в связи с прозвищем Вергилия (Публий Вергилий Марон) и его «Энеидой», где Эней не раз показан отплывающим и приплывающим на корабле (от Трои, от Карфагена, к Лациуму). Христианский культурный пласт «присоединяется» через имя преподобного Марона, сирийского монаха-пустынника IV в., подвизавшегося у древнего города Кир (отголосок у Шенгели — «покинутый марон»). Кстати, в стародавние времена этот город утопал в оливковых рощах (сейчас это местечко Неби-Хури недалеко от сирийского города Алеппо, где по-прежнему растут оливы!): это дерево упоминается и у Шенгели — «оливковый базальт». Всех персоналий объединяет семантика одиночества (Одиссей остался к концу плавания один; Эней, единственный из греков, избран Афродитой-Венерой для великой миссии стать родоначальником римлян; монашеская схема сирийского святого), что вполне укладывается в акмеистический романтизм гумилевского толка, пустившего своего героя в плавание по «культурным морям». Еще одно значение слова «марон» выглядит довольно неожиданно, но вполне логично для экфрастического мировидения Шенгели: так называют краску красно-коричневого цвета, получаемую на основе корня марены — растения, произраставшего на территории греческих и римских колоний, она упоминается древними историками

как пигмент, которым раскрашивали античные статуи [4]. У Шенгели это значение актуализируется через указание на «коричневую глину» в первой строфе, ставшую материалом для создания Адама. Как известно, первый человек был создан Богом из четырех стихий (глина, вода, воздух, огонь); все они явлены в стихотворении: «коричневая глина», море, ветер, кремень (приспособление для добычи огня). С освоения гончарного искусства начал свою деятельность на острове Робинзон, отсылки к которому есть в стихотворении. В другом стихотворении с названием «Огонь и глина» (1916) лирический герой гончар, и он славит этот материал, который переживет века и будет всегда способен хранить живительную влагу. Тема робинзонады поддерживается и в стихотворении «Робинзонов склеп» (1916), в котором поэт дает необычную трактовку образа героя: Робинзон у него не был спасен, а мумифицировался в гроте, вероятно, в характерной «писательской позе», сидя за бюро, «изрытом топорною резьбой», и сжимая «Библию мозолистой рукой» (в анализируемом стихотворении, напомним, топор и Библия также упомянуты).

Экфрастичность проявляется у поэта в создании воображаемой картины морского плавания с глубокой «культурной перспективой», что характерно для акмеизма: типичный сюжет «обрастает» различными культурными «обертонами», включая и все вышеперечисленные, и историю Робинзона Крузо, преодолевшего одиночество верой и трудом, с воплощенной в образе героя просвещенческой идеей покорения природы человеком разумным. Культурные знаки явлены у Шенгели прежде всего в зрительных формах: красках («коричневая глина», «оливковый базальт», «червлёный щит») и графике («прочерчивает бухтовый изгиб // отполированный плавник дельфина»).

Шенгели, следуя геософии Гумилева, отправляет своего героя в дальние путешествия, как во времени, так и в пространстве: Солт-Лейк-Сити, Самарканд, Скифия, Ватикан, Италия и пр. Так, в итальянских пейзажах в стихотворении «*Carpen aeternum*» («Песня вечности») (1916) статическое экфрастическое начало отсылает нас к натюрмортам, динамичный финал — к историческим картинам с мифологическим сюжетом времен Древнего Рима:

Зеркальный шар лилового стекла
Меж яхонтовых гроздий винограда.
Из травертина грузная ограда,
И даль холмов — как сильный взмах крыла.

Так нежно итальянская прохлада
В извивы дымной тени протекла, —
И мысль, отточенная, как стрела,
Размягчена в округлых волнах лада.

Где алый зной покоят мягко мхи,
Латинские усталые стихи
Поют, как медленный ручейный лепет, —

И вижу в быстрой смене, как Эней
Под звонким вихрем легкий парус крепит
И пенит синь неведомых морей [14, 50].

Как было сказано выше, морская тема у Шенгели явно гумилевского происхождения: странствия лирического героя или его встречи с путешественниками имеют литературный аллюзивный план (Гумилев, Мандельштам, Гончаров, Дефо и пр.). Литературность подчеркнута и рефлексией собственного творчества, уподобленного кораблю, попавшему на сушу. Начало стихотворения «Квадратный стол прикрыт бумагой...» (1917) экфрастично, «картинность» подчеркнута окном, играющим роль рамы, и яркими красками:

Квадратный стол прикрыт бумагой,
На ней — чернильное пятно.
И веет предвечерней влагой
В полуоткрытое окно.

Стакан топазового чая,
Дымок сигары золотой,
И журавлей витая стая
Над успокоенной рекой.

Бесстрастная стучит машинка,
Равная стройные слова.
А в поле каждая былинка
Неувядаемо жива.

И вечер я приемлю в душу,
Безвыходно его люблю.
Так люб и океан — на сушу
Закинутому кораблю [14, 56].

Лирический герой у Шенгели выписан в традициях акмеизма: поэт за письменным столом (не с пером, но с его эквивалентом — пишущей машинкой), в душе его целый мир земной стихии (травы, море, тихий вечер), вся культурная география.

Среди своих учителей в литературе Шенгели видит Г. Р. Державина — поэта, чей интерес к зримым (зрительным) образам известен, что выражается в активной колористике, стремлении к статичным описаниям, ориентации в поэзии на живописные жанры (портрет, натюрморт и пр.). При этом Державина интересует не столько синтез искусств в этом явлении, сколько демонстрация возможностей слова, как оказывается, практически безграничных в плане описания объектов действительности во всей их полноте. Экфрастичность державинской лирики рассмотрена в монографии Д. В. Ларковича «Г. Р. Державин и художественная культура его времени», где исследователь приходит к выводу о том, что «державинская экфраза либо вообще утрачивает свою иконическую основу, либо существенно отклоняется от ее структурных принципов» [2, 169]. У Шенгели есть стихотворение, посвященное Державину (с одноименным названием, 1918), где поэт применяет ту же экфрастическую технику, что и мастер, живописуя его портрет уже в преклонные годы. Аллюзивным планом встают портреты Державина кисти известных художников — В. Л. Боровиковского, И. Смирновского,

Н. Тончи. Именно у Тончи он показан стариком, в мохнатой шапке, на фоне гор и снега. Шенгели описывает последние часы великого поэта. Закономерно в этом случае подключить к аллюзивному плану и известную картину И. Репина «Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 г.» (1911), где престарелый поэт изображен сидящим за столом:

Он очень стар. У впалого виска
Так хладно седина белеет,
И дряхлая усталая рука
Пером усталым не владеет [14, 64].

Юный Пушкин показан как «племя младое, незнакомое», стремительным и ярким, как комета влетевшим на поэтический небосклон, и внезапно Державин «перестал быть полубогом»:

И юноша, волнуясь и летя,
Лицом сверкая обезьяньим,
Державина, беспечно, как дитя,
Обидел щедрым подаяньем [14, 64].

Подобно истории с Робинзоном, Шенгели проектирует собственный авторский финал для великого старца: у него Державин умирает сразу после визита в Лицей, словно следуя своему завету («мне время тлеть, тебе цвести») и уступая место достойной смене. На самом деле, как известно, поэт умер спустя полгода после экзамена Пушкина, но для Шенгели больше важна сама идея преемственности («И в гроб сходя, благословил»):

Бессильный бард, вернувшийся домой,
Забыл об отдыхе, о саде,
Присел к столу и взял было рукой, —
Но так и не раскрыл тетради [14, 65].

Следуя акмеистической установке синтеза искусств, Шенгели ставит поэта в один ряд со скульптором и художником — творцами визуальных искусств, его перо равновелико резцу и кисти. Кроме того, его стихотворец осознает свой дар как божественный, что тоже отвечает принципам акмеизма. В стихотворении «Поэт» (1917) лирический герой «прямолинейною иглой карандаша вносит в книжечку слова церквей и хижин», он уподоблен монаху, который

И целомудренным размером осветлен,
И умной скупостью расчисливая краски,
Для ткани будущей сплетения и связи
В устоях каменных натягивает он.

И треугольником скульптурного отвеса
По уравнениям разметивши слова,
Ведет нетленный стих. И пламенно жива,
Взвываясь к небесам, священная завеса [14, 58].

Прием визуализации слова у Шенгели экфрастичен по своей природе, экфрасисы у поэта — воображаемые картины, не имеющие конкретных «прототипов», но написанные по всем законам живописного искусства. Например, в стихотворении «Санскрит» (1917) отождествляется человеческая речь и природа. Древний язык назван ее порождением и воплощением, он описан поэтом преимущественно в зрительных образах. Стихотворение написано одной строфой, словно рукописный свиток:

В странно-знакомых словах, суровых словах санскрита —
 Смуглая кожа земли, — той, где струится муссон.
 В призвуках тайных и темных кроются лики дравидов,
 Преданных мертвой луне, солнцем сожженных людей.
 В плавно-певучих разливах широко открытых гласных
 Всплески высокой волны, — воли грядущих веков.
 И в трепетании смутном шорохов, шепотов, шумов
 Скорбные шелесты трав в мире бескрайних могил [14, 61].

Аналогия природы и слова как единства мира и человека («все во мне и я во всем») акмеистична по своей сути. Мир явлен акмеисту прежде всего в зрительной представленности. И если слово поэта уподоблено кисти художника, то у Шенгели — художника-мариниста прежде всего. Поэтический мир — аквариум, рукотворное море, созданное по всем законам моря настоящего: слово как волна, которая по-пушкински «гульлива и вольна» и не всегда подвластна творцу-поэту, будучи порождением стихии космоса. В стихотворении «Словарь» (1917) эта метафора станет смысловым центром, что подчеркнуто звукописью (аллитерацией) на «к» и ассонансом на «о»/«а» — ср. ударные гласные в словах море, аквариум):

Коринф. Коричневый. Коринка. Карий.
 Колье гортанно прозвучавших слов.
 Отраден мой сегодняшний улов:
 Мир и словарь — как море и аквариум [14, 62].

Поэт воспринимается одновременно и создателем, и хранителем слова («И бережливым будь, что антикварий»), и вновь звучит акмеистический завет «божественного глагола»:

Люблю слова, певучую их плоть:
 Моей душе, неколебимо пленной,
 Их вестниками воли шлет Господь [14, 62].

В стихотворении «Экклезиаст» (1918?) показан прототипический образ поэта — библейского старца, который выводит свои письмена «нежной кинovarью»: «Чертит на хартии: Все суета сует». Поэт оказывается равновелик пишущему выстрадавшие строки «великолепному царю», «раздавленному мудростью, всеведеньем проклятым», своей извечной рефлексией, неуспокоенностью и сомнениями. Ветхозаветная картина перекликается с современностью через краски, которые на «полотне» поэта все так же свежи и яркие, в тексте зафиксирован момент живописной техники:

Закат отбагровел над серою грудой гор,
Но темным пурпуром еще пылают ткани,
И цепенеет кедр, тоскуя о Ливане,
В заемном пламени свой вычертя узор [14, 68].

Не декларируя свое творчество как акмеистическое, тем не менее в своей ранней лирике Георгий Шенгели обнаруживает генетическую близость к акмеистической поэтике на самом глубинном уровне, в частности, используя визуализацию как главный способ освоения им культурного пространства, и при этом экфрасис у него является самым репрезентативным приемом, демонстрирующим включение чужого художественного опыта в собственный поэтический мир.

1. *Гаспаров М.* Георгий Шенгели, ученый поэт // *Арион*. 1997. № 4. С. 32–36.
2. *Жолковский А.* «Крепкая вода» — крепкий орешек. О тонкостях перевода // *Стенгазета* : [интернет-издание]. 2007. 1 марта. URL: <https://stengazeta.net/?p=10002931> (дата обращения: 06.12.2018).
3. *Жуковская Т. Н.* Георгий Шенгели: поэт, теоретик стиха и переводчик // *Крымский архив*. 2015. № 3 (18). С. 73–87.
4. Значение слова «марон» [Электронный ресурс]. URL: <https://how-to-all.com/значение:марон> (дата обращения: 06.12.2018).
5. *Кривцова А., Ланн Е.* О Шенгели / публ., вступ. заметка и примеч. П. Нерлера // *Вопр. лит.* 1987. № 6. С. 278–280.
6. *Ларкович Д. В. Г. Р.* Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург, 2011. 344 с.
7. *Молодяков В. Э.* Георгий Шенгели : биография. М., 2016. 616 с.
8. Очерки белогвардейского тыла : главы из романа-хроники Г. А. Шенгели «Черный погон» / публ. А. В. Маньковского // *Встречи с прошлым* : сб. материалов ЦГАЛИ СССР. Вып. 7. М., 1990. С. 122–156.
9. *Перельмутер В.* Живущий на маяке: над архивом Георгия Шенгели // *Вопр. лит.* 1990. № 6. С. 60.
10. *Постоутенко К. Ю.* Анна Ахматова и Георгий Шенгели: к истории взаимоотношений // *Поэзия и живопись* : сб. тр. памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 727–735.
11. *Постоутенко К. Ю.* Маяковский и Шенгели (к истории полемики) // *Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1991. Т. 50, № 6. С. 231–240.
12. *Постоутенко К. Ю.* Г. А. Шенгели о семантике метра (К итогам русской нормативной поэтики) // *Культура русского модернизма*. М., 1993. С. 280–290. (UCLA Slavic Studies ; vol. 1).
13. *Постоутенко К. Ю.* 75 лет книге (Георгий Шенгели. «Гонг». 1916–1991) // *Памятные книжные даты*. 1991. М., 1991. С. 174–177.
14. *Шенгели Г.* Иноходец : собр. стихов. Повар базилевса: Византийская повесть. Литературные статьи. Воспоминания. М., 1997. 542 с.

Статья поступила в редакцию 29.12.2018 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81'42 + 004.032.6 + 316.77

Н. А. Симбирцева

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ТЕКСТ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ*

Современная коммуникация ориентирована на особый характер выстраивания связей с потребителем на уровне текста в медиасреде. Мультимедийный текст создается с помощью телекоммуникационных технологий, имеет нелинейное повествование, организованное с помощью разнокачественных речевых структур, визуальных и аудиальных фрагментов, цветовых и звуковых решений, статичных и динамичных изображений. Запечатление реальности с помощью медиа как результат проявления активности личности является приоритетным способом ее самоактуализации в визуальных практиках XXI в., повествование которых рассчитано на нелинейное восприятие. Развитие критического мышления способствует осуществлению направленной и осмысленной деятельности в процессе профессионального становления и самопрезентации личности в условиях информационной среды.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиатекст; мультимедийный текст; изображение; коммуникативные практики; самоактуализация личности; критическое мышление.

В конце XX — начале XXI в. термин «медиатекст» получил широкое распространение в сфере СМИ и искусства как особая форма коммуникативного взаимодействия в социуме. Начиная с 1990-х гг. он используется в работах зарубежных (К. Б. Дженсен, С. Ханда, К. Хоулей и др.) и отечественных (Т. Г. Добросклонская, М. А. Пильгун, В. Н. Степанов и др.) исследователей в контексте лингвистического анализа, жанрово-стилевого и функционального своеобразия и типологии медиатекста, дискурсивных практик и технологий его создания. Особую нишу на сегодняшний день занимают исследования, связанные со спецификой воздействия медиатекста на окружающую среду, характера коммуникационных и коммуникативных связей и прагматики мультимедийных текстов.

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ №17-29-09136/18.

СИМБИРЦЕВА Наталья Алексеевна — доктор культурологии, доцент, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Института общественных наук Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: Simbirtseva.nat@yandex.ru).

© Симбирцева Н. А., 2019

Понятие «медиа́текст» имеет устоявшийся характер. Согласно определению, данному Д. Пробертом, это любой структурированный медиапродукт или средство коммуникации, включающее в себя как печатное, так и аудиовизуальное размещение, которое можно проанализировать и деконструировать [16]. Мультимедийный текст, как определяет М. А. Пильгун, — это синкретичное единство вербальных и невербальных элементов; он объединяет речевые структуры, видеоряд, статичные и динамичные изображения, звуковые и цветовые эффекты [5, 201]. В продолжение отметим, что он способен принимать новые формы, подвержен гибридизации и в силу своей практикоориентированности формирует субъект-субъектные отношения особого типа.

Всплеск медиагибридных текстов связан с особой привлекательностью их для широкой аудитории, доступностью и пониманием их «массовым» человеком. Каналы медиа воплощают в себе «новую форму артикуляции между массовой коммуникацией и массовой самокоммуникацией» [4, 188]. М. Кастельс определяет ее как новую социальную форму общения. По сути, она является массовой, но производится, получается и воспринимается индивидуально. Познание «реальных» причин коммуникации, ее «реальной» выраженности, «реального» сообщества и т. д. интересует исследователей не само по себе, а как свойство культурных практик, в которых акценты оказались смещены с «реального» (reality) на «изображенное» (imagined) [4, 188].

В этом аспекте для нас важно сосредоточить внимание на следующих моментах:

- технологичность коммуникации превалирует над содержанием: запечатление образа мира с присущими для него ценностями и смыслами важно для современного человека, если оно сопрягается с актуальными формами выражения и принципами создания гибридных текстов, рассчитанных на разные каналы восприятия, удобных для прочтения и осмысления в ситуации «здесь и сейчас»;
- визуальное «схватывание образа реальности» для человека XXI в. приобретает характер технологии и активно тиражируется в медиасреде, провоцируя создателей на организацию новых практик и форм общения;
- «изображенное» выступает в качестве средства и результата самоактуализации личности;
- развитие критического мышления в процессе реализации базовых навыков коммуникации (системное, структурное, логическое и креативное мышление) и работы с разнокачественной информацией в условиях свободы и открытости определения образовательных маршрутов.

Техническая и компьютерная грамотность — одна из необходимых компетенций, которая позволяет человеку XXI в. реализовать себя в личном и профессиональном плане. Знание программного обеспечения (видео-, аудио-, фоторедакторы, конструкторы сайтов и пр.) расширяет границы коммуникации и открывает новые возможности в продуцировании смыслов и ценностей культуры — актуальных, социально и исторически значимых. Действительность приобретает цифровой формат, а медиа становится неотъемлемым средством социального действия. Воспроизведение реальности с помощью цифровых технологий

дает возможность по-другому взглянуть не только на артефакты, произведения искусства, но в том числе и на коммуникации, которые требуют от современного человека особых навыков и умений, так называемых «soft skills». Как отмечает А. Фетисов, «...XX век дал нам новые технологии управления социумом, бизнесом, корпорациями и, к сожалению, сознанием. Это сочетание современных управленческих технологий и медиатехнологий создает совершенно новую реальность, которую часто называют виртуальной. Это реальность, где все возможно» [11].

Интернет выступает в роли информационного вместилища, где пользователи активно внедряют различные технологии выстраивания коммуникативных практик, порождающих тексты особого формата и свойства. Казалось бы, эклектичность мышления обрела образные границы и воплотилась в содержании гибридной формы — мультимедийного текста, сконструированного для удобного и комфортного визуального восприятия с экрана компьютера, планшета, смартфона, непродолжительного по времени и дающего основную информацию, актуальную «здесь и сейчас», с использованием беспроводных технологий доступа к Интернет.

Для большинства мультимедийных текстов присущи следующие характеристики:

- технологичность,
- функциональность,
- релевантность,
- популярность (близость аудитории, ситуативность),
- драматизм повествования (событийность и экспрессивность),
- актуальность и сиюминутность,
- контекстуальность,
- интертекстуальность,
- стереотипность и стандартизованность,
- способность вовлекать в мультимедийное пространство потребителя.

Эффективность общения в Интернете во многом зависит от *качества* языка, который должен быть понятен *каждому пользователю* определенного ресурса и вызывать интерес для дальнейшего общения, т. е. быть коммерчески выгодным для одного и привлекательным для другого. Возможность делиться видео-файлами, фотографиями, текстовыми документами, музыкой, организовывать проекты, создавать wiki-страницы, сайты, социальные сети и прочее позволяет человеку реализовывать собственные желания, интересы и проявлять инициативы. Коммуникации информационной культуры характеризуются отсутствием посредника, выполняющего роль проводника, и организуется по принципу «от многих ко многим». Мультимодальный характер массовой самокоммуникации позволяет переформатировать, смешивать ее содержание за счет выстраивания информационных систем каждым, у кого есть доступ в Интернет, и обеспечивает ее циркуляцию.

Примерно с конца 1990-х блог приобрел популярность среди интернет-грамотных и вошел в повседневную жизнь человека. К. Паркер и С. Прайффер отмечали, что запись в блоге является обычной текстовой записью в Интернете

в виде страницы для публикации впечатлений, мыслей и мнений [14]. Лингвистами блогинг стал активно использоваться при изучении иностранных языков и был взят на вооружение как продуктивное средство общения между педагогом и учащимся [13]. Эффективность блогов увеличивается, если они становятся привычной практикой учащихся.

В начале 2000-х гг. оформился новый тренд в блогинге — видеоблогинг (влогинг) как одна из форм блога, использующего видео в качестве основного информационного ресурса. Исследователи называют дату появления видеоблога — 2 января 2000 г., когда американец Адам Контрас впервые опубликовал видеозапись в своем текстовом онлайн-блоге, чтобы проинформировать друзей о перемещениях [6]. 2005 г. стал значимым для этого канала коммуникаций в связи с появлением видеохостинга YouTube, который позволил любому человеку, имеющему доступ в Интернет, публиковать любительские видеоролики. В журнале *Forbes* этот год отмечен как «год видеоблога».

Видеоблог представляет собой удобную форму организации мультимедийного текста. Он сочетает в себе отрывки из фильмов, звук, неподвижные изображения и речь, а иногда и текст. Он ориентирован на различные каналы восприятия пользователей и влияет на их эмоциональную включенность. Л. Рахманина и Д. Кусуманинграмм отмечают, что преимущественно влоги посвящены описанию разных тем (хобби, советы, комментарии и т. д.) и рассматриваются как онлайн-дневники [15, 28], которые нередко дополняются комментариями подписчиков, отметками об их функциональной значимости («Like») и ответами автора.

По сравнению с текстовым способом подачи материала видеоблогинг предлагает более богатый веб-опыт, ориентированный на визуальную репрезентацию проживаемой реальности и ее запечатление в зримых образах. Последние массово подхватываются и получают широкое распространение в компьютерных сетях с цифровыми компонентами. «Реальная виртуальность», по М. Кагельсу, — это «...система, в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средстве, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиа-тексте целостность человеческого опыта» [4, 351–352].

«Изображение» как доминирующее средство интерпретации реальности скрывает в себе черты театрального и театрализованного действия. В словаре русских синонимов приводится не один десяток вариантов слова «изображать». Это — «живописать, играть роль, делать вид, изображать из себя, играть комедию, рядиться в тогу, намечать, корчить из себя, представлять, придуриваться, перекрашиваться, представляться, разыгрывать, ломать комедию, разыгрывать из себя, надевать маску, надевать на себя маску, надевать на себя личину, строить из себя, брать на себя вид, являться, надевать личину, разыгрывать комедию, выводить, воспроизводить, расписывать, разрисовывать, писать, носить маску,

подавать, показывать вид, строить, маскироваться, инсценировать, набрасывать, актерствовать, выражать, выставлять, лицемерить, лицедействовать, запечатлевать, гримироваться, симулировать, отображать, рисовать, описывать, отражать, косить, выдавать, очерчивать, корчить, фиксировать, показывать, являть, притворяться, прикидываться, обрисовывать, притворствовать, передавать, воссоздавать, обнаруживать, выказывать, обличать, изобличать, демонстрировать, проявлять, обозначать, определять» [10].

Массовые коммуникации виртуальной реальности активны и, по своей сущности, предполагают действие. Изображение как процесс «схватывания» реальности современным человеком — это игра с ней, организованная по особым правилам медиасреды. Для одних — это смыслополагающее действие, связанное с продуктивной деятельностью и качеством предлагаемых сценариев, для других — это способ самокоммуникации и самопрезентации, для третьих — это способ монетизации собственных способностей и возможностей. В большинстве случаев границы практик носят условный характер и определяются приоритетными целями и установками их создателей.

Рассмотрим варианты самоактуализации личности в медиасреде, где визуальный компонент является наиболее привлекательным для широкой аудитории.

Первый тип — профессионально ориентированная личность

В настоящее время можно выделить два типа профессионалов в сфере видеоблогинга: собственно видеоблогеры, которые продуцируют мультимедийные тексты, делающие их популярными и приносящими прибыль, и педагоги, которые используют ресурсы и потенциал видеоконтента и видеоблогинга в реализации профессиональных задач. И те и другие работают на результат. Первые демонстрируют состоятельность в этой сфере и репрезентативность собственных интересов и желаний. Вторые — предлагают учащимся пути к овладению необходимым набором компетенций, чтобы стать успешной, конкурентоспособной в актуальной культуре личностью. Поэтому практики новых информационных технологий активно включаются в образовательное пространство и выступают в качестве альтернативных методов и технологий обучения, направленных на формирование и развитие коммуникативных навыков, умений, творческих способностей обучающихся, на овладение информационной, медийной и визуальной грамотностью и критическим мышлением.

Для современного педагога интересен не только сам мультимедийный продукт, но и то, *как* он сделан. Ребенку свойственно с самого раннего возраста изучать предмет, разбирая и собирая его, с тем, чтобы выяснить, как он сделан. И особо важно для педагога научить процессу созидания самого ребенка. Например, как сделать видеоблог на определенную тему, которая будет актуальна и для самого учащегося, и для других. Организовать алгоритмизированную последовательность действий ученика — одна из ключевых задач современного педагога, соотносимая с умениями систематизировать информацию, структурировать ее, логично излагать, приводить аргументы и представлять ее сообществу. Технологизация

процесса обучения в этом смысле не кажется чем-то лишним и ненужным даже при изучении гуманитарных дисциплин. В последнее время Интернет все больше интегрируется в образовательную среду и выступает в качестве инструментария обучения и развития различных навыков и умений субъекта XXI в. в условиях поликультурности и полиморфизма.

В качестве альтернативных практик в освоении образовательных маршрутов востребованным является форма дистантного обучения, которая становится и способом реализации принципов открытого образования. Веб-курсы, видеолекции, вебинары и онлайн-курсы представляют собой относительно организованную медиареальность, в которой человек обладает свободой в перемещении и использовании информационных ресурсов, выстраивая особые отношения со временем и пространством. Главным условием становится наличие телекоммуникационных сетей и быстрых систем передачи данных.

Создание ресурсной базы для осуществления такого вида деятельности требует профессионализма и командной работы на всех стадиях ее реализации: от организации до выдачи подтверждающего документа о прохождении курсов или обучения.

Второй тип — медийная самопрезентация личности

Привлекательность создаваемых мультимедийных текстов в сфере видеоблогинга во многом зависит от личности влогера. Как правило, это медийная персона, становящаяся лидером мнений. Она способна влиять на сознание своей аудитории: управлять ее настроением, отношением к тем или иным событиям, темам, явлениям, формировать предпочтения и привычки интернет-общественности. Иногда их называют креаторами, что не всегда верно. «Creator» в переводе с английского — «творец, создатель». Креаторы находят интересные темы, направления и ходы, которые реализуются во влогах, взрывающих Интернет и дающих большое количество просмотров. Влогер — это собственно ведущий видеоблога, с которым соотносится понятие «образ автора». Он заинтересован в реализации своих интересов, в том числе и профессиональных, в процессе освоения видеоблогинга как популярного канала массовой коммуникации.

Образ автора в видеоблоге складывается на основе представляемых им ценностей и идей, коммуникативных особенностей и установок, является выражением своего «я» как уникального. Взглядов на мир и способов их выражения в видеоблогинге ровно столько, сколько существует людей. Установки «я тоже могу так...», «хочу попробовать себя в роли...», «хочу популярности...» и т. п. являются своеобразным вызовом интернет-сообществу. Существует ряд правил и норм, которыми влогер овладевает на пути к мастерству ведения видеоблога. Как утверждают опытные видеоблогеры, «чтобы добиться внимания сотен тысяч зрителей на YouTube, понадобится не только талант и харизма, но и терпение и труд» [3]. Грамотность и четкость изложения материалов в Интернете тоже являются дополнительным моментом, привлекающим внимание зрительской аудитории. К сожалению, незнание орфографии, правил пунктуации и стилистическая

какофония в текстах стали общим местом проявления невежества в виртуальной среде, что сказывается и на таком качестве человека, как ответственность перед аудиторией за то, что делаешь, что говоришь.

В рекомендациях на тему «Как стать успешным блогером» [2], как правило, приводятся основные шаги новичка в этой практике, ведущие к успеху. В целом внимание акцентируется на следующих пунктах:

- личность автора, ведущего видеоблог,
- содержание,
- техническая оснащенность,
- технологичность,
- эстетическая и этическая составляющие,
- качество трансляции и качество информации (вербальной и аудиовизуальной),
- контингент пользователей,
- финансовая поддержка, монетизация видеоблога.

Неординарность и креативность в решении поставленных влогером задач по привлечению аудитории и популяризации себя и своего продукта, уникальность материала, интересные «фишки», которых нет у других, и грамотность (языковая, визуальная, цифровая, медийная) выступают в качестве гаранта успешности на содержательном уровне. Киноэстетическая составляющая играет едва ли не главную роль в процессе создания и дальнейшей популяризации видеоблогов. Монтаж, кадр, ракурс, план, звук, цвет и свет, речь, спецэффекты в ходе подготовки ролика к размещению в Сети — это технические и технологические характеристики, отвечающие за качество продукта и его репрезентативность в общественных кругах и свидетельствующие о профессиональном уровне создателя. Профессиональная «игра» с пользователями на уровне изобразительно-выразительных практик в приемлемых и актуальных для культуры коммуникационных формах требует особой подготовки и эрудиции.

В большинстве случаев деятельность бидеоблогеров сводится к пиару. В этом контексте нельзя не вспомнить хрестоматийный случай, описанный в рассказе А. П. Чехова «Радость» (1883) [14], где главный герой, Митя Кулдаров, искренне и безудержно радовался, что про него после заметки в газете о том, что его слегка покалечила испуганная лошадь, «теперь вся Россия знает!». Другой пример — пассаж в «12 стульях» И. Ильфа и Е. Петрова о том, как «...на площади Свердлова попал под лошадь извозчика № 8974 гр. О. Бендер. Пострадавший отделался легким испугом» [1]. Подобная заметка не «зацепила» Остапа: «Пишут, пишут — и сами не знают, что пишут», — так как Великий комбинатор «не любил, когда пресса поднимала вой вокруг его имени». Однако он обращает ситуацию в свою пользу и быстро находит способ извлечь из нее собственную выгоду. С необыкновенной легкостью Остап осваивает пространство редакции газеты «Станок» и требует у редактора опровержения написанного, чтобы не быть «опозоренным перед всем миром». Заметка послужила импульсом к развитию дальнейших «комбинаций» Бендера. Он мастерски подхватил незначительный «намек» на внимание со стороны прессы к своей персоне и произошедшему

с ним, мало кому интересному случаю и воспользовался этим для достижения авантюрных целей.

Самопиар и самореклама — важные компоненты деятельности личности на пути к успеху как в реальном, так и виртуальном пространстве. Привлечение внимания общественности в медиасреде может носить стихийный или организованный характер. В первом случае «срабатывает» эпатаж (стилевой, образный, лингвистический и т. д.), но в силу отсутствия системного, регулярного поддержания интереса и грамотного подхода внимание к нему продержится недолго. Второй вариант для человека, нацеленного на самопрезентацию в медиасреде, более приемлем и требует знания технологий создания привлекательного для отдельных социальных групп образа в нужном месте и нужное время. Многочисленные советы: «Самопиар: как научиться продавать себя?» [8], «Самопиар в социальных сетях: как стать популярным?» [7], «Самореклама, самопиар, самобрендинг» [9] и многое другое — являются содержанием алгоритмизованного действия на пути к узнаваемости личности. Это позволяет не только реализовывать собственные амбиции, но и решать ряд жизненных задач в разных сферах социальных отношений:

- быть конкурентоспособным и выгодно выделяться среди других;
- создавать желаемый образ, чтобы донести до общественности свои идеи и представить свое творчество;
- привлекать внимание инвесторов, партнеров, сторонников для продвижения и реализации собственного проекта;
- создавать репутацию.

Это лишь немногие пункты, влияющие на самопрезентацию личности в медиасреде и репутацию «я»-образа, который создается путем визуального запечатления, тиражирования и в дальнейшем существует в Глобальной сети без авторского участия. Ответственность за такую трансляцию ложится на самого создателя, который может быть индифферентен к судьбе собственного образа. В целом создание репутационного визуального образа сопровождается другими практиками и активностью личности в медиасреде, связанными с реализацией технологий самопродвижения: такими, как интервью, участие в обсуждениях различных тем, комментарии в социальных сетях, к новостным сводкам, фото- и видеопубликации о событиях личной жизни.

Третий тип — медиаменеджер

Маркетинговые практики — неотъемлемый компонент сетевого взаимодействия в телекоммуникационных системах. Основная суть их сводится к тому, чтобы организовать путь от сделки с автором до совместного создания ценности для потребителя. Сделать продукт продаваемым, востребованным и актуальным — не финальный результат. Важно, чтобы он приносил прибыль и в дальнейшем «работал» на имя его создателей. Это во многом зависит от профессионального уровня и профильной направленности специалиста. В ходе этого процесса привлекаются ресурсы массмедиа и подключаются сетевые технологии.

Организационные навыки и опыт в сфере массовых коммуникаций создают репутацию автора, например, мультимедийного текста, его ведущего или менеджера как хорошего продавца, участвующего в его продвижении.

В широком смысле менеджер — это организатор, качества которого востребованы и актуальны для каждого, кто заинтересован в реализации своего продукта в медиапространстве: и для видеоблогера, и для педагога. Главная задача менеджера — грамотно выстроить последовательность действий и составить алгоритм. Его личность зачастую оказывается вне кадра, а его самопрезентацией и самоактуализацией становится мультимедийный текст.

Развитие организационных навыков (подготовка чего-либо и активное участие в ней) реализуется в процессе обучения, является необходимым компонентом педагогического образования и заложено в разные виды просветительской и образовательной деятельности. Современный педагог настроен на диалог с учащимися посредством информационных технологий и на практике использует такие формы, как блог, персональная страница с представлением портфолио, сайт учреждения, социальные сети, мультимедиа-страницы школьных газет и журналов и пр. Это свидетельствует о готовности педагога не только учить, но и учиться вместе с учениками, чтобы попадать в такт времени.

Быть менеджером в виртуальном пространстве — значит быть хорошим веб-серфингистом, уметь работать с информацией и владеть технологиями ее трансляции и репрезентации. Быть менеджером, который научит этому других в реальном пространстве, — значит быть мастером в общении с людьми и профессионалом своего дела. Отчасти надо быть педагогом, готовым подсказать и направить собеседника.

Для каждого варианта самопрезентации личности в медиасреде актуальной проблемой все еще (на протяжении последних десятилетий) является развитие критического мышления. Понимание создаваемого образа и оценка его репрезентации выступают в качестве гаранта для человека на пути успешного самоопределения и саморазвития в условиях постоянно меняющейся информации. Слова «клиповое мышление», «мозаичное восприятие реальности» и наличие многочисленных гаджетов не вызывают бурных реакций в настоящее время. Несмотря на то, что человек научился структурировать массовые коммуникационные системы, дифференцировать информацию, отделяя зерна от плевел, и предлагать альтернативные практики общения, есть насущная потребность развивать и другие уровни мышления, соотносимые с оценочной деятельностью, лежащие в основе «soft skills» и отвечающие за состоятельность личности в современной коммуникационной среде. Это системное, логическое, креативное видение реальности в соотношении с умениями проектирования личности и социально значимых стратегий.

Представлять реальность объемно, в ее сложности, глубине и многообразии — это дар, которым обладает человек от природы. Но чтобы изобразить воспринимаемую реальность стереоскопически и репрезентативно — необходимы навыки владения технологиями и обновление методик работы с вербальной и невербальной информацией, учитывающих актуальные запросы времени.

Алгоритмизация действий во многом облегчает процесс создания текста, в том числе и мультимедийного. Для этого необходимо следовать процедурам анализа и логического изложения материала, соблюдать пошаговые принципы реализации собственной активности и ориентироваться на неординарное решение. Способность человека не только критически осмысливать готовый продукт собственной деятельности, но и оценивать его «производство» в динамике влияет на интенсивность мировосприятия и миропонимание в целом. Ситуативная рефлексия личности в медиасреде как поиск мотивов, аргументов, всех «за» и «против» на фоне самооценки собственных возможностей и способностей — распространенная практика общения в коммуникационных системах. Выбор способа самоактуализации личности зависит от ее индивидуальных особенностей, внутренних интенций и профессиональной ориентированности. Приоритет в этом направлении — действие. Известна одна маркетинговая история. Как «оживить» грудку вареных раков? — Надо вниз положить одного живого. Суть в том, что пока есть активность, есть и интерес к ней.

Но возникает вопрос: насколько ценна глубина смыслов на фоне быстрых изменений и неустойчивых коммуникативных связей? Это во многом зависит от качества распространяемой информации и тех практик, которые приобретают характер смыслового резонанса в обществе XXI в. Мультимедийный текст как текст особого формата, создаваемый с помощью телекоммуникационных технологий, рассчитан на читателя, для которого принцип линейного восприятия текста не «работает». Для него все существует одновременно: виртуальное пространство и реальность, видеоблог и непосредственные коммуникативные отношения в социуме, визуальный коллаж и смысловая целостность, формат ограниченного времени и большой объем информации, самопрезентация и личностная состоятельность... Мультимедийный текст, с одной стороны, является удобной формой для восприятия содержания человеком XXI в. С другой — он провоцирует к организации, развитию и актуализации когнитивного мышления, порождая особый тип личности информационной эпохи.

1. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев / предисл. и коммент. М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана. М., 1999.

2. Как стать блогером на «Ютубе»: с чего начать, профессиональные рекомендации и отзывы [Электронный ресурс]. URL: <https://businessman.ru/new-kak-stat-bloggerom-na-youtube-s-chego-nachat-professionalnye-rekomendacii-i-otzyvy.html> (дата обращения: 01.09.2018).

3. Как стать успешным YouTube-блогером: советы для начинающих [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marieclaire.ru/karera/advice/kak-stat-uspeshnyim-youtube-bloggerom-sovetyi-dlya-nachinayuschih/> (дата обращения: 01.09.2018).

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

5. Пильгун М. А. Мультимедийный текст: особенности функционирования и перспективы развития // Учен. зап. Казан. ун-та. 2015. Т. 157, кн. 5. С. 192–204.

6. Российский видеоблогинг — 2015: роль и значение в коммуникациях в цифровой среде. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polylog.ru/a/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf> (дата обращения: 15.07.2018).

7. Самопиар в социальных сетях: как стать популярным. 2014 Вып. № 97, 20 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.setup.ru/client/subscription/265> (дата обращения: 14.09.2018).
8. Самопиар: как научиться продавать себя [Электронный ресурс]. URL: <https://say-hi.me/sovetiy/samopiар-kak-nauchitsya-prodavat-sebya.html> (дата обращения: 14.09.2018).
9. Самореклама, самопиар, самобрендинг [Электронный ресурс]. URL: <http://fingeniy.com/samoreklama-samopiар-samobrending/> (дата обращения: 14.09.2018).
10. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/250365/изображать (дата обращения: 03.09.2018).
11. *Фетисов А.* Как цифровой мир изменил коммуникацию [Электронный ресурс] // Как новые медиа изменили наш мир? (О виртуальной реальности, новых пространствах коммуникаций и проблеме авторства в современном обществе). URL: <https://postnauka.ru/video/30224> (дата обращения: 10.08.2018).
12. *Чехов А. П.* Радость // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 2 : Сочинения. М., 1983.
13. *Aydin S.* The Use of Blogs in Learning English as a Foreign Language Mevlana // International Journal of Education (MIJE). 2014. Vol. 4, iss. 1. P. 244–259. Retrieved from: <http://mije.mevlana.edu.tr/> (accessed: 05.07.2018).
14. *Frank Nack.* Media impact. Video blogging: Content to the max (Conrad Parker and Silvia Pfeifer). 2005. Published by the IEEE Computer Society. [Electronic resource]. URL: http://mije.mevlana.edu.tr/http://www.kfish.org/publications/VideoBlogging/IEEE_MultiMedia_200504-VideoBlogging.pdf (accessed: 05.07.2018).
15. *Probert D.* AS/A-Level Media Studies Essential Words Dictionary. Oxford, 2005.
16. *Rakhmanina L., Kusumaningrum D.* The effectiveness of video blogging in teaching speaking viewed from students' learning motivation // Proceedings of the Fifth International Seminar on English Language and Teaching (ISELT-5). 2017. P. 27–34.

Статья поступила в редакцию 23.10.2018 г.

УДК 316.343.725(470) + 94(470)“1960/1970”

Е. Г. Серебрякова

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ: БИОГРАФИЯ ПОКОЛЕНИЯ

Автор статьи исследует этапы символической биографии поколения либеральной советской интеллигенции 1960-х гг., которая именovala себя шестидесятниками. Цель статьи — выявить динамику мировоззренческой позиции и типологию поведения шестидесятников. Автор характеризует символические этапы жизненного пути генерации и выявляет формирование нонконформизма как одного из базовых мировоззренческих и аксиологических принципов.

Ключевые слова: шестидесятники; либеральная советская интеллигенция 1960–1970-х гг.; диссиденты; нонконформизм.

1960-е гг. тяготели к самооценкам: «оттепель» — для себя, «шестидесятники» — для поколения. Две метафоры, одна из которых означала возрождение страны, устремленность в будущее, а другая — ее персонифицированное настоящее, оказались созвучны друг другу и родились в сознании интеллигенции — сообщества, определившего интенсивность самовыражения поколения. Шестидесятничество, ставшее своеобразным «поколенческим кодом» (выражение Марии Васильевой) [3, 8], объединяло, по наблюдению современных ученых, преимущественно интеллигенцию: 70–80 % — люди с высшим и незаконченным высшим образованием [4, 189–190].

Карл Мангейм отмечал, что мировоззрение, обыкновено приписываемое определенной эпохе, в действительности свойственно только некоторой (однородной или разнородной по своему составу) социальной группе: «В определенный момент данная группа выдвигается на передний план, что и позволяет ей оказывать влияние на интеллектуальную жизнь других общностей, в то же время не разрушая и не ассимилируя их» [11, 37]. Замечание ученого объясняет научный способ идентификации поколения — через лидирующие образцы. Ими в эпоху «оттепели» и были шестидесятники — социально наиболее мобильная и творческая часть общества. Очевидно, что они не представляли от имени всей возрастной когорты и тем более всего советского народа, но умели в символической форме или стиле жизни наиболее адекватно передать дух времени. Андрей Сахаров, Александр Солженицын и их более молодые последователи (Владимир Буковский, Александр Гинзбург, Наталья Горбаневская и др.) стали знаковыми фигурами для шестидесятников не в силу уникальности собственного видения эпохи, а из-за способности выразить чаяния своего поколения, реализовать его интеллектуально-нравственный, творческий и гражданский потенциал. В социальной практике и литературно-публицистической деятельности лидеры

СЕРЕБРЯКОВА Елена Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета (e-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru).

© Серебрякова Е. Г., 2019

поколения ориентировались на поведенческие образцы и способы артикуляции, уже получившие легитимность, и сами формировали новые модели поведения, постепенно меняли не только «правила игры» во взаимодействии с властью, но и самосознание сообщества. В результате определялись общие способы социальной и литературно-публицистической реакции на события, критерии артикуляции и интерпретации тем, дискурсивные практики, формировался тезаурус, происходила кристаллизация нонконформистского сообщества внутри поколения. Нонконформизм, или инакомыслие, был общественно-политической позицией шестидесятников, одним из базовых мировоззренческих и аксиологических принципов. Задача данной работы — выявить динамику самосознания участников генерации, проследить этапы символической биографии поколения.

Осознание единой судьбы сопровождается общностью идей, концепций, дискурсивных тем. Для шестидесятников такими генеральными темами в осмыслении эпохи стали антигуманная природа тоталитаризма, недопустимость реставрации сталинизма, демократизация и либерализация общественной жизни, автономия личности от диктата государства, что в повседневной практике вначале определялось как борьба за свободу слова и мысли, а затем — как отстаивание конституционных прав граждан.

Переходному обществу, каким позиционировала себя «оттепель», свойственно деформированное, спрессованное представление о времени, обостренное ощущение связи прошлого и настоящего, когда в современности как бы концентрируются черты прошедшей эпохи и грядущее. Такие поколения проходят символический жизненный путь с повышенной интенсивностью. Историко-культурный цикл шестидесятников включил все фазы: период «детства» выпал на 1956–1965 гг. Взрослеть пришлось стремительно — с 1965 по 1968 г. «Зрелость» оказалась самой продолжительной — с 1968 г. до середины 1980-х, а «старость» принесла неожиданные плоды: «Эпоха оказалась короче жизни» (Валерий Попов) [9, 569].

Символическое «детство» (1956–1965 гг.) прошло под знаком доверия власти, чувства открытости миру и обретения смыслов. Идеологическое взросление, гражданское самоопределение в этот период сопровождалось радостью узнавания «своих», не по возрасту, а по гражданскому и духовно-нравственному совпадению. В повседневной культуре «оттепели» это породило феномен интеллигентских «кухонь» — гибрида литературных салонов и политических клубов. В них выплескивались эмоции и кристаллизовалась мысль, находила выход потребность в осмыслении времени и себя. Людмила Алексеева вспоминала об этом так: «Людей как прорвало, они стали говорить друг с другом, даже со встречными на улице — такой был отложенный спрос на общение. Именно тогда начались эти безумные московские компании: те, кто жил в это время, помнят, мы только и делали, что ходили из компании в компанию» [1, 20].

Границу между биографическими фазами шестидесятников составляли события, вносившие новые коннотации в ощущение времени. 1965 г.: интеллигенция ищет способы взаимодействия с властью в ходе процесса Синявского и Даниэля. Взрослеющая генерация осмысливает как основной конфликт эпохи требование индивидуальной автономии личности при произволе власти. Надежды на диалог

общественности и государства, свойственные преждему, «детскому» периоду, сменяются ощущением бесперспективности попыток взаимодействовать с властью на паритетных началах. «Молодость» воспитывает умение принимать решения и отвечать за их последствия. Суд над писателями, попытавшимися реализовать свое право на свободу творчества в обход общепринятым в профессиональной среде стандартам поведения, расколол коллег и столичную интеллигенцию. Николай Паняенко, один из 62 литераторов, подписавших письмо в адрес XXIII съезда партии с просьбой отдать на поруки Синявского и Даниэля, так объяснял на партбюро Московской писательской организации причины своего поступка: «...шла речь об изменении меры наказания к преступникам. <...> Я буду выполнять то, что требует от меня устав партии, а я в партии не такой уж молодой, я в ней состою 25 лет, и я знаю устав. <...> Вы сами понимаете, что писателю очень трудно наступать на горло своим мыслям, своим убеждениям, своим чувствам. Мы же все все-таки гуманисты. Гуманное начало в нас сидит очень сильно. Мое поколение началось с того, что в нас воспитывали саму жестокость: убивать людей — это было нашей работой. И все же я считаю, что за такие вещи ставить к стенке нельзя. И такая возможность в наше время есть» [7, 156]. Как видим, писатель объясняет мотивы своего поступка, сопоставляя поколения: вынужденная жестокость как поведенческая норма старших должна, по его мнению, смениться гуманным отношением к современникам, как диктует характер литературной деятельности и допускает эпоха. Категории «дух времени» и «поколение как его выразитель» дополняют друг друга.

Свободомыслие, родовое свойство сознания интеллигенции, было свойством всех шестидесятников, граница проходила не по критерию лояльности или оппозиционности властям, а по степени демонстративности инакомыслия, которую представители поколения определяли для себя в качестве допустимой. Общая атмосфера свободомыслия, поощряемая внутри творческих и научных союзов «оттепели», создавала благодатную почву для выражения нонконформизма в крупных культурных центрах. Безусловно, интеллигенция Москвы, Ленинграда и других крупных городов была более политизирована, чем провинциальная, обладала большей решимостью и способностью действовать консолидировано.

«Зрелость» поколения была драматичной. Начинался новый период отечественной истории — эпоха идеологического кризиса «развитого социализма». С приходом к власти в 1964 г. Брежнева в стране началась частичная реабилитация Сталина, которая была попыткой умиротворить «потенциальную простонародную оппозицию, подкрепив свою политику еще и материальными подачками народу в конце 1960–1970-х годах» [10, 103]. В стране нарастали охранительные тенденции. Организации, осуществившие руководство культурой — ЦК КПСС, КГБ при Совете министров СССР и Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит), — утвердились в классификации критических текстов, особенно возникавших в неподцензурном пространстве, как идеологических диверсий. И хотя в системе юридического воздействия предпочтение было отдано не судебному преследованию, а профилактированию «антисоветчиков» (в январе — мае 1964 г. доля «предостереженных» составила

58,4 % от задержанных нонконформистов), охранительные тенденции нарастали, возвращались репрессивные механизмы управления культурой. Ужесточение курса выразилось в создании Пятого управления КГБ, специализировавшегося на борьбе с идеологическими диверсиями (1967 г.), и повышении в определении стратегии развития культуры совместно с Главлитом роли Комитета госбезопасности, чья агентура в конце 1960-х гг. составляла около 166 тыс. человек. Власть не желала расширять поле свободы творчества, как совсем недавно рассчитывала интеллигенция, а стремилась более грамотно и эффективно наладить контроль за ее деятельностью, что на практике означало усиление карательных мер в отношении инакомыслия, выразившихся в исключении из Союза писателей литераторов-нонконформистов, запрете публикаций крамольных авторов: Александра Солженицына, Владимира Войновича, Василия Аксенова, Виктора Некрасова и многих других, изъятии из библиотек книг запрещенных писателей и пр. Граница между легальной литературой и самиздатом стала непроходимой: печатаясь в неподцензурных журналах, невозможно было существовать параллельно в официальных изданиях.

Оппозиционная культура продолжала институционализироваться. Значение этого факта неоднозначно. В параллельном пространстве функционировала свободная печать вместо подцензурной, осуществлялись неофициальные художественные выставки, спектакли, концерты, представлявшие альтернативную эстетику. Были намечены новые парадигмы развития культуры и многие артефакты спасены от уничтожения. С другой стороны, происходило обеднение общекультурного процесса, выхолащенного и стерилизованного (негативная тенденция, проявившая себя в полную меру в конце 1970-х — 1980-е гг.), и периферийного — контркультурного, творческое наследие которого в целом беднее легальной литературы и искусства той поры.

Попытка сохранить духовную автономию могла принимать у шестидесятников различные формы: один вариант — писать и говорить, что думаешь, и печататься в сам- и тамиздате. В социальной практике это означало неизбежный дрейф к маргинальности, в общественной позиции — к диссидентству. Показательно, что к этому времени, концу 1960-х — началу 1970-х гг., относится рождение самого слова «диссидент», авторство которого Александр Гинзбург приписывал Леониду Пинскому, употреблявшему его исключительно с ироничным звучанием [6, 122]. В советском обиходе понятие освободилось от первоначальной иронии и стало применяться к нонконформистам, занимавшим радикальную социальную позицию. В этой среде общественно-политические претензии власти выговаривались наиболее внятно и последовательно.

Другой способ сохранения внутренней независимости — уход в частную сферу, противопоставление частной жизни с ее подлинными, искренними отношениями семейного и дружеского круга лживой публичной среде. «Противостоят тяжести — работа, любовь, стихи, добрые люди, костер, природа. Что-то должно противостоят, а то взорвемся изнутри прежде, чем ОНИ (выделено автором. — Е. С.) нас схватят», — записала в дневнике Раиса Орлова [13, 293]. Разделение на реальную и номинальную идентичности характерно для расщепленного

сознания, что свойственно психологической позиции внутреннего эмигранта (понятие, заимствованное из французской литературы XIX в.). Ричард Дженкинс отмечал, что внутренние эмигранты в публичном пространстве проявляют именно номинальную идентичность, выражая на символическом уровне солидарность общепринятым стандартам поведения, в то время как их реальная идентичность там не проявляется [16]. Разные социальные ситуации требовали презентации различных идентичностей, зачастую противоположных моделей поведения, в чем и заключался феномен потери личностной целостности. Интеллигенцией, обладающей высокой степенью рефлексии, двойственное сознание переживалось болезненно. С одной стороны, приходилось функционировать в реальном социальном пространстве, а значит, принимать роль политически лояльного гражданина. С другой — преобладала внутренняя потребность дистанцироваться от официальной сферы. При этом вынужденное или добровольное отсечение общественно-политических связей у интеллигенции, ориентированной на идеалы служения отечеству и народу, рождало чувство неполноты жизни, собственной нравственной ущербности. В самооценках усиливалось нравственное отторжение своей жизни как лживой, хотя и социально безопасной: «Вести такую жизнь бывало тяжело, бывало стыдно, горько, охватывало презрение к себе», — признавались Раиса Орлова и Лев Копелев [14, 213]. Внутренняя эмиграция трансформировалась в реальную не всегда, но чувство отчуждения от страны, общества и своей прожитой жизни было общим при обоих поведенческих сценариях.

Безусловно, у шестидесятников оставалось профессиональное поле реализации личностного потенциала в пределах допустимых границ. Для этого было необходимо выдерживать нормативную модель социального поведения, не участвовать в протестных гражданских акциях. Высокий уровень образования, гарантированная и стабильная работа позволяли реализоваться вне общественно-политического поля, направить свои силы в «русло спокойного и рабочего прогресса», как оценивал эту позицию столетием раньше Александр Амфитеатров [2, 43]. Этот вариант избирала большая часть сообщества. Благодаря творческой продуктивности интеллигенции культура 1970-х гг. сохраняла интенсивность и оставалась не менее насыщенной, чем в предшествующее десятилетие. Орлова признавалась: «...была и еще более глубокая причина, из-за которой я диссиденткой не стала, — я не хотела и не могла отказаться от своей профессии, от своего призвания...» [14, 216]. Те же мотивы отсроченного почти на двадцать лет диссидентства выдвигал один из основателей Московской Хельсинской группы Юрий Орлов [12, 146]. Но и в этой позиции трудно было избежать психологических потерь — чувства неполноты самореализации, отчуждения от государства, вынуждающего писать, думать и работать под гнетом самоцензуры, с учетом предполагаемой реакции властей.

Апробированным вариантом разрешения конфликта с государством был эскапизм — попытка спастись от социальных противоречий эпохи в профессии, подчиниться служению делу, восстановить смысл существования в творчестве, науке, вневременном мире свободы, истины и идеальных сущностей.

Взаимодополняющие поведенческие модели — внутренняя эмиграция, эскапизм и пр. — отражали кризисное сознание интеллигенции. Художественная культура 1970–1980-х отреагировала появлением нового литературного персонажа — неудачника. Такой герой действует в произведениях Юрия Трифонова, Александра Вампилова, Александра Володина, Сергея Довлатова и других литераторов. Неудачники сохраняют ясное понимание этической нормы интеллигента, но не имеют возможности реализовать свой личностный и творческий потенциал. В неоднозначном авторском отношении к герою такого типа выразилось драматичное восприятие судьбы своего поколения литераторами.

Для диссидентов, вытесненных на периферию социальной жизни, конфликт с государством приобрел необратимый характер и породил поведенческие тактики, выходящие за нормы советского общежития: для одних — привлечение международной общественности к проблеме нарушения гражданских прав в СССР, для других — поиск способов реализации права на эмиграцию.

Символическая «старость» поколения (1980-е гг.) ознаменовалась дальнейшим структурированием диссидентства: размежеванием на идейные течения, фракции, герметизацией сообщества и истощением тезауруса. Не участвовавшие в оппозиционной деятельности шестидесятники продолжали искать способы реализации своего потенциала. Сумевшие адаптировать идеалы поколения к политическим реалиям вошли в аппарат КПСС и средства массовой информации (Лен Карпинский, Егор Яковлев, Виталий Коротич). Разнообразие поведенческих стратегий в 1970–1980-е гг., соответствующих кризисному мироощущению, вероятно, стало основной причиной представления о шестидесятниках как о «несостоявшемся поколении», высказанного некоторыми исследователями (Виктория Семенова [15, 27], Лев Гудков, Борис Дубин [5, 5–6]).

Однако в 1990-е поколение получило «вторую молодость» — шанс социально состояться: стало возможным реализовать отсроченные социально-политические проекты, испытать себя во властных структурах. Известные по своим демократическим взглядам в рамках коммунистической идеологии публицисты Юрий Афанасьев, Геннадий Попов, Михаил Шатров и другие составили отряд «прорабов перестройки». Завоеванные в «застойные» годы позиции в партийно-государственных структурах и СМИ позволили некоторым представителям генерации возглавить демократическое движение.

Художественная и научная интеллигенция смогла вытащить из-под спуда не опубликованные ранее тексты, развернуть научные направления в самостоятельные дисциплины — социологию, политологию, культурологию и пр. Для многих внутренних эмигрантов эти годы стали возвращением в профессию и культурное пространство. Деятели культуры, в 1970–1980-е изгнанные или эмигрировавшие по доброй воле, смогли вернуться на родину и обнаружили, что все эти годы их помнили и ждали дома не только близкие друзья и единомышленники, но и тот «простой народ», который, казалось, был безучастен к их судьбам.

Эти очевидные примеры опровергают суждение о несостоятельности генерации и позволяют дать иную характеристику — «отсроченное» поколение, результаты деятельности которого очевидны во всех сферах жизни постсоветского общества.

Следует признать, что политические реформы 1990-х гг. разочаровали большинство шестидесятников: слишком очевидно их итоги разошлись с идеалами поколения. Социальные процессы и культурные трансформации оказались более затяжными, тяжелыми и неоднозначными. Обращаясь к герою нового времени — дельцу и предпринимателю начальной эры постсоветского капитализма, Римма Казакова подводила итог биографии поколения:

Шестидесятники, шестидесятники!
Новой надежды первые всадники.
Нам наше дело было не в бремя.
В ближнем бою меж светом и тенью
Вы отмываете грязные деньги...
Мы отмывали грязное время [8].

-
1. *Алексеева Л.* Знаешь, почему я пошел в аспирантуру? Потому что я прокурором был // Шестидесятники : сб. М., 2008. С. 14–35.
 2. *Амфитеатров А.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих // Соч. : в 2 т. М., 2004.
 3. *Васильева М.* Категория места в эмигрантском сознании: пример В. Варшавского // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. № 4 (157). С. 8–26.
 4. *Воронков В.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 168–200.
 5. *Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.
 6. *Даниэль А.* Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // Россия/Russia. Вып. 1 [9] : «Семидесятые» как предмет истории русской культуры. М., 1998. С. 111–124.
 7. *Зубарев Д.* Встречный бой // Новое лит. обозрение. 1998. № 2 (30). С. 135–165.
 8. *Казакова Р.* К биографии поколения [Электронный ресурс]. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=283350 (дата обращения: 10.12.2018).
 9. *Киреев Р.* Крупным планом. Валерий Попов // Пятьдесят лет в раю : роман без масок. М., 2008. С. 568–573.
 10. *Козлов В.* Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 годы. По рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР // Отечественная история. 2003. № 4. С. 93–111.
 11. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое лит. обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
 12. *Орлов Ю.* Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М., 2008.
 13. *Орлова Р.* Родину не выбирают. Я вернусь... Из дневников и писем 1964–1988 // Вопр. лит. 2010. № 5. С. 261–302.
 14. *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве: 1956–1980. М., 1990.
 15. *Семенова В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.
 16. *Jenkins R.* Social Identity. L. ; N. Y., 2008. 246 p. [Electronic resource]. URL: <http://opac.hse.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:168351/Sour ce:default> (accessed: 10.12.2018).

Статья поступила в редакцию 23.12.2018 г.

УДК 39:379.85(470.5) + 351.2(470.5)

Л. Е. Добрейцина

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ УРАЛЕ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ХМАО)

В статье дается анализ документов, определяющих политику уральских властей в отношении культуры коренных народов Урала. Сравниваются Свердловская область и Ханты-Мансийский автономный округ. В программах ХМАО этнографическая тема присутствует постоянно, прорабатывается комплексно и в соответствии с требованиями времени. В Свердловской области поддержка этнокультурного разнообразия декларируется более формально и составляет незначительную долю в проектах по развитию региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Уральский регион; этнокультурная политика; этнографический туризм; коренные народы Урала.

В статье рассмотрена современная этнокультурная политика, декларируемая властями Урала. Для анализа взята Свердловская область. Это территория с преобладающим русским населением (85,74 % по данным Всероссийской переписи 2010 г. [6]). В то же время мирное сосуществование разных народов, возможность познакомиться с многими национальными традициями выдвигается как одна из составляющих позитивного бренда области, в том числе как одно из средств привлечения туристов. Также выбор Свердловской области обусловлен тем, что, располагаясь в центре Урала, она претендует на статус носительницы наиболее типичных черт уральской культуры.

Для сравнения привлечен материал Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). В нем «нерусскость» территории озвучена в названии, что обязывает местные власти сделать поддержку культуры коренных народов своим приоритетом.

Объект исследования — современная этнокультурная политика на Урале.

Предмет — стратегии и программы региональных властей (Свердловской области, ХМАО) по поддержке культур коренных народов Урала и их популяризации в целях формирования уникального имиджа региона. Стоит оговориться, что в статье нет речи о деятельности общественных организаций и культурных институтов. Не имелось возможности проверить информацию, представленную на официальных сайтах, и оценить, насколько заявленные там мероприятия полезны, цели достигнуты, а проблемы решены. Было проанализировано только то, что есть в документах.

В работе применялись метод сравнительного анализа, контент-анализ.

ДОБРЕЙЦИНА Лидия Евгеньевна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: dobreycina@yandex.ru).

© Добрейцина Л. Е., 2019

Текст структурирован следующим образом: сначала рассматриваются общие положения этнокультурной политики в регионе, затем — их конкретное преломление в документах, регламентирующих развитие туризма и позиционирование края как многонационального. Акцент на туризме сделан потому, что здесь тема национального своеобразия Урала может приносить реальную прибыль — как имиджевую, так и финансовую. В первой части работы речь идет о Свердловской области, во второй — о ХМАО. В заключение делаются основные выводы.

Материалом для исследования послужила информация с официальных сайтов Министерства культуры Свердловской области и Департамента культуры ХМАО, а также ведомств, отвечающих за развитие туризма: Министерства инвестиций и развития Свердловской области и Департамента промышленности ХМАО. Также были изучены документы, содержащиеся на сайтах Департамента недропользования и природных ресурсов и Департамента внутренней политики ХМАО, и материалы Центра развития туризма Свердловской области — официального органа, реализующего политику региона в сфере туризма.

Этнокультурная политика в Свердловской области прописана в программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих в Свердловской области (2014–2020 годы)» [5]. В первом разделе утверждается важность этнического многообразия: «В Свердловской области проживают 160 национальностей... Оставаясь одним из самых многонациональных субъектов Российской Федерации, Свердловская область традиционно является территорией национального мира и согласия» [Там же]. Признается, что эту особенность можно и нужно использовать для развития: «Многовековая культура народов Свердловской области является важной частью историко-культурного наследия и ресурсом для дальнейшего развития территории» [Там же]. Приведена статистика об институтах, которые занимаются поддержкой национальных культур: «По состоянию на 01.01.2016 в Свердловской области действуют 770 религиозных организаций, представляющих 20 мировых конфессий... более 100 национально-культурных организаций, 22 национально-культурные автономии. В 2012 г. создана... “Ассоциация национально-культурных объединений Свердловской области”, в состав которой входят 43 национально-культурных объединения, представляющие более 40 народов...» [Там же]. Все это рисует в целом положительную картину сотрудничества областных властей с общественными организациями и поддержки национальных культур.

Однако при переходе от описания status quo к тому, что планируется, возникают вопросы. «Реализация Программы должна содействовать формированию положительного имиджа Свердловской области как субъекта Российской Федерации, гарантирующего удовлетворение этнокультурных потребностей граждан...» [Там же]. А ее цель — «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации), проживающего в Свердловской области» [Там же]. То есть если в заглавии «укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов» шли рядом и воспринимались как два равноправных вектора, то в цели о поддержке этнокультурного разнообразия речи не идет.

В перечне негативных тенденций (рисков) первый пункт — «размывание традиционных нравственных ценностей народов России...» [5]. Неясно, во-первых, какие именно ценности имеются в виду, а во-вторых, почему это обстоятельство негативное. Не секрет, что не все «традиционные нравственные ценности» вписываются в современные реалии. В то же время если цель этнокультурной политики — создать единую российскую нацию, то размывание традиционных ценностей нерусских народов должно восприниматься скорее как момент положительный.

Второй пункт рисков — «недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию общероссийской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества» [Там же]. То есть народы России являются не самостоятельными субъектами, а средством достижения каких-то внешних целей.

В «Важнейших целевых показателях Программы» смутили следующие пункты: пункт 2 «Уровень толерантного отношения к представителям другой национальности» [Там же] — как его измерить? Пункт 11 «Доля абитуриентов, удовлетворенных качеством профессиональной ориентации...» [Там же] — как это связано с национальной темой? Пункт 13 «Доля молодых граждан, принявших участие в мероприятиях, направленных на поддержку казачества...» [Там же] — почему именно его? В пункте 14 в «ожидаемых конечных результатах» (к 2020 г.) значится: «...уровень доходов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера (манси) составит не менее 5,7 тыс. руб. (в месяц)» [Там же]. Если экономическая ситуация, в которой находятся манси, настолько плоха, казалось бы, основное внимание должно быть уделено поддержке этого народа, находящегося фактически на грани выживания. Культура манси — это достояние лишь Свердловской области, Пермского края и ХМАО, на ней можно было бы делать акцент в утверждении этнокультурного своеобразия региона. Однако в перечне мероприятий по реализации Программы раздел 6 «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов РФ...» состоит из трех пунктов, тогда как, например, раздел 7 «Содействие развитию российского казачества» — из шести [Там же].

Список мероприятий по реализации Программы выглядит внушительно и охватывает целый ряд проблем. Стоит отметить поддержку фестиваля этнографических фильмов «Этнокино» и Всероссийского литературного конкурса «Этноперо», а также привлечение внимания к проблеме доступности информации об этнокультурной ситуации в регионе и выделение субсидий на научные исследования в этой сфере.

В то же время некоторые пункты этого перечня неконкретны (32 «Подготовка и реализация культурно-просветительских проектов, направленных на сохранение и популяризацию культурных традиций народов Среднего Урала» [Там же]). Другие слабо связаны с этнокультурной темой (26 «Развитие системы профессиональной ориентации молодежи...» [Там же]). Раздел 5 «Поддержка языкового многообразия...» выглядит многообещающе, но реальных мероприятий в нем всего

четыре, и одно из них — «Организация и проведение областного праздника “День славянской письменности и культуры”» (мероприятие 44) [5] — не имеет отношения к нерусским языкам. Все мероприятия — это точечные события. Программа не предполагает долгосрочных проектов — организации и финансирования языковых курсов, подготовки преподавателей, поддержки СМИ на этих языках и т. п.

Стоит отметить, что большинство проектов охватывает народы Урала в массе, без индивидуализации. Это работает на цель — представить Урал как содружество народов, но мало помогает понять культуру конкретного народа. Вряд ли это способствует и укреплению национальной идентичности.

Один из способов обратить этническую тему в конкретный капитал — этнографический туризм. Наличие туристических маршрутов важно как для туристов, получающих новые впечатления, так и для местных жителей, зарабатывающих на этом средства к жизни и чувствующих себя нужными.

Стратегией развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области до 2030 г. [11] среди основных тенденций выделяются: «...поиск новых туристских направлений, выбор альтернативных средств размещения и транспорта... Рост спроса на так называемые “комплексные” туристские продукты, предлагающие физический и ментальный отдых... как правило, в аутентичной среде, в результате чего усилится тенденция к путешествиям в менее известные и малодоступные места (рост популярности экологического, сельского туризма, активных видов туризма)» [Там же, 7]. Этнографический туризм здесь не назван, хотя все сказанное может быть обеспечено и за счет него. Экологический и сельский туризм совместим с этнографическим, так как лучше всего культура коренных народов сохраняется в селе. «Альтернативными средствами размещения» могут быть юрта, изба, чум. То же касается и способов передвижения. Однако Стратегия не демонстрирует понимание властями этого факта.

Одной из задач в Стратегии ставится создание «яркого, узнаваемого туристского бренда региона, отражающего культурно-исторические, природные, географические особенности Свердловской области. ...основу... такого бренда... должны составить традиционные ценности, достижения и особенности Урала и Свердловской области... 5) культурные особенности, связанные с традиционными ценностями русского народа (мастерство, умение, красота, природа, родина, русский дух), которые нашли отражение в развитии традиционных народных ремесел и промыслов малых народов Урала (уральская роспись, обработка камня, металла, резьба по дереву, изготовление кукол-оберегов)» [Там же, 9–11]. Особенности объявлены только ценности русского народа, что не составляет уникальность Урала. «Традиционными народными ремеслами и промыслами» названы феномены русской либо европейской культуры. Странно, что они обозначены как «промыслы малых народов», и непонятно, каких именно.

В перечне перспективных отраслей туризма этнографического туризма нет. Отчасти его можно соотнести с сельским туризмом. «В ряде территорий области... активно развивается сельский туризм. На основе местных музейных комплексов и центров ремесел формируются значительные экскурсионные потоки, которые... могут... дать серьезный социально-экономический эффект» [Там же, 14]. Хорошо,

что есть понимание нужности таких центров. Однако в пример приводятся лишь музеи русской культуры.

Авторы Стратегии видят недостатки в развитии отрасли, касающиеся этнической темы: «В области отсутствуют этнокультурные... парки. Большинство музейных экспозиций носит пассивную направленность» [11, 14]. Интерактивность — наиболее адекватный способ знакомства с культурой живого народа. Но создателями таких проектов, в которых турист какое-то время живет в среде народа и знакомится с его культурой изнутри, могут быть только сами представители этого народа. Однако ничего не сказано о поддержке этих проектов со стороны властей. То есть непонятно, как этот недостаток планируется исправлять.

В Предложениях по развитию туризма в регионе этнографическая тема отсутствует. «Основные туристские продукты в Свердловской области должны формироваться в сфере бизнес-туризма, конгрессно-выставочной деятельности, развлечений, спорта и активного отдыха, индустриально-минералогического туризма» [Там же, 35]. С этим трудно спорить, хотя совсем не использовать тему коренных народов неправильно. «Развитие туристского бренда Свердловской области необходимо осуществлять в рамках развития туристского бренда “Большой Урал”, что позволит именно Свердловской области получить максимальную выгоду и частично монополизировать тему Урала на внешнем рынке» [Там же, 35]. Непонятно, что такое «Большой Урал» и почему в «тему Урала» не входит многонациональность.

В разделе, посвященном культурно-познавательному туризму, этнографическая направленность упомянута: «В сфере культурно познавательного туризма основными направлениями являются... формирование... культурно-этнографических, культурно-исторических парков...» [Там же, 37]. Однако в таблице, где перечислены «основные туристско-рекреационные кластеры, формируемые на территории Свердловской области» [Там же, 52–54], этнографический туризм вновь отсутствует.

На сайте Министерства инвестиций и развития Свердловской области указаны мероприятия, проводимые с 2016 по 2018 г., которым планировалось оказать финансовую поддержку. Только одно из них — IX Международный фольклорный фестиваль и ярмарка ремесел «Малахитовая шкатулка» (2017 г., Арамилы) [8] можно считать событием этнической направленности.

На сайте Центра развития туризма Свердловской области [9] единственный объект нерусской культуры — этнографический парк «Земля предков», посвященный манси. В нем проводятся фольклорные праздники, связанные с традиционными верованиями манси. Однако у парка есть один существенный минус — это новодел, туристский аттракцион. Он, безусловно, находит своих посетителей и закрывает пустующую нишу, но не заменяет подлинной мансийской деревни и погружения в культуру манси. И тем более он никак не способствует тому, чтобы сами манси включились в эту игру и получили прибыль — как финансовую, так и символическую. Проекты, знакомящие с культурами других народов Урала, отсутствуют. При том что в области есть татарские, башкирские, марийские села, в которых сохранился национальный колорит.

Календарь событий на 2018 г. [9] включает в себя национальные фестивали, ярмарки традиционных промыслов и ремесел. Однако преобладают либо русская тема, либо «многонациональная» («Тагильский калейдоскоп», «Уральский хор-вод», «Парк национальных культур»). Мероприятий, посвященных одному народу, немного — один марийский Ага-Пайрем, один татаро-башкирский Сабантуй и две экскурсии-игры в этнопарке «Земля предков». Возможно, в конкретных районах и селах что-то проходит, но поскольку это не отражено на сайте Центра развития туризма, видимо, эти события не входят в фокус интересов областной власти и не имеют широкой рекламы.

Таким образом, региональный туризм использует тему народов Урала недостаточно. При этом в Программе, посвященной этнокультурному развитию народов, сказано, что «социально-экономический эффект от реализации программы выражается... 4) в улучшении инвестиционной привлекательности Свердловской области; 5) в росте эффективности использования этнокультурного потенциала; 6) в улучшении этнокультурного и социального самочувствия коренных народов России, проживающих в Свердловской области» [5]. Возможно, проблема в том, что туризм относится к другому ведомству, и имеет место некоторая несогласованность действий. Также вероятной причиной может быть отсутствие инициативы со стороны самих представителей коренных народов. Но в этом случае власть могла бы создавать более благоприятные условия для рождения и поддержки этой инициативы. Нужно отметить, что в госпрограмме «Развитие культуры в Свердловской области до 2024 г.» национальная тема не прописана вообще. Установка на формирование единой российской нации на базе русской культуры превращает упоминание об остальных народах в формальность. Включение в сферу внимания лишь языка, фольклора, кухни и ремесел в их как бы застывшем виде, без анализа социально-экономической ситуации бытования культуры приводит к тому, что этнокультурная политика сводится к организации смотров художественной самодеятельности и сувенирных ярмарок.

В ХМАО приняты следующие основные документы, регулирующие этнокультурную политику: Региональная Стратегия государственной национальной политики РФ в ХМАО на период до 2025 г. [10], Стратегия развития культуры в ХМАО на период до 2030 г. [7] и Государственная программа «Развитие культуры в ХМАО на 2018–2025 годы и на период до 2030 г.» [3].

В «Общих положениях» Стратегии по национальной политике обращает на себя внимание пункт 4: «Основными вопросами государственной национальной политики в автономном округе, требующими особого внимания государственных органов и органов местного самоуправления, являются сохранение и развитие культур и языков народов РФ, проживающих на территории автономного округа, укрепление их духовной общности, а также обеспечение прав коренных малочисленных народов Севера и национальных меньшинств...» [10]. То есть при том что «укрепление духовной общности» народов признается важной задачей, на первом месте стоит «сохранение и развитие культур и языков» разных народов. В документе приводятся статистические данные на 2010 г.: русские составляют 68,1 % населения, а коренные малочисленные народы

Севера — только 2,2 %, что не становится причиной оттеснять их на периферию этнокультурной политики.

Особенность документа — осознание того, что развитие национальных культур возможно только при правовом и экономическом благополучии этих народов. Соответствуют этому и задачи Стратегии: «...создание условий для участия коренных малочисленных народов Севера в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы; содействие развитию народных промыслов и ремесел, традиционных видов хозяйствования в целях увеличения занятости населения, в том числе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера; повышение уровня адаптированности традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера к современным экономическим условиям с учетом обеспечения защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни; обеспечение доступа граждан к социальным, медицинским, образовательным и иным видам услуг... в том числе в отдаленных местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера; содействие развитию традиционных и современных форм самоорганизации коренных малочисленных народов Севера; развитие этнографического и культурно-познавательного туризма, оздоровительных и рекреационных зон, расширение государственной поддержки национальных видов спорта...» [10]. Прописаны и «введение в программы общеобразовательных организаций образовательных курсов, включающих в себя сведения о культурных ценностях и национальных традициях народов, проживающих в автономном округе» [Там же], а также «поддержка средств массовой информации на родных языках коренных малочисленных народов Севера» [Там же].

Стратегия развития культуры и госпрограмма «Развитие культуры в ХМАО» также сосредоточены на национальной специфике. Ставка делается на международное признание и узнаваемость региона. «Еще одним направлением по продвижению культурных продуктов Югры на российский и мировой культурные рынки является организация передвижных выставок художников из числа коренных малочисленных народов Севера Югры за рубежом... Представляется важной реализация совместных проектов с ЮНЕСКО и приглашение экспертов ЮНЕСКО в ХМАО — Югру к участию в ключевых культурных форумах» [7]. «Для формирования идентичности и уникального образа Югры» [3] проводятся «Международный Северный археологический конгресс, Международный фестиваль ремесел коренных народов мира, Международный конгресс традиционной художественной культуры» [Там же].

Много говорится о народных промыслах: об их изучении, воссоздании утраченных технологий, систематизации и создании региональной базы данных, а также об обучении и повышении квалификации мастеров не только в виде мастер-классов, но и на постоянной основе. «Недостаточное число учреждений, а также специалистов... в сфере народных промыслов и народного искусства... приводит к утере традиций во многих направлениях... Нередко происходит смешение стилей, замена традиционных материалов на современные синтетические и пр. Эти

тенденции могут крайне неблагоприятно отразиться на развитии туристической отрасли и самозанятости населения» [7]. Думается, эта проблема существует и в Свердловской области, но там о ее осознании на властном уровне речи не идет.

В отчете о развитии культуры и туризма за 2017 г. приводится следующая статистика: «Общее число общин коренных малочисленных народов Севера, принимающих туристов... на этнографических стойбищах, составило 19 единиц (в 2016 г. — 17 ед.)... Разработано и реализовано... 45 программ этнографической направленности... Югра вошла в топ-15 самых популярных российских регионов для этнографического туризма по данным аналитического агентства “ТурСтат”... Финалистом III степени Национальной премии в области событийного туризма “Russian Event Awards-2017” стал проект... “Международные соревнования по гребле на обласах”...» [1]. Налицо заинтересованность округа в развитии разнообразных видов этнографического туризма.

Госпрограмма ХМАО «Развитие промышленности, инноваций и туризма...» [2] рассматривает этнографический туризм в числе приоритетных. Предусмотрен конкурс на выдачу грантов в таких номинациях, как «развитие и создание дополнительных этнографических объектов туристской индустрии, реконструкция имеющихся этнографических объектов... развитие индустрии туристских сувениров (в том числе с этнографической составляющей)... продвижение туристского продукта автономного округа (...в том числе этнографического туризма)» [Там же]. В Положении о проведении окружного конкурса «Лидеры туристической индустрии Югры» есть номинация «Лучшее этнографическое стойбище» [Там же]. По информации на 1.09.2017 г. 23 турфирмы организуют этнографические туры. В перечень мест посещения входят как реконструированные этнопарки, музеи, так и подлинные стойбища и деревни, в которых туристы могут жить в чумах и знакомиться с культурой ханты, манси, коми в естественной среде. Проводятся праздники северных народов, а также татарские, башкирские, русские, чувашские праздники. В 2017 г. был проведен праздник татаро-башкирской культуры Сабантуй в шести разных местах округа (в Свердловской области — в одном: в селе Кадниково Сысертского района).

Отдельная программа посвящена коренным народам Севера [4]. В нее входят подпрограмма I «Развитие традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов и повышение уровня его адаптации к современным экономическим условиям с учетом обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни» и подпрограмма II «Содействие развитию традиционной культуры, фольклора и национальных ремесел, повышение уровня жизни и образования коренных малочисленных народов» [Там же]. То есть предполагается не только сохранять традиции, но и модернизировать культуру. В целевых показателях прописано, с одной стороны, увеличение доли граждан, возвращающихся к традиционному образу жизни и промыслам, а с другой — увеличение количества представителей коренных народов Севера, получивших среднее специальное и высшее образование [Там же]. Предполагается создание условий для саморазвития и самокупаемости коренных народов, чтобы их образ жизни был выгоден как им самим, так и региону. «Среди новых направлений деятельности Правительства

автономного округа ставка делается на вовлечение коренных малочисленных народов в создание и развитие рекреационной деятельности, модернизацию видов традиционной хозяйственной деятельности... не нарушая при этом самобытности коренных малочисленных народов» [4]. Зафиксировано шесть общественных организаций коренных малочисленных народов, а также Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера в Думе ХМАО [Там же].

Таким образом, бытование национальных культур рассматривается в комплексе: экономика, экология, духовная и материальная культура народов связаны между собой, и именно так — комплексно — и предполагается решать проблемы. Одними и теми же вопросами занимаются разные ведомства, дополняя друг друга. Возможно, реальность не так гармонична, но это уже тема отдельного исследования.

В заключение можно сделать вывод, что в сфере этнокультурной политики в географически близких регионах ситуация различна. Ясно, что хантам и манси в ХМАО уделяется большое внимание отчасти потому, что они — титульные этносы. Свердловская же область имеет национально нейтральное название и не связана в этом смысле никакими обязательствами. В то же время в документах по развитию Свердловской области прописано стремление к имиджу «Большой Урал», в котором национальное своеобразие должно подразумеваться — раз это Урал, а не Центральная Россия. Однако ситуация в ХМАО выглядит по документам значительно лучше. Видно, что проблемы осознаются и освещаются комплексно, поддержка оказывается всем национальностям, при этом основное внимание уделяется тем, кто в нем больше всего нуждается и кто придает этническую специфику региону. В поисках путей эффективного развития этнокультурного потенциала власти стремятся выходить на мировой уровень. Правительство же Свердловской области не считает этнокультурную тему важной. При декларировании внимания всем народам Урала акцент делается на русскую культуру, а остальные выступают своего рода фоном. Меры по поддержке и популяризации этнокультурного наследия — это, как правило, отдельные акции, призванные продемонстрировать то, что есть, и не предполагающие развития в соответствии с реалиями времени. Отсутствуют меры по стимулированию сохранения коренными народами Урала своего образа жизни, занятий традиционными промыслами на экономически значимом уровне.

1. Годовой отчет о ходе реализации и эффективности мероприятий государственной программы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016–2020 годы» за 2017 год // Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : [офф. сайт]. URL: <https://depcultura.admhmao.ru/programmy-razvitiya-kultury/gosudarstvennyye-programmy-gde-depkultury-yugry-yavlyayetsya-soispolnitelem/gosudarstvennoy-programmy-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-razvitie-kultury-i-turizma-v-kh/1183704/godovoy-otchet-o-khode-realizatsii-i-effektivnosti-meropriyatiy-gosudarstvennoy-programmy-khanty-man> (дата обращения: 28.08.2018).

2. Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие промышленности, инноваций и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре

в 2018–2025 годах и на период до 2030 года» // Департамент промышленности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : [официальный сайт]. URL: <https://depprom.admhmao.ru/programmy/razvitie-promyshlennosti-innovatsiy-i-turizma-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre-v-2018-202/1012710/gosudarstvennaya-programma-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-razvitie-promyshlennosti-inno> (дата обращения: 25.08.2018).

3. Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2018–2025 годах и на период до 2030 года» // Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : [официальный сайт]. URL: <https://depcultura.admhmao.ru/programmy-razvitiya-kultury/gosudarstvennaya-programma-razvitie-kultury-i-turizma-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre-na/1394792/gosudarstvennaya-programma-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-razvitie-kultury-i-turizma-v-> (дата обращения: 23.08.2018).

4. Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018–2025 годы и на период до 2030 года» // Департамент недропользования и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : [официальный сайт]. URL: <https://depprirod.admhmao.ru/gosudarstvennyye-programmy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-korennykh-malochislennykh-narodov-severa-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-sotsialno-ekonomicheskoe-razv> (дата обращения: 27.08.2018).

5. Комплексная программа Свердловской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих в Свердловской области» на 2014–2020 годы // Министерство культуры Свердловской области : [официальный сайт]. URL: <http://mkso.ru/normative/proekt/698> (дата обращения: 20.08.2018).

6. Национальный состав Свердловской области : [официальный сайт Правительства Свердлов. области]. URL: <http://www-new.midural.ru/community/100332/100689/100690/> (дата обращения: 20.08.2018).

7. Постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 18 мая 2013 года № т185-П «О Стратегии развития культуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре до 2020 и на период до 2030 года» // Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : [официальный сайт]. URL: <https://depcultura.admhmao.ru/strategiya-razvitiya-kultury-/strategiya-razvitiya-kultury-do-2020-2030-postanovlenie-pravitelstva-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-/363216/postanovlenie-pravitelstva-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ot-18-maya-2013-goda-185-p-o-> (дата обращения: 22.08.2018).

8. Протокол заседания Совета по развитию туризма в Свердловской области под председательством первого заместителя Губернатора Свердловской области, члена Правительства Свердловской области А. В. Орлова от 20 декабря 2016 года (от 30.12.2016 № 6) // Министерство инвестиций и развития Свердловской области : [официальный сайт]. URL: http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/protokol_ot_30.12.2016_no_6.pdf (дата обращения: 21.08.2018).

9. Путеводитель по Свердловской области // Центр развития туризма Свердловской области : [официальный сайт]. URL: <http://gotoural.com> (дата обращения: 21.08.2018).

10. Региональная Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на период до 2025 года // Департамент внутренней политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : [официальный сайт]. URL: <https://deppolitiki.admhmao.ru/obshchestvennyye-slushaniya-i-publichnye-obsuzhdeniya/obshchestvennaya-ekspertiza/599378/regionalnaya-strategiya-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-khanty-mansiys> (дата обращения: 23.08.2018).

11. Стратегия развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области до 2030 года // Министерство инвестиций и развития Свердловской области : [официальный сайт]. URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/1219-pp.pdf> (дата обращения: 21.08.2018).

Статья поступила в редакцию 17.09.2018 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СРЕДСТВАМИ МЕДИА

Статья посвящается актуальной проблеме гармоничного развития толерантности и этнической идентичности. Приводятся взгляды исследователей на содержание понятий «толерантность», «этническая идентичность». Автор пытается оценить влияние средств медиакультуры на формирование этнической толерантности. Особое внимание уделяется структуре этнической толерантности с точки зрения междисциплинарного подхода и медиакультуре как средству социализации и инкультурации человека через элементы духовной культуры этноса. Рассматриваются диалоговые функции медиакультуры. Анализируются ресурсы сети Интернет в контексте формирования этнической толерантности в соотношении с этнической идентичностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнос; толерантность; этническая толерантность; медиакультура; медиа; этническая идентичность.

Современное межкультурное взаимодействие обусловлено не только процессами глобализации и размыванием национальных границ, но и возрастающей ролью информационно-коммуникационных технологий в диалоге культур. В связи с этим возникает исследовательская проблема: как средства медиа влияют на установление эффективного взаимодействия между представителями различных этносов и какую роль играет этническая идентичность в обозначенных процессах. Особенно актуальны данные вопросы для полиэтнических регионов, а также этносов, подвергающихся ассимиляции. Их этническая идентичность может испытать кризис в процессе воздействия более сильного в культурном аспекте народа. Необходимость в гармонизации межэтнических взаимоотношений возникает и в результате активных миграционных процессов. Проявление этнокультурной толерантности возможно только в процессе коммуникации. В ходе межэтнических контактов происходит идентификация, сравнение, поиск общих черт и отличий. Необходимо отметить, что межкультурное взаимодействие не всегда строится на принципах позитивного диалога. Нередко осознание необходимости сохранения своей этнической идентичности выступает на первый план, отодвигая необходимость конструктивного взаимодействия. В данном случае, с одной стороны, утверждается представление о себе как о части определенной этнической группы, с другой стороны, преувеличиваются негативные черты другого этноса. Медиакультура как средство создания и трансляции образов в этом случае способна усугубить культурный разрыв.

Вопросы этнической толерантности являются актуальными и в современной науке. К этой проблематике обращается психология, культурология, философия, социология. Прежде всего, следует обратить внимание на противоречивый

характер этнических процессов. С одной стороны, отмечается универсализация представлений о мире в целом, с другой — наблюдается острая потребность в сохранении собственной этнической идентичности. А. А. Толстикова называет данное явление «этнический парадокс» [16]. По ее мнению, процессы глобализации и всплеска этнического самосознания происходят параллельно и взаимно дополняют друг друга. При неравномерном развитии этих процессов этническая идентичность может трансформироваться в радикальный этноцентризм, в связи с чем возникает необходимость формирования этнической толерантности.

Прежде всего, следует определить содержание понятия «толерантность». В широком смысле под толерантностью, как отмечается в Большом энциклопедическом словаре, понимается «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [2, 1209]. Философская энциклопедия определяет толерантность как «необходимость проявления терпимости по отношению к особенностям различных народов, наций и религий» [15]. В словаре Кольера отмечается и такое свойство толерантности, как «стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа или не придерживаются общепринятых мнений» [14]. Одним из признаков толерантности является «принятие других наций, их традиций и привычек, способность с пониманием и уважением относиться к другим культурам» [13]. Таким образом, толерантность представляет собой мировоззренческую позицию, которая заключается в проявлении чувства терпимости к иному мнению. Особенностью толерантности является готовность осуществления диалога с представителями различных культур.

Роли этнической идентичности в контексте толерантности посвящены работы таких отечественных исследователей, как Н. Д. Волков, Т. П. Днепрова, Ю. А. Клейберг, Е. В. Клименко, С. В. Рыжкова, Н. Э. Солынин, М. М. Шахбанова и др.

Так, Т. П. Днепрова отмечает, что часто происходит подмена смежных понятий «национальная толерантность» и «этническая толерантность». Последняя подразумевает готовность индивида к взаимодействию с другими этническими группами, при этом основанием выступает терпимость, признание плюрализма [4, 95].

Е. В. Клименко утверждает, что формирование этнической толерантности — это в первую очередь социальный процесс. Немаловажное значение здесь имеет представление об этнической идентичности. Согласно точке зрения исследователя, этническая идентичность — «продукт социальной среды». В данном случае «формирование этнической толерантности может быть связано со снижением значимости этнического компонента социальной идентичности» [9]. Таким образом, происходит поиск гармоничного соотношения между осознанием исключительности собственной этнической группы и признанием уникальности других этнических групп.

С. В. Рыжкова в результате исследования приходит к выводу, что этническая идентичность обладает «мотивирующим потенциалом» [11]. Но автор акцентирует особое внимание на том, что эффективная и грамотная реализация заложенных возможностей данного вида идентичности зависит, прежде всего, от наличия определенного уровня этнической толерантности у представителей этноса.

Структура этнической толерантности представлена психологическими компонентами, каждый из которых имеет свой культурный аспект. Из структуры этнической толерантности, предложенной Н. Э. Соляниным, можно выделить следующие социокультурные компоненты: в личностной группе компонентов — этническую идентичность и коммуникативную толерантность; в субъективно-деятельностных компонентах — наличие автостереотипов и гетеростереотипов; в индивидной группе — индивидуальные особенности реципиента (возраст, пол, культурная и социальная среда) [12].

Некоторые социологи, например М. М. Шахбанова, выделяют связь между позитивной групповой идентичностью и антигрупповой (межэтнической) толерантностью. При диспропорциональном установлении этой связи возможна демонстрация интолерантного поведения. В результате действия такого механизма может наблюдаться актуализация механизмов восприятия, направленных на восстановление позитивной этнической идентичности, а также этнической толерантности [17].

Ю. А. Клейберг предлагает бинарную типологию «толерантность» — «деструктивная толерантность». По его мнению, «деструктивная толерантность направлена на разрушение (саморазрушение) социальных и личностных структур и связей, приводящих к дестабилизации, агрессии, конфликтам, девиациям, нарушению гармонии, как личности, так и общества в целом» [8].

Рассматривая при этом роль медиа, многие исследователи называют их «иерархичной системой». В частности, О. В. Мошкина считает, что медиакультура выступает в качестве продукта творческой деятельности, но весомый вклад в его создание вносит отдельный индивид. С этим связаны многообразие и разное качество элементов структуры медиакультуры [10]. С одной стороны, можно говорить о тиражируемости и доступности продукции медиа, с другой — о том, что знаково-символическое содержание продукта СМК обеспечивает качество его восприятия аудиторией. К базовым свойствам медиакультуры относятся системность и целостность.

Но медиакультура — это феномен информационной эпохи. И рассматривать ее можно, как отмечает Н. Б. Кириллова, в совокупности: как «культуру производства и передачи информации и культуру ее восприятия»; однако медиакультура — это и «показатель уровня развития личности, способной воспринимать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством» [6, 18]. В контексте формирования этнокультурной толерантности этот процесс связан, прежде всего, с рефлексией на поступающую информацию, которая может иметь негативную окраску на уровне визуальных образов, аудиовизуального ряда, самого текста СМК.

Медиакультура, как нами было отмечено, связывает индивида с социумом. Это проявляется в выборе «социальных ролей», предлагаемых медиа, что позволяет осуществлять взаимодействие между этносами, нациями и культурами. По мнению Н. Б. Кирилловой, медиакультура как посредник между разными социокультурными группами дает возможность диалоговых отношений. При этом диалог становится разноуровневым: происходит взаимодействие между

мировоззренческими установками в контексте категории «свой — чужой» [7, 98]. Следовательно, медиакультура связана с понятиями «ментальная идентичность» и «информационный менталитет». Это устойчивые конструкты, относящиеся к когнитивной деятельности индивида, в формирование которых включены компоненты картины мира, духовные основания культуры. Коллективная идентификация имеет информационную природу. Медийные средства помогают идентифицировать индивида по принадлежности к «своим» через схожесть ментальных установок, мотивов поведения. Тексты медиакультуры могут выступать в качестве связующего звена и внутри одной культуры — между прошлым и настоящим. Они транслируют традиции, позволяя творчески переосмыслить опыт предшествующих поколений.

Для анализа нами был выбран конструкт «этническая толерантность», присутствующий в новостных лентах «Яндекс» и Google. Мы рассмотрели проявление таких компонентов этнической толерантности, как «этническая идентичность» и «способность к толерантной коммуникации». Так, в статье «Завещано предками» в электронной версии журнала «Дагестанская правда» от 14 сентября 2018 г. отмечается, что «...этнокультурное многообразие региона затрагивает проблему эффективного мирного взаимодействия. Этническая идентичность в данном случае выступает в качестве консолидирующего фактора» [3]. Трансляция культурных ценностей позволяет подчеркнуть единство народов данного региона. А публикация в той же газете материалов, посвященных толерантному отношению к территориальным соседям, способствует осуществлению этнокультурной коммуникации. К этнокультурной тематике можно отнести и публикацию, посвященную Международному фестивалю русских театров республик Северного Кавказа, стран Черноморско-Каспийского региона, ближнего и дальнего зарубежья. В данном случае этнокультурная толерантность также связана с позитивной коммуникацией: «Это широкомасштабное мероприятие способствует популяризации театрального творчества, обмену впечатлениями и опытом, обогащению духовного мира, повышению культурного уровня зрителей» [3].

В другом электронном ресурсе «Central Asia Monitor» материал «Казахские национальные ценности: что сохранить, а с чем безжалостно расстаться?» представлен в форме диалога с известными представителями Казахстана. Предложенные вопросы связаны с установлением баланса между этнической идентичностью и реалиями современного общества [5]. Этнокультурная толерантность здесь понимается как унификация этнических ценностей с общечеловеческими. При этом отмечается, что этнический фактор позволяет прогнозировать мотивы поведения. В данном материале коммуникативный компонент выражен слабо, он реализуется за счет стремления к принятию нового опыта, акцентирования внимания на пограничном территориальном положении.

Еще одним примером интереса к теме этнокультурной толерантности в выбранном нами ресурсе Google стала новость от Агентства информационных сообщений: «Нобелевских лауреатов будут определять не по научным заслугам, а по расовым и половым признакам» [1]. В данном случае речь идет о широком проявлении этнокультурной толерантности в научной среде, об осуществлении

межкультурной коммуникации, основанной на принципах толерантности. Научные идеи выступают в качестве объединяющего фактора. Этнические, культурные, расовые и иные отличия отходят на второй план, так как открытие становится общим достоянием. Этническая идентичность как результат процесса идентификации индивида с определенной этнической группой в этой области должна минимизироваться. Медиа выступают здесь не в качестве механизма трансляции интересов определенной группы, а как средство передачи знания.

Проблема этнической идентичности погружается в контекст толерантности, когда происходит рефлексия при взаимодействии с представителями иного этноса. Появляются определенные критерии сравнения. В первую очередь имеет значение визуальное воплощение бинарной оппозиции «свой — чужой». Здесь внешние (антропологические) признаки выступают на первый план. На следующем уровне появляется анализ поведенческих установок. То есть исходя из сравнения норм принятого в обществе поведения и отклонений от него, возникает оценка другого этноса. Вместе с тем на более глубоком уровне осуществляется анализ общности исторической судьбы, культурного статуса, предыдущего опыта взаимодействия между этносами. Этот анализ сопровождается отсылками на уровне архетипов, иных культурных установок, закрепленных в языке, фольклоре, визуальных образах. В информационном обществе этот перечень дополняется образами, которые транслируют современные медийные средства, и прежде всего телевидение и социальные сети.

Медиакультура в XXI в. становится ведущим фактором социализации и инкультурации личности. Она передает образцы этических норм поведения, зачастую опираясь на стандарты конкретной этнической культуры, и способствует их восприятию. При этом смысловое наполнение медиатекстов не должно вступать в противоречие с принципами межкультурного диалога. В перечисленных выше современных исследованиях обозначены направления деятельности по формированию этнокультурной толерантности средствами медиакультуры.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что автор проанализировал вопросы изучения этнокультурной толерантности с точки зрения междисциплинарного подхода, используя опыт культурологии, психологии, социологии. Рассматривая роль СМК как важного ресурса формирования мировоззренческих установок личности, автор выделяет особую функцию медиакультуры как фактора диалога между человеком и окружающим его миром, а также между разными этническими группами и культурами.

1. Агентство информационных сообщений [Электронный ресурс]. URL: <http://vg-news.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

2. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. / под ред. А. М. Прохорова. М. ; СПб., 2000. 1456 с.

3. Дагестанская правда [Электронный ресурс]. URL: <http://dagpravda.ru/kultura/festival-russkih-teatrov/> (дата обращения: 19.10.2018).

4. Днепров Т. П. Педагогический анализ понятий «национальная толерантность», «этническая толерантность», «национальная толерантность», «этническая толерантность», «межнациональная толерантность» // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 88–98.
5. Казахские национальные ценности: что сохранить, а с чем безжалостно расстаться? // Central Asia Monitor : [сайт]. URL: [https://camonitor.kz/31484-kazahskie-nacionalnye-cennosti-cto-sohranit-a-s-chem-bezhalostno-rasstat'sya.html](https://camonitor.kz/31484-kazahskie-nacionalnye-cennosti-cto-sohranit-a-s-chem-bezhalostno-rasstat'sya/) (дата обращения: 20.09.2018).
6. Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика. М., 2008. 496 с.
7. Кириллова Н. Б. Парадоксы медийной культуры : избр. ст. Екатеринбург, 2017. 452 с.
8. Клейберг Ю. А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18953536_65775887.pdf (дата обращения: 20.09.2018).
9. Клименко Е. В. Этнические различия и толерантность: к проблеме разработки социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18083005_49532601.pdf (дата обращения: 20.09.2018).
10. Мошкина О. В. Медиакультура как система информационного общества: специфика и сущность [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21990353_84546029.pdf (дата обращения: 09.10.2018).
11. Рыжкова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности [Электронный ресурс]. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_3/152-158_Kn_obozr.pdf
12. Сольшин Н. Э. Психологическая структура этнической толерантности учащихся с высоким и низким уровнем этнической толерантности [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27251086_14887215.pdf (дата обращения: 09.10.2018).
13. Толерантность [Электронный ресурс]. URL: <http://psihomed.com/tolerantnost/> (дата обращения: 10.10.2018).
14. Толерантность // Словарь Кольера : [сайт]. URL: <https://slovar.cc/rus/koler/1568224.html> (дата обращения: 22.09.2018).
15. Толерантность // Академик : [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 09.10.2018).
16. Толстикова А. А. К вопросу об этнической толерантности // Киберленинка : [электрон. б-ка]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-etnicheskoj-tolerantnosti> (дата обращения: 22.09.2018).
17. Шахбанова М. М. Этническая идентификация и межнациональная толерантность: состояние и тенденции (по результатам социологического исследования) [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12833871_44723336.pdf (дата обращения: 19.09.2018).

Статья поступила в редакцию 27.11.2018 г.

КУЛЬТУРА БРЕТАНИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблема трансформации культурной идентичности. Объектом исследования выступает бретонская идентичность. Цель работы заключается в изучении трансформации бретонской идентичности и ее составляющей на современном этапе. Анализируются различные модификации бретонской идентичности: 1) «ущербная идентичность»; 2) «идентичность отрицающего свойства» / «отрицательная идентичность»; 3) «бретонская идентичность возрождения». Дается характеристика видов исторически обусловленных проявлений культурной идентичности, которые продиктованы культурным наследием и историческим прошлым Бретани.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бретонская культурная идентичность; глобализация; сохранение культуры и языка; культурное наследие; Бретань; язык.

В век глобализации и унификации среди языковых меньшинств возрастает тенденция к поддержанию народных традиций и обычаев, стремление к сохранению и возрождению национальных языков, активизируется поиск источников этнической идентичности. Данная тенденция наиболее ярко видна на примере малых этносов, проживающих в условиях многонациональных государств.

Проблемы региональной идентичности бретонцев отражены в трудах Л. Анри, Я. Бевана, Ш. Гуеру, Н. Дюкалес, Г. Кадиу, И. Карель, Я. Кенеэрве, Р. Ле Коадика, Т. Керналеген, Ж. Корнетт, Я. Лагадек, Ж.-Ж. Монье, В. Ниген, М. Никола, Р. Паскье, Ф. Патэ, Я. Тепо, Я. Фурнизе, Ш. Хамон, Р. Хемон, Е. Шарлье-Ле-Флош, и др. В России проблемой бретонской идентичности и культуры Бретани занимались Т. Ю. Загряжская, Е. И. Филиппова, А. Зимин, В. П. Калыгин, Ю. А. Мурадова, Н. Романова, Е. Хмелева, Е. Ярославский, Ю. Г. Есина др.

Региональная идентичность — осознание общности исторической памяти отдельно взятого региона, объединенного едиными культурно-нравственными ценностями, чувством принадлежности к этому региону; в случаях компактного проживания титульного этноса в регионе региональная идентичность связана с его этнической культурой. Так, во Франции житель Бретани идентифицирует себя с этнической культурой региона. В истории регионализма французские и локальные исследователи выделяют три этапа. В частности, Фабрис Патэ (Франция) выделяет следующие этапы: первый — этап **региональных национализмов** 1950-х гг. После колониальных войн, войны в Алжире автор отмечает появление «националитаризма», это вротой этап — этап **националистического регионализма**. С приходом к власти Франсуа Миттерана провозглашается

БОРИСОВА Изабелла Захаровна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент-исследователь Института иностранных языков и регионоведения Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск, Республика Саха (Якутия) (e-mail: isborissova@mail.ru).

© Борисова И. З., 2019

политика развития регионов и децентрализации, в марте 1982 г. происходит событие, которое дает некоторую автономию регионам. Этот политический жест также подтверждается признанием культурного отличия регионов. В данный период меняется характер регионализма: это знаменует третий этап — этап **культурного регионализма** [6]. «В бретонском обществе, которое в условиях развития единой французской республики пострадало от унификации, началось возрождение интереса к родной культуре и языку, бретонской идентичности». [7, 25]

Бретань является «отчужденным», самым западным регионом Франции, который омывается Атлантическим океаном и проливом Ла-Манш. Это также земля, богатая доисторическими и относящимися к ранней истории культурными памятниками, издавна привлекающими к себе внимание исследователей и ученых. Бретань — один из самых богатых культурными традициями французских регионов. Данная специфичность обусловлена природными особенностями и характерным культурным наследием полуострова. В отличие от романских французских провинций, Бретань остается наследницей кельтской культуры и традиций.

Как пишет А. С. Бухонкина, о Бретани сложились в основном отрицательные стереотипы: «По отношению к Бретани и бретонскому языку во французском обществе на протяжении долгого времени складывалось, скорее, негативное мнение, которое транслировалось через художественные и публицистические тексты, воспоминания путешественников, исторические и историографические документы» [3, 5]. Т. Ю. Загрязкина отмечает: «Регион “Бретань” представляет собой сложный образ, имеющий стабильные и динамические черты и связанный с переживанием идентичности на двух уровнях: региональном — собственно, Бретань, узкая локализация и кельтский мир, широкая локализация; национальном — “галльский миф” поиск основ национальной культуры». Культурный концепт «Бретань» в узком смысле слова обозначает особый мир полуострова Бретань, ассоциирующийся с суровой природой, морской стихией и замкнутыми, на первый взгляд неприветливыми людьми, говорящими на «непонятном языке» [5, 162].

Между тем бретонский язык на самом деле относится к группе кельтских языков и является маркером древней культуры обширной территории Западной и Центральной Европы. Ученые делят эти языки на островные и континентальные, а также мертвые, уже исчезнувшие, и живые. Галльский язык, распространенный когда-то на территории Франции, сейчас относится к мертвым. Бретонский, как и ирландский, валлийский и некоторые другие языки Великобритании, является живым кельтским языком, хотя сильно разрушенным и вышедшим из сферы реального общения. Это островной кельтский язык, так как он принесен на континент бриттами, покинувшими Британию под давлением англосаксов в V в. н. э. Таким образом, в конце античного периода и начале Средних веков предки бретонцев бритты мигрировали с Британского острова и начали обживать Арморик, принеся с собой кельтскую культуру. Все бретонцы, каково бы ни было их положение в обществе, говорили на бретонском языке. Бретань в то время была маленьким государством и бретонский язык распространялся за ее пределы. В Средние века Бретань была перекрестком торговых, экономических и культурных потоков, имела торговые связи с Англией. Франкоязычная администрация

признавала власть герцога и независимость Бретани. Период с конца XIV в. до конца XV в., когда центральная власть Франции была ослаблена Столетней войной, был наиболее благоприятным для региона. Вплоть до XVII в. в Бретани преобладало всеобщее чувство принадлежности к «малой» родине. Однако формирование общebritонской обособленности началось в высших слоях общества. «Этот процесс начался в конце Средних веков, причем большую роль в этом сыграли “Великие хроники Франции”, которые начиная с XIII в. составлялись на протяжении столетий. Они получили наибольшую известность в XIV–XVI вв. и сыграли важную роль в развитии национальной и региональной культурной идентичности. ...Элита бретонского общества, интеллектуалы и духовенство хотели подчеркнуть свою общность и прославить роль герцога, которого они считали равным королю Франции. Так формировалось представление, что быть бретонцем – значит отличаться от подданных французского короля» [5, 138]. По мере того как Бретань теряет свою независимость и ее элита сближается с элитой французской, бретонский язык теряет былую популярность. Забытый правителем и высшим обществом язык тем не менее сохранил свою культурную значимость вплоть до XX в. Однако в период между Первой и Второй мировыми войнами все больше проявляется оторванность бретонцев от культурных корней. В 1925 г. министр народного образования Франции произнес фразу, ставшую печально знаменитой: «Бретонский язык должен исчезнуть во имя языкового единства Франции» [8]. Эта ситуация привела к подъему националистических настроений, бретонские активисты также пользовались некоторой поддержкой оккупантов в годы оккупации Бретани гитлеровцами, что дискредитировало идею бретонства. Термин «идентичность отрицающего свойства» / «отрицательная идентичность», введенный А. Круа (Croix) и М. Дени (A. Denis), характеризует региональный экстремизм и сепаратизм, который сохраняется у определенных групп и в эпоху глобализации [9].

Однако знание языка и популярность бретонской культуры падают из года в год. В 1946 г. Франсис Гурвиль определил, что из 1 100 000 бретонцев примерно 100 тыс. человек совершенно не знали французского языка, 700 тыс. знали французский, но предпочитали пользоваться бретонским, 300 тыс. предпочитали французский, 400 тыс. были франкоговорящими и не знали бретонского языка.

В настоящее время из 3 млн жителей Бретани на бретонском языке говорит около 1 млн человек [1]. Бретонский язык находится под угрозой исчезновения: большинство его носителей – это пожилые люди, и язык недостаточно активно передается младшему поколению. Многие горожане и жители крупных поселков, хотя и воспитаны в бретонской среде и хорошо знают бретонский язык, в семье и в повседневной жизни пользуются французским языком. В крупных городах, таких как Брест, Лориан, и в средних (Кемпер, Конкарно, Дуарнене и др.) бретонская речь слышится лишь в базарные дни или на рыбацких судах в порту. В общественной, политической, экономической и религиозной жизни роль бретонского языка свелась к минимуму. В то же время существуют литература, радио- и телепередачи на бретонском языке, есть сеть школ «Диван» (diwan), где осуществляется преподавание на бретонском языке. Эти школы носят частный

характер, поскольку с 1994 г. по закону Тубона, принятому с целью защиты французского языка от внешнего влияния, государство финансирует исключительно франкоязычные школы [2].

Бретонские культурно-нравственные ценности, попадая в разряд эмоционально окрашенного культурного наследия, берут свое начало в историческом прошлом, фольклоре, памятниках культуры. Бретань в разные времена переживает различные ситуации политического, лингвистического, исторического плана. Ее положение не имеет высокого статуса во Франции. В ходе исторического развития бретонцы были вынуждены подчиниться правилам французской власти, которая стремилась к монолингвизму. За 60 лет (с 1950 по 2010 г.) число говорящих на бретонском языке сократилось с 1 млн до 200 тыс. человек, а к концу XXI в. оно может сократиться до 200 человек. В 1970-е гг. бретонский язык становится языком меньшинства в Нижней Бретани.

У людей пожилого возраста до сих пор остался страх, который они приобрели в годы своего раннего детства, когда за знание бретонского языка люди подвергались гонениям. Однако молодое поколение, сознательно культивируя бретонскую идентичность, обращается к бретонской культуре, которую сложно было изгнать из глубинного народного сознания. Сегодня, на наш взгляд, можно говорить о различных модификациях бретонской культурной идентичности.

1. *«Ущербная идентичность»* — характерна для бретонцев пожилого возраста, которые учились в школе в годы наказаний за говорение на бретонском языке. Возраст этих людей от 70 лет, это в основном сельские жители, крестьяне. Эти люди говорят на родном языке, но ощущение того, что их язык является символом отсталости, заставляет их двояко относиться к своей культурной идентичности. К этой группе можно отнести также часть бретонцев в возрасте от 60 лет, которые в детские годы перенесли унижения во время переселения в центральные города Франции и адаптации. Однако черты «ущербной идентичности» прослеживаются у представителей и среднего, и более молодого поколения, которые переживают возрождение тяги к культурным корням. Демонстративная патриотичность, поверхностные эмоциональные проявления «бретонства» основаны также на некоторой ущербности восприятия собственной идентичности. Качество и процент «ущербности» у этих разных групп разнообразны.

2. *«Идентичность отрицающего свойства» / «отрицательная идентичность»* — свойственна сепаратистам националистического толка. Для представителей этой группы, близких к левым силам, характерно крайнее проявление национальной идентичности. Их возраст — 40–70 лет, в основном это образованные бретонцы различных профессий, творческие работники. Проявления регионального экстремизма и сепаратизма в эпоху демократии не подвергаются гонениям, если не переходят за рамки закона.

3. *«Бретонская идентичность возрождения»* — новое явление, которое возникло в 70-е гг. XX в. и затрагивает в основном молодое и среднее поколение разной социальной принадлежности (начиная с детского возраста и до 60–70 лет). Это неоднородное явление усиливается идеологией глобализации и демонстративным сопротивлением унификации и затрагивает все слои бретонского общества.

В таком возрождении имеется аффективный контекст, который характеризуется демонстративностью проявления «бретонства», фольклоризацией культурного наследия. Идея крайнего национализма и сепаратизма за последние десятилетия отчасти смягчается общей демократизацией французского общества. Однако считается, что бретонская идентичность возрождения, лишенная политической идеи, представляет собой поверхностное явление [7].

Можно выделить следующие составляющие бретонской культурной идентичности, обусловленные культурным наследием и историческим прошлым (вне зависимости от принадлежности к вышеперечисленным подгруппам):

1. *Бретонцы и море.* В Бретани всегда пахнет морем, а каждый житель в душе — моряк. Эта французская провинция делится на две части: приморскую Армор, т. е. «страну моря», и внутреннюю Аргоа — «страну лесов». Бретань — это пронзительные крики чаек, розоватые скалы, нагромождения камней, дюны и бескрайние пляжи с белоснежным песком. Любовь к морским просторам, очарование рыбацкими городками, поселками, портами — составляющие бретонской культурной идентичности.

2. *Непримиримость и неподкупность.* Характер бретонцев представляется непримиримым и неподкупным. Чувство собственного достоинства закрепляется в бретонской душе, как вторая кожа. Бретонцы во Франции имеют именно такой стереотипный характер. Это связано с историческим прошлым Бретани: вплоть до XVII в. бретонцы не считали, что их земля входит в состав Франции, признавая только власть герцога Бретани. Непримиримость характера они показали во время революций. Годы гонений на бретонский язык укрепили этот стереотип. Сегодня непримиримость и неподкупность считаются исторически сложившимися характеристиками бретонской идентичности. В эпоху возрождения бретонской культурной идентичности этот стереотип искусственно культивируется.

3. *Привязанность к патриархальному крестьянскому укладу жизни.* Главные исконные бретонские ценности, которые пришли из глубины веков, — построить жилье, прокормить себя и защитить от непогоды, остаются актуальными. Ветер и непогода, капризы океана диктовали строительство особых домов для жителей Бретани. Они строились из камня, располагались обычно по одному, а если группами, то небольшими, вблизи источника воды. Существуют деревни, где всего по несколько домов. Главным селением считались «бурги» (les bourgues), где имелись церкви. В дни религиозных праздников крестьяне собирались в церкви. В годы гонений все бретонское считалось отсталым, но сегодняшняя жизнь показывает, что патриархальный уклад сохраняет свою притягательность. Сегодня в воскресные и праздничные дни города почти пустуют, люди уезжают в деревни, в деревенские дома.

4. *Гордость за родной язык и кельтские корни.* Несмотря на то, что французский язык — самый распространенный язык в регионе, бретонцы стараются сохранить свой родной язык и культуру. Неодруизм, неокельтизм сегодня в моде. Возрастающая популярность кельтской музыки, бретонского рока, возрождение кельтских праздников, популяризация бретонской кухни способствуют культивированию гордости за кельтские корни.

5. *Привязанность к домашнему очагу.* Традиционный уклад жизни бретонцев и традиционный бретонский дом долгое время считались признаком отсталости. До конца XIX в. бретонские крестьяне почти не выезжали в города. Хозяйство, дом, семья, урожай, улов — вот те интересы, которыми жили местные жители. Даже дом, в котором жили бретонцы, подчеркивал их менталитет. В Корнуаёе и Финистере строились дома из гранита, крыши покрывались соломой, плотно и аккуратно уложенной. Одно окно, маленькое и узенькое, располагалось высоко. Маленький дом обычно состоял из одной или двух комнат. Одна комната считалась жилой, а другая часто отводилась для живности. В жилой комнате не было ничего лишнего: печь — камин, большой стол, двухъярусные кровати. На первом этаже спали старые члены семьи, а на втором — более молодые, так как необходимо было высоко забираться. Семья собиралась вокруг очага. И тепло этого очага впоследствии часто вспоминали бретонцы, которые в годы обнищания массово уезжали в поисках лучшей жизни. Привязанность к домашнему очагу сохраняется до сегодняшнего дня. Бретонцы самые непутешествующие жители Франции. Студенты бретонских вузов — самые не участвующие в студенческой мобильности.

6. *Гостеприимность.* Гостеприимность — часть культуры Бретани и восходит к древним традициям. Главная причина теплого отношения крестьян к своим гостям заключается в древнем веровании, что гости являются посланниками Бога. К числу таких гостей можно отнести и нищих, и чужаков-иностранцев, оказавшихся волею судьбы в крестьянском доме. Своеобразный обряд приема нищих в бретонских домах интересовал многих исследователей в XIX–XX вв. А. Буэт в своей «энциклопедии» повседневной жизни бретонских крестьян XIX в. пишет: «Странствующий путешественник, без кровли над головой, или один из тех многочисленных лазарони Арморики, во все времена привыкший находить себе место под солнцем и у очага, просачивается, как если бы это было у него дома, в глубь скромного жилища, дверь которого почти всегда открыта, садится у камина и закуривает свою трубку...» [1].

7. *Трагичность и ущербность исторической памяти.* История Бретани включает разные периоды, которые оставили глубокий след в судьбе народа. Известная борьба Министерства народного образования Франции против бретонского языка, уничижительное отношение французов к бретонцам, патриархальность быта, которая не уживалась со стремительной индустриализацией, стали основой трагического восприятия истории. Обнищание, финансовые трудности, неурожай заставляли крестьян покидать обжитые места. Женщины и мужчины уезжали в центральные города на заработки, но так как уровень их образованности был низок, они довольствовались черной работой. Молодежь, естественно, и сегодня уезжает в города, пополняя армию военных и мелких чиновников, служащих. Но сельское население не убывает, из поколения в поколение передаются обычаи и привычки, часть которых находит место в современной Бретани [2]. Ощущение ущербности вызывало у некоторой части населения обратный эффект, эффект сопротивления глобализации, усиливая качества культурной идентичности бретонцев.

8. *Вера в иррациональное.* В век рациональности и практицизма Бретань сохраняет веру в силу природы, иногда сознательно культивируя данный аспект. Бретонская идентичность имеет много общего с видением жизни, свойственным кельтам, которые, соединяя рациональное и иррациональное, видимое и невидимое, материальное и нематериальное, добиваются единства ума, тела и духа, без резкого разделения мирского и священного.

Некоторые исконные составляющие культурной идентичности бретонцев сегодня не являются актуальными:

1. *Религиозность.* Бретонцы в XIX в. были людьми глубоко верующими. Католичество в Бретани имело огромное значение. По-видимому, такие качества, как гостеприимность и религиозность, связаны между собой тесными узами, а значит, особое уважение, оказанное гостю радушным хозяином, можно объяснить религиозными чувствами крестьянина.

2. *Верность универсальным христианским ценностям.* Бретонцы имеют собственные представления о нравственных ценностях, как всеобщих, так и характерных только для них: самоотверженность, бескорыстие, благородство, честность, настойчивость, трудолюбие, преданность, невинность и напряженность чувств, правда, верность, гордость, искренность, честность, сильное желание, гостеприимство, солидарность, справедливость и т. д.

Как отмечают исследователи бретонского языка, исторически бретонский язык имел много врагов, но несмотря на забвение языка, обусловленное политикой государства, не удалось уничтожить культурную идентичность. В настоящее время государство настроено положительно по отношению к региональным языкам и культурам. Бретонцы, которые не знают свой родной язык, горды своей культурной принадлежностью к Бретани: «Что касается бретонцев, сегодня понятие бретонской идентичности основано на общности культуры, богатого языкового материала, общности территории. Сегодня знание языка не является показателем идентичности. Современная бретонская культурная идентичность — это понятие, которое стоит выше знания языка, это желание сохранить самобытность в глобализирующем мире» [6, 21].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Бретонская региональная идентичность на современном этапе имеет культурный аспект и теряет политическую составляющую в связи с глобализацией и повышением уровня жизни в регионе.

2. Бретонская региональная идентичность идет по пути глокализации, когда региональная идентичность развивается наряду с национальной идентичностью.

3. Бретонская культурная идентичность на современном этапе — явление модное, в какой-то степени искусственно насаждаемое, культивируемое сознательно. Модно быть бретонцем, модно говорить на бретонском языке, быть не таким как все, несмотря на то, что качество знания языка и количество говорящих на нем падают из года в год.

4. Среди бретонского населения, вне зависимости от знания языка, возрастает интерес к культурному наследию, этот интерес свободен от чувства ущербности и ненужности, которое внушалось долгие годы.

5. Базовые компоненты региональной идентичности сохраняются и сознательно культивируются. Это: бретонцы и море; непримиримость и неподкупность; привязанность к патриархальному крестьянскому укладу жизни; гордость за родной язык и кельтские корни; привязанность к домашнему очагу; гостеприимность; трагичность и ущербность исторической памяти.

6. Некоторые исконные составляющие культурной идентичности бретонцев, такие, как религиозность, верность универсальным христианским ценностям, сегодня не являются актуальными.

1. Бретань [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infrance.ru/tourisme/bretagne/bretagne.html/> (дата обращения: 30.07.2018).

2. Бретонский язык [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 30.07.2018).

3. Бухонкина А. С. Стереотипы восприятия Бретани в культуре и языке: юмористический аспект // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2013. № 11 (139). С. 216–220.

4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

5. Загряжкина Т. Ю. Франция в культурологическом аспекте. М., 2007.

6. Кюндяйцева Ч. В., Борисова И. З. Якутские и бретонские пословицы с концептом «Дети» // Тенденции формирования науки нового времени : сб. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2014. С. 25–28.

7. Ле Коадик Р. Мы встретили врага и это мы. Университет Ренн 2 (Франция), Центр бретонских и кельтских исследований, 2006.

8. Le Besco P. Parlons breton: langue et culture. P., 1997.

9. Les Bretons et leur histoire: l'identité bretonne [Electronic resource]. URL: <http://sonoreka.libfl.ru/> (accessed: 30.07.2018).

10. Patez Fabrice. Réflexions sur la notion d'«identité culturelle» dans les mouvements régionaux français // Les Cahiers du Cériem. 2001. № 7.

Статья поступила в редакцию 9.12.2018 г.

УДК 730(470.54-25) + 72.036 + 929 Домбровский

Т. Ю. Быстрова
Г. В. Мазаев**КОГДА АРХИТЕКТОР РИСУЕТ МОНУМЕНТЫ:
МАРТ 1918 г. В ТВОРЧЕСТВЕ С. В. ДОМБРОВСКОГО***

В научный оборот вводится несколько рисунков архитектора Сигизмунда Владиславовича Домбровского (1883–1953), чье более позднее творчество сформировало существенную часть городского пространства Свердловска-Екатеринбурга. Авторы реконструируют социокультурный и эмоциональный контекст марта 1918 г., когда С. В. Домбровский еще до появления ленинского плана монументальной пропаганды создает большое количество эскизов памятников борцам революции и монументальных «просветительских» объектов. Показана необходимость семиотического анализа иконографии архитектора как пути понимания мотивов творчества в период политической и социально-экономической неопределенности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: С. В. Домбровский; архитектор; архитектурный эскиз; памятник борцам революции; семантика монументального искусства; неоклассицизм.

...на мой взгляд, Эйфелева башня настоящая красавица по сравнению с кривым сооружением тов. Татлина.

А. В. Луначарский

Творчество российского архитектора польского происхождения С. В. Домбровского (1883–1953) представлено в источниках достаточно скудно. В основном известны, в том числе по краеведческим и туристическим публикациям, его проекты для социалистического Свердловска, но и они в большей степени описаны, чем проанализированы. О проектах и постройках более раннего и более позднего периодов практически ничего не сообщается. Между тем, помимо известных «домов горсовета», усилиями С. В. Домбровского и его коллег созданы такие ансамбли Свердловска-Екатеринбурга, как набережная Городского пруда, пространство между оперным театром и нынешним зданием университета, Центральный парк культуры и отдыха. Иначе говоря, центр города обязан своим лицом и духом именно этому автору, сумевшему сохранить и развить стилистику горного и трудового города в формах конструктивизма и неоклассики. Однако жизненный путь и система взглядов художника не изучены, в них

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-22-07001 «Комплексный алгоритм культуральной регенерации малых индустриальных городов в контексте агломерационных процессов России и Европы».

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета, профессор Екатеринбургской академии современного искусства (email: Taby27@yandex.ru).

МАЗАЕВ Григорий Васильевич — кандидат архитектуры, академик РААСН, главный градостроитель Уральского научно-исследовательского и проектно-конструкторского института (филиала ЦНИИП Минстроя России), г. Екатеринбург (e-mail: trebich.74@mail.ru).

© Быстрова Т. Ю., Мазаев Г. В., 2019

много неясностей и недоговоренностей. В источниках по конструктивизму [14, 16] С. В. Домбровский обычно представлен списочно, в ряду других авторов. Более известные события, такие как обучение у В. А. Щуко [3], переезд в Свердловск и создание знаковых архитектурных объектов, упоминаются столь часто [2, 10, 14], что перестают вызывать какие-либо исследовательские вопросы (что привело молодого и достаточно известного московского архитектора, никогда до этого не бывавшего на Урале, именно в Свердловск? как — с точки зрения художественно-пластического языка — из последовательного неоклассициста он превращается в конструктивиста?). Ничего не сообщается о его привязанностях, друзьях или врагах, личной жизни, политических и иных взглядах. Иначе говоря, вместо личности мы имеем фамилию, не более. Этот пробел можно восполнить хотя бы частично.

Методология работы

В исследовании мы опираемся на информацию, почерпнутую из рисунков С. В. Домбровского, сделанных им во второй половине марта 1918 г., а также совокупность контекстных данных о весне этого года. Рисунки представлены в альбоме художника, найденном Г. В. Мазаевым в музее архитектуры Екатеринбурга среди материалов «на выброс». В это время Домбровский живет и работает в Москве, лишь недавно вернувшей себе звание столицы. Внешне его обстоятельства выглядят более-менее успешными, он числится сотрудником мастерской Моссовета, однако в рисунках доминирует тема смерти, что придает им известную противоречивость. Интересно и то, что, нарисовав их в возрасте 35 лет, С. В. Домбровский не расставался с ними до конца своей жизни.

Сопоставляя мотивы эскизов С. В. Домбровского со свидетельствами других очевидцев эпохи, мы попытаемся реконструировать (с большой долей вероятности) его жизненные ценности и творческие установки, повлиявшие на дальнейшее творчество. Подобная реконструкция имеет культурологический характер, так как единичные артефакты и сведения включаются нами в широкий социокультурный контекст определенного (и сложного) периода российской истории и культуры. Осуществлять ее помогает дискурс повседневности, развиваемый применительно к отечественной культуре в работах В. Б. Аксенова¹, С. Г. Климовой, Н. Б. Лебиной, С. В. Махлиной и др.

Работа по расшифровке рисунков в дальнейшем будет продолжена на основе семиотического подхода, использованного и на начальном этапе.

Результаты

Работа носит пионерский характер и не содержит итоговых положений, поскольку материалов и документов о жизни и деятельности С. В. Домбровского

¹ Несмотря на заявленную тему повседневной жизни интересующего нас периода, автор не касается изменений предметно-пространственной среды, см. [1].

мало. На начальном этапе изучения альбома 1918 г. нами сформулированы следующие гипотезы, для доказательства которых нужно продолжать исследование.

Рисунки марта 1918 г. в полной мере отражают неустойчивость положения архитектора при относительной стабильности его стилиевой палитры. Их нельзя объяснить исключительно стремлением С. В. Домбровского найти общий язык с новой властью. Парадоксы поиска новых форм, временами доводимых (возможно, неосознанно) до гротеска и китча, должны были убедить его либо в неоправданности любых ретроспекций в новых политических и иных условиях, либо в необходимости сохранить себя, сохраняя и минимально трансформируя свой стиль.

Тема смерти и героизма прорабатывается художником невероятно тщательно еще до выхода ленинского плана монументальной пропаганды (который принят 12 апреля 1918 г. и в первый год своей реализации дал довольно мало впечатляющих и адекватных запросам новой власти результатов [9]). Возможно, она возникает как реакция на некоторую предварительную информацию. Большую роль в появлении подобной темы играют неоклассицистские установки С. В. Домбровского, сближающие его поиски с исканиями авторов времен Великой французской революции.

Шрифтовые композиции и характер текстовых высказываний на монументальных объектах говорят о четком понимании архитектором нового социального заказа и появлении нового потребителя в лице рабочих, солдат, крестьян.

Ряд мотивов творчества С. В. Домбровского, в том числе тема башни-мавзолея [17] и композиция, состоящая из серпа и молота, опережают появление официальных символов и артефактов. Вряд ли это можно объяснить исключительно чуткостью творца и его способностью к антиципации. Возможно догадаться о тематике или интонации, но вряд ли — о структуре или внешней форме. Для более развернутого ответа на вопрос о совпадении С. В. Домбровского с «генеральной линией» нужны дополнительные источники.

Исследование

Не повторяя биографической информации, кочующей из текста в текст [2, 10, 14], назовем два значимых для рисунков марта 1918 г. момента. Это смерть в 1917 г. в возрасте 63 лет отца С. В. Домбровского (причина нигде не сообщается), тоже архитектора, много строившего в Одессе, Москве, городах юга России. И «временный» переезд советского правительства 11 марта 1918 г. в Москву, в том числе по причине возможности захвата города. Первое событие объясняет для нас выбор графики в качестве языка размышления о настоящем и будущем. Второе связано не только с политикой, но и местом жизни и работы архитектора.

Две недели спустя после этого переезда С. В. Домбровский рисует, с небольшими вариациями, почти одни и те же мотивы (рис. 1, 2). 23 марта 1918 г., в день, когда сделан первый из дошедших до нас рисунков, британская эскадра встала на рейде Мурманска, а в Ростове-на-Дону провозглашена Донская советская

республика. В эти же дни В. В. Маяковский пишет Л. Брик стихотворение «Весна» с показательной метафорой:

Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
глуха и болтлива, как юнкер [11].

Двойственность политической ситуации не поддается описанию. Человек, выросший в архитектурной среде, говорит с нами языком архитектурного рисунка, содержащего даже не два, а 4–5 смысловых пластов.

Рис. 1, 2. Рисунки С. В. Домбровского. Март 1918. Москва.
Из коллекции Г. В. Мазаева. Публикуются впервые

Первый уровень — работа архитектора с языком «больших» стилей. Актуальность темы смерти героев революции очевидна. Однако С. В. Домбровский облачает ее в довольно необычные формы — пирамид, подобия зиккуратов (как позже в решении мавзолея В. И. Ленина у А. В. Щусева), эклектично сочетающихся с античными колонными разных видов. Удивительно, что здесь нет собственно «русского» слоя. Ясно также, что герои новой власти не могут маркироваться знаками всех «эксплуататорских» режимов, начиная с феодализма. Отчасти поэтому происходит возвращение к архаичным (и архетипичным) формам, выразительности которых уже недостаточно на новой социальной ступени. В отличие от более «чистых» образцов некоторых коллег (рис. 3), микширование этих форм достигает почти китчевых масштабов и явно свидетельствует об определенном творческом тупике: классический язык, так хорошо знакомый С. В. Домбровскому, в состоянии выразить все, кроме идеологем пролетарского режима.

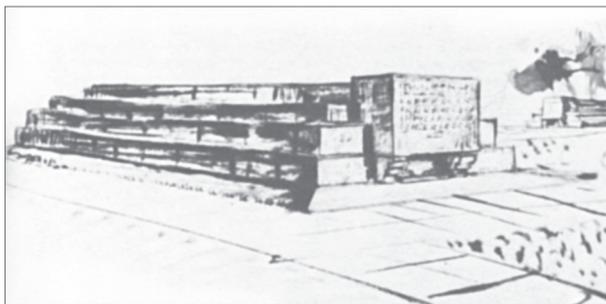

Рис. 3. Л. В. Руднев. Эскиз надгробия на братской могиле жертв революции на Марсовом поле. 1917.

Источник: <http://www.encspb.ru/object/2804008191?lc=ru>

Второй уровень — подбор типов архитектурных объектов. Сначала это стелы и пирамиды, т. е. варианты «архитектуры навыворот», в которой нет внутренних пространств. Такие решения присущи ранним периодам, когда зодчие еще не могли решить задачу создания монументального объекта в полном его объеме. Архаизация формы показывает вольное или невольное стремление автора выйти за пределы классического канона, но не вперед (как будет в конструктивистский период творчества С. В. Домбровского), а назад. Во второй части альбома архитектор рисует колумбарии, гигантские стены-кладбища, видимо, призванные укреплять дух новых борцов революции.

Несколько позже С. В. Домбровский создает подобие Вавилонской башни, рисунок ныне хранится в Фонде Хоана Миро (Барселона). Примечательно, что башня как символ смешения народов и языков интерпретируется автором публикации о рисунке архитектора как однозначная отсылка к вавилонским зиккуратам, не связанная с принадлежностью автора к определенному художественному направлению [17] (рис. 4).

Подстраивание под новых зрителей у многих творцов уже началось, хотя с октября 1917 г. прошло совсем немного времени. К. Петров-Водкин писал: «Когда я увидел проходящие перед “Стенькой Разиным” демонстрации, я впервые почувствовал, что я на месте, что моя работа там, где ей надлежит быть» [9].

Третий уровень можно связать с экономическими параметрами предлагаемых проектов. Поверхностная проработка формы давала возможность более дешевых решений, что важно в этот период. Война и голод, отсутствие финансов и материалов естественным образом приводят советских архитекторов к декоративизму. При отсутствии какого-либо нового стиля первенство в проработке форм отдается поверхностям и фасадам (рис. 5). Помимо «фасадности», важна скорость исполнения проектов, поэтому формы буквально рубятся, в том числе в дизайне мебели [16], костюма [15] и других видах творческих практик.

Четвертый, экзистенциальный, уровень смыслов задает тема скорби. Первый раз памятники жертвам революции появляются еще в 1917 г., например,

Рис. 4. С. В. Домбровский. Место встречи народов. 1919.
Фонд Хоана Миро, Барселона, Испания. Даритель В. Пент.
Источник: <https://www.fmirobcn.org/blog/en/2017/11/30/the-fate-of-mesopotamian-architecture-in-the-spiral-of-image-reproduction/>

Рис. 5. Декорированная стена Кремля, Москва. 1918.
Автор не указан. Источник: <https://onedio.ru/news/10-foto-kotorye-pokazyvayut-kak-vyglyadela-moskva-posle-prihoda-k-vlasti-bolshevikov-i-sverzheniya-carizma-28713>

у В. Руднева, так что С. В. Домбровский в разработке скорбных монументов не одинок². Удивительно не то, что скорбят, а что власть, всецело ориентированная на будущее и рвущая с прошлым, так акцентирует момент своего начала, связывая его с трагедией, которую невозможно и не нужно забывать. Смерть превращается в условие созидания будущего и мифологизируется в этом значении.

Ощущение связанности всего происходящего со смертью пронизывает воспоминания современников С. В. Домбровского. Так, Александр Бенуа записывает в дневнике 5 апреля 1918 г.: «Сегодня праздник — годовщина погребения жертв революции. Акица подслушала следующий диалог между старушкой, пришедшей к лавочке, оказавшейся закрытой, с мальчонкой, размышляющим: “Чего же эта лавка закрыта?” — “Да праздник похорон”. — “Вот еще выдумали что праздновать”!» [4].

С этой записью перекликается более ранняя запись Ф. Раскольников: «В эти же дни в Москве мне довелось увидеть странное шествие. По улицам медленно двигалась похоронная процессия. Целая вереница нарядных катафалков с роскошными балдахинами сопровождалась облаченным в белые ризы духовенством. За гробами следовали юнкера, офицеры и хорошо одетая буржуазная публика. Это хоронили погибших белогвардейцев. В Москве вообще было поступлено оригинально: в один день хоронили наших, а на следующий день — юнкеров» [13, 128].

В состоянии полной неопределенности будущего смерть словно оставалась единственной реальностью, на которой фиксировалось сознание, «скользящий» «сон наяву», по выражению того же А. Бенуа.

В психологическом плане, с оглядкой на работы по феноменологии, можно интерпретировать подобный «сон наяву» как интенсивное движение к целостности в условиях расколотого мира. Эту целостность, безусловно, усиливает соседство смерти, которая вдруг оказалась повсюду³.

Свидетельства очевидцев чаще всего показывают недооценку современниками реальной мощи советской власти. «Забывать существование Советской власти невозможно — город окружен кольцом продовольственных отрядов, по улицам то и дело проходят взводы молодевавших латышей. Кремль для обывателей уже

² См.: <http://propagandahistory.ru/2069/KNudozhestvennaya-zhizn-Petrograda-i-Moskvy-v-pervyemesyatsy-Sovetskoy-vlasti>

³ Ср.: «Перед могилой опыт становится монолитным, и наши образные представления более непосредственно повинуются тому, что могила хочет сказать, то есть тому, что она заключает в себе. Вот почему, когда я вижу могилу, она смотрит на меня, пронизывает до самых недр — и, кстати, тем самым расстраивает мою способность просто, спокойно смотреть на нее — в той самой мере, в какой показывает мне, что я потерял то тело, которое она приотила в своей глубине. Конечно, могила смотрит на меня еще и потому, что вызывает во мне невидимый образ того, что делает меня равным этому телу, подобным ему, в моей собственной будущей судьбе, в судьбе тела, которое опустеет, упокоится и вскоре исчезнет в более или менее похожем объеме. Перед могилой я и сам падаю, впадаю в страх — точнее, в “тот фундаментальный прообраз чувства всякой ситуации”, в “отличительное раскрытие здесь-бытия”, о котором говорил Хайдеггер» — пишет Ж. Диди-Юберман [7, 17]. Подобную тему встречаем и у М. Мерло-Понти [12, 104]. Далее, анализируя переживание простых форм, Ж. Диди-Юберман приводит слова Ф. Кафки, удивительно совпадающие по тональности и набору упоминаемых элементов (надписи) с рисунками С. В. Домбровского: «Я словно из камня, я словно надгробный памятник себе, нет даже щелки для сомнения или веры, для любви или отвращения, для отваги или страха перед чем-то определенным или вообще, — живет лишь шаткая надежда, бесплодная, как надписи на надгробиях» [7, 237].

недоступен. Большевики в своих газетах упорно пишут об осуществлении всех своих программ. <...> Все время происходят конфискации товарных складов и магазинов. Кажется достаточно фактов, чтобы убедиться, что большевики действуют всерьез. Но широкий обыватель это понимает очень плохо. Он только недоволен — ругает большевиков за предательство, ужасается росту цен, но совершенно не ощущает, что наступают времена антихристовые, не собирается изменять свою жизнь, а только собирается несколько приспособиться к обстоятельствам» [5].

Н. Е. Врангель пишет примерно о том же, признавая растерянность и отступничество реалистических оценок у населения в отношении новой власти: «...когда большевики стали у власти, страшного в них на вид ничего не было. Они скорее казались смешными, шутами гороховыми. Что под этими шутами кроются разбойники, звери, догадывались лишь немногие» [6]. Мемуаристы признают, что в Гражданской войне обе стороны допускали жестокость и зверства, даже когда в этом не было необходимости [8].

Свидетельства современников оказываются более продуктивными для расшифровки мотивов, встречающихся в рисунках С. В. Домбровского, чем другие источники. Реальная и субъективно переживаемая амбивалентность новой власти («времена антихристовые», «шуты» — «звери») опрокидывает привычную систему ценностей, где важна и значима жизнь, а трагична либо бессмысленна — смерть. В политической и культурной ситуации весны 1918 г. смерть как будто бы становится источником и залогом новой жизни, значит, ее нужно «праздновать», приветствовать, прославлять. Меняется картина мира, ломается ось времени, а вместе с ней и семантика архитектурных объектов — так кремлевской стене в ближайшем времени предстоит стать могилой.

В символическом плане такое прославление смерти сродни языческим обрядам (например, тризна как праздник по поводу смерти, Масленица как частично поминальный обряд), но в славянско-русской языческой традиции архитектор не находит форм, масштабы которых соответствуют его представлению о размерах социальных катастроф и преобразований. Будучи частью элитной команды архитекторов, призванных обслуживать новую власть, он останавливается на монументальных объектах, приближенных к ассиро-вавилонской традиции. Брезжущий впереди ленинский план монументальной пропаганды и включение солдат и рабочих в целевую аудиторию нового искусства не позволяют довольствоваться замкнутыми, отстраненными и возвышенными формами, стремящимися к самодостаточности. Поэтому на них появляются надписи, сделанные нарочито «лубковыми» шрифтами. Спутанность осей высокого и повседневного, сакрального и конъюнктурного доводит формы до гротеска, а их автора — до саморазоблачения, признания полного неприятия происходящего, даже ужаса перед ним.

Выводы

В статье проанализированы мотивы и смыслы рисунков архитектора С. В. Домбровского, датированных концом марта 1918 г. С одной стороны, они отражают общую ситуацию безвременья, пронизанную духом утрат и смерти.

С другой стороны, в них присутствуют мотивы и символы, существенно опережающие время; часть из них появится лишь спустя 4–5 лет.

Представляется, что выбранный архитектором язык графики дал ему возможность полно и всесторонне размышлять над происходящими событиями, одновременно ища приемлемый творческий выход для своих архитектурных и художественно-монументальных идей. Дальнейшая работа с рисунками С. В. Домбровского необходима для понимания связей послереволюционного периода с последующими десятилетиями, когда архитектор очень многое сделает для формирования облика Свердловска.

1. *Аксенов В. Б.* Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 231 с.
2. Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области / сост. Л. П. Бандровская. Екатеринбург, 2003. 430 с.
3. *Банников Д.* Архитектор Владимир Щуко: классик неоклассики // Строительный эксперт : [портал для специалистов арх.-строит. отрасли]. 2018. 20 авг. URL: <https://ardexpert.ru/project/13436> (дата обращения: 15.11.2018).
4. *Бенуа А.* Дневник // Мемуарист : [портал]. URL: <https://memuarist.com/ru/events/55250.htm> (дата обращения: 23.12.2018).
5. *Борман А. А.* Москва-1918 (Из записок секретного агента белогвардейцев в Кремле). Разведка. 1917 [Электронный ресурс]. URL: <http://statehistory.ru/5572/Moskva---1918--Iz-zapisk-sekretного-agenta-belogvardeytshev-v--Kremle/> (дата обращения: 28.10.2018).
6. *Врангель Н. Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dk1868.ru/history/VRANG7.htm> (дата обращения: 23.11.2018).
7. *Диди-Юберман Ж.* То, что мы видим, то, что смотрит на нас / пер. с фр. А. Шестакова. СПб., 2001. 264 с.
8. Дневник Михаила Дроздовского // Мемуарист : [портал]. URL: <https://memuarist.com/ru/events/92366.htm> (дата обращения: 21.20.2018).
9. *Долинина К.* Мы наш, мы новый арт построим. Революционная агитация в Русском музее [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2017. 22 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3390044> (дата обращения: 23.10.2018).
10. *Любимцев И. С. В.* Домбровский и польские архитекторы на Урале // Sztuka Europy Wschodniej. Искусство Восточной Европы. Art of Eastern Europe : ежегодник. 2014. Т. 2. С. 161–165.
11. *Маяковский В. В.* Письмо Брик Л. Ю., до 15 марта 1918 г. Москва // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1955–1961. Т. 13 : Письма и другие материалы. 1961. С. 30–31.
12. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб., 1999. 602 с.
13. *Раскольников Ф.* На боевых постах. М., 1964. 352 с.
14. *Смирнов Л. Н.* Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбург. Екатеринбург, 2015. 148 с.
15. *Стриженова Т.* Из истории советского костюма. М., 1972. 112 с.
16. *Хан-Магомедов С. О.* Пионеры советского дизайна. М., 1995. 424 с.
17. *Micale M. G.* The Fate of Mesopotamian Architecture in the Spiral of Image Reproduction // Joan Miró Foundation. “Blog” : [cite]. 2017. 30 Nov. URL: <https://www.fmirobcn.org/blog/en/2017/11/30/the-fate-of-mesopotamian-architecture-in-the-spiral-of-image-reproduction/> (accessed: 22.12.2018).

Статья поступила в редакцию 14.01.2019 г.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОМ ПЛАКАТНОМ ИСКУССТВЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА (1918–1939 гг.)

В статье рассматриваются основные женские образы, которые были представлены в образах советской пропаганды межвоенного периода. Определяются основные социальные и идеологические женские ролевые модели, которые появились на агитационных плакатах. Кроме того, автор анализирует, насколько пропагандистские плакатные лозунги соответствовали реальной жизни советской женщины в тот промежуток времени. Несмотря на справедливую риторику в пользу освобождения женщин от прежнего гнета патриархальных установок царской империи, понятие женской свободы все же определялось не с точки зрения самой женщины, а с позиции интересов государства.

Ключевые слова: межвоенный период; агитационный плакат; образ женщины; искусство СССР; гендерная политика; пропаганда.

Социально одобряемые модели поведения женщин в послереволюционное время создавали и распространяли с помощью различных механизмов. В межвоенный период (1918–1939 гг.) плакатное искусство становится одним из таких механизмов. Советский плакат активно участвует в конструировании нового мира с его представлениями о добре и зле. «Женский вопрос» также попадает под пристальное внимание большевиков — в лозунгах пришедшая власть провозглашает основные ценности и главные ориентиры для «обновленной» советской женщины. Статья посвящена исследованию проблемы «новой женщины», облик которой был отражен в агитационных материалах. Цель нашего исследования — выявить основные женские ролевые тенденции в плакатном искусстве в период 1918–1939 гг. и проанализировать их главные особенности. В качестве методологии выступает визуальный анализ советских плакатов, который позволит определить женские типы. Мы попытаемся выявить как собирательные образы того периода, так и уникальные примеры женской идентичности.

С приходом большевиков к власти в России началась другая эпоха, где женщине был предложен на первый взгляд новый сценарий жизни. Исследовательница А. А. Днепровская в своей научной публикации «Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие» подчеркивает, что ввиду демографической диспропорции первого послевоенного десятилетия произошло изменение гендерной идеологии и политики. Женщина стала рассматриваться как важный ресурс производства и воспроизводства [5]. Появились воинствующие революционерки, работницы, женщины — участницы Гражданской и Первой мировой войн, а затем и Великой Отечественной. «Данный этап называют периодом большевистского экспериментирования в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений,

периодом политической мобилизации женщин и периодом женсоветов», — отмечают в своей работе по гендерной социологии исследовательницы А. А. Тёмкина и Е. А. Здравомыслова [6, 335].

Появление женотделов позволило включить женщин в различные области публичной сферы, к которым их раньше не допускали, — в политику, здравоохранение, образование и культуру. На повестке дня находились основные женские вопросы: положение женщины в обществе и семье, способы эмансипирования женщины от прежнего угнетения, а также создание комфортных условий для реализации социально-общественных и семейных функций женщины. Но в первую очередь государство поставило перед собой цель — «найти применение» женщине во всех сферах общественного производства. Также на практике осуществлялась «настоятельная необходимость» привлечения работниц и крестьянок к борьбе за коммунизм: «...прошедший 18–23 марта 1919 г. VIII съезд РКП(б) обязал все партийные комитеты всячески этому содействовать» [8, 83–84].

Идеологическая проработка и пропаганда начинается с коммуникативного воздействия на целевую аудиторию. Автор статьи «Пропаганда как технология политического манипулирования» Татьяна Мельникова под понятием «пропаганда» понимает политически мотивированное информационно-психологическое воздействие на эмоционально-волевую сферу массового сознания, с помощью которого внедряются политические идеи, взгляды, установки и формируется политическое поведение [9, 49]. Для продвижения коммунистического «бренда» советская власть начала активно использовать один из основных агитационных инструментов — пропагандистские плакаты. Плакат — доступное средство широким массам, которые едва ли научились читать. Утилитарный характер плакатной пропаганды заключался в быстрой и результативной реакции публики. Точно так же в современности работают рекламные материалы, воздействуя на чувственно-эмоциональные особенности человека для продвижения определенных товаров или услуг. Цитируя теоретика левого искусства Н. Н. Пунину, Вячеслав Полонский отмечает, что плакат как художественная форма имеет одну особенность, затрудняющую быстрое и легкое развитие: он должен говорить доступным для огромного большинства языком» [10, 104]. Агитационный плакат становился иллюстрацией новой жизни, новых идеалов, построенных на тотальном равенстве и желании поменять мир к лучшему. В научной статье «Советский плакат в системе большевистской пропаганды: образ будущего (1917–1941 гг.)» выделяются особенности плаката как средства пропаганды образа «светлого будущего». Наталья Володина и Эдуард Алехин отмечают в работе, что плакатам свойственна наглядность, доходчивость и эмоциональность воздействия. При этом агитационные плакаты, с одной стороны, часто изображали реально имевшие место общественные проблемы, «мешавшие наступлению “коммунистического рая”, с другой — демонстрировали образы не существовавшей, но должной стать и ставшей всеобщей целью прекрасной жизни» [3, 3].

Для дальнейшей реализации будущей политики большевиков на агитационных плакатах изображали людей, равных по демографическим и культурным характеристикам, а именно национальным, этническим и в том числе гендерным.

Образы мужчины и женщины на плакатах должны были представлять равных членов нового государства с одинаковыми стремлениями и ценностями. Художники старались отказаться от прежнего изображения мужчины и женщины в качестве двух оппозиционных начал в бинарной системе отношений. Начиная с 1918 г. и до середины 1930-х гг. героиня пропагандистских материалов — это в первую очередь революционерка, крестьянка и работница, которая начинает жить по новым правилам: женщина учится грамоте, получает политические и социальные права, активно поддерживает советскую власть и трудится на социалистическом производстве. На второй план выходят материнские функции, межличностные отношения и интимная жизнь. Исследовательницы А. А. Тёмкина и Е. А. Здравомыслова полагают, что главный стратегический ход советского государственного проекта — разрушить границу между частной и общественной жизнью, сконструировать коллективизированного советского гражданина, отказавшегося от ценностей и привычек индивидуализма [6, 337].

Далее мы рассмотрим 4 группы советских плакатов, которые сформировали 4 основных женских образа в советской пропаганде межвоенного периода. Отметим, что образ, или медиаобраз, помогает закрепить нужные знания в мировоззрении аудитории. А. В. Хочунская определяет характеристики, которые помогают образу воздействовать на сознание публики (характеристики присущи образу, созданному в рамках как в вербального, так и визуального текста) [1, 208]:

- стереотипность,
- утрированность,
- кратковременность,
- двойственность,
- эмоциональность.

Для практической части мы отобрали 40 советских плакатов межвоенного периода (1918–1939 гг.), чтобы проанализировать особенности женской репрезентации данного временного промежутка. Мы рассмотрим 4 самых распространенных женских образа, которые конструируются с помощью лозунгов и плакатных изображений:

- 1) образ сознательной и политически грамотной гражданки (10 плакатов);
- 2) образ трудовой женщины (13 плакатов);
- 3) образ героини-революционерки (9 плакатов);
- 4) образ женщины-политика (8 плакатов).

Первый тип лозунгов направлен на повышение грамотности и политического самосознания женщин. Примеры: «Ты помогаешь ликвидировать неграмотность» (1920), «Каждая кухарка должна научиться управлять государством» (1920), «Ты не думай, милый мой, что я так рисуюсь, — я движением рабочим очень интересуюсь» (1923), «Лучшие работницы и крестьянки — в Ленинскую партию!» (1924). Образ в рамках агитационных лозунгов сталкивает «новую женщину» с прежней: гражданка, поддерживающая коммунистическую идею, амбициозна, решительна, образована и лишена ветреных романтических настроений. Цветовой контраст (черный и красный) акцентирует наше внимание на ключевой мысли — разгром прежних порядков. Особенность образа — изображение женщин с высоко

поднятой правой рукой в знак могущества и принятия роли руководителя. Подобный жест присущ политическим лидерам. Упорство и решительность женского образа транслируется через поданную вперед грудь и грубую мимику лица.

Второй тип рассказывает нам о женщине-работнице на социалистическом производстве. Яркими примерами становятся работы А. Н. Аршинова «Женщина-работница, кооперация освобождает тебя из-под власти кухни и печного горшка» (1923), В. Н. Кулагиной «Работницы-ударницы, крепите ударные бригады, овладейте техникой, увеличивайте кадры пролетарских специалистов» (1931), А. Мытникова-Кобылина «8 Марта боевой праздник трудящихся женщин всего мира» (1932) и др. Трудящаяся женщина изображалась «в статичной позе на фоне трактора, станка, поля, трибуны, реже — за работой» [5, 94]. Художники акцентируют внимание не на самих женщинах, а на той деятельности, которой они занимаются. Тем самым транслируют идею — труд облагораживает человека. Если обратить внимание на женские лица, то они отличаются серьезностью и сосредоточенностью. Женщины одеты преимущественно в рабочую форму (в зависимости от специфики труда), волосы собраны в косынку, присутствуют защитные рабочие приспособления, минимальный макияж (или его отсутствие) — никаких деталей, которые могли бы отвлечь от трудового процесса.

Третий тип появляется почти с самого начала прихода большевиков к власти и имеет особое значение — плакаты и лозунги на них, формирующие образ героини-революционерки. На плакатах А. И. Страхова-Браславского «Раскрепощенная женщина — строй социализм!» (1926), «Освобождение женщин Востока» (1920–1924), А. Н. Самохвалова «Да здравствует комсомол! К седьмой годовщине Октябрьской революции» (1924) и других женщина — олицетворение нечеловеческой мощи советских революционных сил. Женский художественный образ несексуализирован — изображена женщина с развитым телосложением, с легким макияжем или без него. При этом «новая» женщина одета в традиционно женскую одежду — легкое ситцевое платье или юбку (обязательно по щиколотку или даже ниже) и рубаху в зависимости от социального класса, а также платок, на ней грубые ботинки, туфли с низким каблуком или лапти (для крестьянок). Мимика, жестикация и позы женщин на плакатах имеют резкое и грубое звучание, что говорит о решительных революционных намерениях.

Также, несмотря на возможную схожесть с первым типом, можно выделить образ женщины-политика — *четвертый тип*. Этот образ появляется в советских агитационных материалах. Женщину агитируют не просто голосовать, а принимать наиболее активное участие в политических решениях новой страны. На плакате художников М. Волковой, Н. Пинус лозунг содержит призыв к участию «в управлении государством, хозяйственными и культурными делами страны». На плакатах, пропагандирующих образ женщины-политика, женщина также изображена с высоко поднятой правой рукой, что демонстрирует политическую силу и мощь женщины наравне с мужчинами. Черный классический костюм, белая рубашка и даже галстук — дресс-код советской женщины-политика. Она изображена с коротким каре или аккуратно убранными волосами. Минимализм в аксессуарах — небольшой одноцветный платок на шее или/и значок на груди, обозначающий общественную

позицию. Вероятно, художники стараются избавиться от любой феминной атрибутики, как бы намекая, что женщина может появиться на политической арене только при условии отказа от сугубо феминного образа.

Хотя советское плакатное искусство стремилось подчеркнуть идею гендерного равенства, в реальности женщины не могли в полной мере воспользоваться своими политическими правами, так как неравенство в государственном аппарате и в других структурах власти сохранялось. Ричард Стайтс в своей работе отмечает, что модель, созданная в первые пятнадцать лет советской власти — мужчина на руководящих ролях, женщина на подчиненных, — сохранилась вплоть до сегодняшних дней, несмотря на то, что постоянно наблюдался устойчивый рост численности женщин в органах власти [11, 444].

Выводы

Агитационные материалы призваны были настроить советскую женщину на борьбу с капиталистическим прошлым и стремление к светлому коммунистическому будущему. «Подобная политика сближала реальное положение мужчины и женщины, что тем не менее вряд ли может быть оценено как полная ликвидация приоритета “мужского” в обществе и культуре» [2, 98]. Каждый из 4 образов женщины представлен в советском искусстве межвоенного периода в обобщенном виде — перед нами собирательные образы как продукт советской пропаганды, которые транслируют, прежде всего, государственные интересы. Для художественных образов не характерна ярко выраженная феминность, хотя условное внешнее половое различие есть. Все героини (кроме женщин-политиков) плакатных сюжетов одеты в традиционно женские наряды — юбки, туфли на небольшом каблучке, косынки, строгие платья в минималистичном стиле.

Советские плакаты как массовое искусство СССР создавали образ «новой» женщины с новыми ценностями. Советская женщина в рамках плакатного искусства — это сильная, бескомпромиссная, грамотная, активная, ответственная женщина с революционным духом, способная вынести любые трудности. Несмотря на достаточно справедливую риторику в пользу освобождения женщин от прежнего гнета патриархальных установок царской империи, понятие женской свободы определялось не с точки зрения самой женщины, а с позиции интересов государства. Зачастую сильная женщина в стране с равными гражданскими возможностями и новым бытом, о чем говорилось в лозунгах на плакатах, заключала негласный контракт с советской властью, который предполагал совмещение работы на производстве и дома, по сути, женщина трудилась на двух работах. В политической сфере, а именно в коммунистической партии, женщины оставались в меньшинстве, в 1929 г. они составляли здесь всего 13,5 %, но к середине 1930-х вместе с закреплением авторитета тоталитарной системы число женщин в партии увеличилось, при этом «они часто сталкивались не только с непониманием в своей семье, но и с неприятием со стороны мужчин-коммунистов» [Там же, 99].

Советские плакаты успешно выполняли свою пропагандистскую функцию — создавали образы сильных женщин, способных отдать все свои силы строительству

коммунизма. Мы проанализировали 40 плакатов и выделили 4 тематические тенденции в женском образе: 1) грамотная женщина, просвещенная в политике и культуре; 2) женщина-работница на социалистическом производстве; 3) героиня-революционерка; 4) женщина, не просто интересующаяся политикой, но активно принимающая в ней участие. Кроме того, на плакатах женщина представлена в первую очередь как идеологический «коллективный» субъект. Асексуальность женского образа становится характерной чертой межвоенного периода — времени политической и экономической мобилизации женщин. Как отмечают Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина, СССР смог создать образ суперженщины, он воплощен в формуле двойной нагрузки, которая становится частью нормализованного властью стереотипа «женственности» [6, 339]. В итоге на плакатных изображениях мы видим свободную женщину, ту, которая на первый взгляд руководствуется своими личными интересами, но на самом деле она вынуждена реализовывать чужие интересы в двойном размере — «традиционные» семейные и государственные. «Женщина в плакате, подобно рекламе — то лицо, по которому, как по одежке, оценивают событие, поэтому плакат не просто изображает современность, но наиболее колоритно воспроизводит культурный миф» [5, 92–93].

1. *Барбаш В. В., Сезонов Т. В.* Особенности воздействия медиаобраза на аудиторию женских глянцевого журналов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 207–211.

2. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие / под ред. И. В. Костиковой. М., 2000. 224 с.

3. *Володина Н. А., Алехин Э. В.* Советский плакат в системе большевистской пропаганды: образ будущего (1917–1941 гг.) [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-plakat-v-sisteme-bolshevistskoj-propagandy-obraz-buduschego-1917-1941-gg> (дата обращения: 10.11. 2018).

4. *Герман А.Б.* Женский вопрос [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/87175/%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 10.11. 2018).

5. *Днепрова А. А.* Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий) [Электронный ресурс] // Вестн. ОмГУ. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovetskoj-truzhenitsy-v-pervoe-poslevoennoe-desyatiletie-po-materialam-spetsialnyh-zhenskih-izdaniy> (дата обращения: 25.12.2018).

6. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* 12 лекций по гендерной социологии : учеб. пособие. СПб., 2015. 768 с.

7. *Зеленая Р.* Разрозненные страницы. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=227027&pg=1> (дата обращения: 10.11. 2018).

8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970) : в 14 т. / под общ. ред. И. Н. Федосеева и К. У. Черненко. 8-е изд., испр. и доп. Т. 2 : 1917–1924. М., 1970. 543 с.

9. *Мельникова Т. С.* Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. 2010. № 8. С. 47–51.

10. *Полонский В.* Русский революционный плакат. М., 1925. 192 с.

11. *Стайс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. 616 с.

Статья поступила в редакцию 28.12.2018 г.

ПРЕДИКТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ. ЧАСТЬ 3: НЕГАТИВНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ

Эмоционально-личностное благополучие рассмотрено в статье как состояние гармонии, позволяющей человеку эффективно функционировать и развиваться. Понижение общего уровня благополучия отражают негативные предикторы, связанные как с внутренним миром человека, так и с внешним миром. Они транслируют отрицательное отношение человека к различным аспектам своей жизни, взаимодействию с окружающими миром и людьми. К этой группе предикторов неблагополучия относятся представления о себе как о пессимисте, несчастливом и завистливом человеке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эмоционально-личностное благополучие; негативные предикторы благополучия; пессимизм; несчастливость; завистливость.

Ощущение собственного благополучия является основой внутреннего равновесия человека, позволяющей ему эффективно функционировать и развиваться как личности. В середине XX в. внутреннее благополучие становится предметом исследования преимущественно зарубежных исследователей (М. Зелигман, М. Чиксентмихайи, М. Аргайл, Р. Бернс, Л. Фестингер, К. Хорни, У. Джеймс, Э. Эриксон, М. Кляйн, Д. Пайнз и др.). В отечественной психологии данный феномен рассматривался лишь опосредованно, в рамках психологии эмоций (Е. П. Ильин, К. Э. Изард, Ф. Е. Василюк, Л. М. Веккер, В. К. Вилюнас и др.) либо в рамках психофизиологии (В. М. Бехтерев, П. В. Симонов и др.). В настоящее время в отечественной психологии расширился терминологический репертуар понятия «благополучие», и ученые изучают такие его разновидности, как

КАРАПЕТЯН Лариса Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета, начальник Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России, г. Екатеринбург (e-mail: karapetyanl@mail.ru).

© Карапетян Л. В., 2019

«личностное», «профессиональное», «психологическое», «психоэмоциональное», «субъективное», «эмоциональное», «гедонистическое», «эвдемонистическое» и др. [6]. Систематизация и обобщение теоретических концепций и экспериментальных данных по проблеме изучения психологического, субъективного и других видов благополучия, представленных в литературе, позволили нам ввести и обосновать новое понятие — «эмоционально-личностного благополучие» [8], выделив в данном конструкте 3 группы предикторов: позитивные интернальные предикторы (счастливый, оптимист, везучий), позитивные экстернальные предикторы (успешный, компетентны, надежный) и негативные предикторы (пессимист, несчастливый, завистливый). Для наполнения содержанием конструкта «эмоционально-личностное благополучие» нами проведен анализ психологических, философских и лингвистических представлений о феномене благополучия [8], его интернальных [6] и экстернальных [7] позитивных предикторах. При этом интернальные предикторы ориентированы на внутренний мир человека и образуют позитивный эмоциональный компонент благополучия, экстернальные отражают взаимодействие человека с внешним миром и образуют позитивный личностный компонент благополучия, а негативные ориентированы как на внутренний (пессимист, несчастливый), так и на внешний (завистливый) мир и являются фактором переживания неблагополучия.

В научной литературе представлен ряд работ, рассматривающих благополучие как следствие положительного функционирования и накопленных позитивных аффектов, таких как счастье, удовлетворенность жизнью (A. S. Waterman, J. R. Chambers, S. J. Schwartz, R. Conti, A. Bergsma, E. Diener, S. Oishi, R. E. Lucas, M. Yuki, K. Sato, K. Takemura, Sh. Oishi, K. Kushlev, E. W. Dunn и др.). Вместе с тем исследователей интересует проблема выделения негативных предикторов переживания благополучия/неблагополучия (C. D. Ryff, C. L. M. Keyes, И. А. Джидарьян, Г. А. Глотова и др.).

В данной статье мы остановимся на рассмотрении группы негативных предикторов, выделенных нами при проведении пилотного исследования [6], а именно пессимизма, несчастливости, завистливости.

Пессимизм (от лат. *pessimus* — наихудший) как негативный предиктор психологического благополучия основан на плохом настроении, отражает подавленное состояние, негативное восприятие мира, ощущение человеком своего неблагополучия [11]. Первоначально феномен «пессимизм» был представлен в философских исследованиях, родоначальником его изучения по праву считается А. Шопенгауэр.

Психологическое изучение пессимизма началось сравнительно недавно. В конце XX — начале XXI в. появляется множество работ зарубежных (G. H. Bain, L. Day, J. Maltby, H. Grant, J. S. Greenberg, М. Зелигман) и отечественных (К. Муздыбаев, И. А. Джидарьян, Г. А. Глотова, Е. А. Перова, С. Н. Ениколопов, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин, Д. А. Циринг, К. Ю. Эвнина и др.) авторов, посвященных изучению пессимизма и оптимизма как личностных диспозиций и атрибутивных стилей, связанных с субъективным и психологическим благополучием (и неблагополучием) человека.

Анализируя личностные особенности пессимистов и оптимистов, К. Муздыбаев отмечает, что пессимисту свойственно ощущение внутреннего дискомфорта, а оптимисту — внутренней гармонии. Пессимистам свойственно ожидание худшего, оптимистам — ориентация на лучшее. Временная перспектива у пессимистов укорочена, что свидетельствует о пониженном жизненном интересе, об отсутствии желаемых целей и планов. У оптимистов же временная перспектива довольная длительная, их жизнь насыщена событиями, ярко выражено наличие желаемых целей, социальных планов. Кроме того, пессимисты отличаются от оптимистов отношением к людям: оптимисты используют для описания окружающих их людей положительные термины, оценивают их как удачливых и состоятельных, нравственных и отзывчивых, патриотичных и оптимистичных; пессимисты воспринимают свое окружение в большей мере негативно, людей в описании наделяют меньшей удачливостью, усматривают в их уровне достатка большую бедность, а сами проявляют в этих описаниях деструктивные черты — зависть, злость, стремление к мстительности. Кроме этого отмечается, что пессимисты, как правило, используют нерациональные, непродуктивные способы преодоления проблем [11].

В работах, посвященных анализу когнитивных особенностей пессимистов, подчеркивается склонность людей этого типа к отрицанию и избеганию мыслей о проблеме, в том числе с помощью никотина и алкоголя [12]. Ряд авторов указывают на то, что пессимизм может выступать в качестве предиктора депрессивных состояний [2, 13], однако эта особенность характерна только для молодых людей [16].

В последнее время преимущественно в рамках позитивной психологии набирает популярность идея о том, что оптимизм и пессимизм не являются строго противоположными характеристиками. Так, Р. Yuval указывает на возможность одновременной выраженности (или, напротив, невыраженности) у людей оптимизма и пессимизма, что свидетельствует о их сложной ментальной организации [20]. К. Муздыбаев считает, что здоровый пессимизм может привести в поведение индивида определенный объем рационализма [11, 88], а чрезмерная ориентация на позитивность может выражаться в таких формах поведения, как беспечность, эгоизм, разочарование [17, 18].

Таким образом, пессимизм, отражающий негативное отношение к миру, связан с состоянием уныния, безнадежности, внутреннего дискомфорта. Однако пессимизм не рассматривается в психологии как явный антагонист оптимизма, может в равной степени проявляться (или не проявляться) вместе с ним и часто носит защитную функцию в ситуации неопределенности. Пессимизм предполагает у его носителя укороченную временную перспективу, сосредоточенность на настоящем и отсутствие желаемых ожиданий, целей, планов на будущее, что отражает индикаторную и прогностическую функцию пессимизма относительно благополучия.

«Несчастьем» как предиктор психологического благополучия и «несчастье» как состояние неблагополучного человека редко описываются в психологической литературе.

Философский анализ несчастья начинается с идеи даосизма. Несчастье и счастье, как полагал Лао-цзы, содержатся друг в друге и взаимно проникают одно

в другое, в каждом из них заложена основа для превращения в свою противоположность. Чтобы предотвратить превращение счастья в несчастье, необходимо знать меру: «Нет большего несчастья, чем не знать меру своим страстям» (цит. по: [1, 15]). Ответ на вопрос, почему некоторые люди чувствуют себя несчастными, искали Демокрит, Эпикур, Сенека и др.

Этой же проблеме посвящены труды современных социологов. *Социологические исследования* Н. К. Шамсутдиновой показали, что ощущение «несчастья» связано с такими социальными характеристиками, как возраст (доля «несчастливых» увеличивается в возрастной группе 35–44 года), удовлетворенность содержанием своей работы («несчастливые» в 3 раза реже, чем «счастливые», отмечали, что им нравится их работа, или они были безработными на момент исследования), уровень дохода (у «несчастливых» ниже, чем у «счастливых») [15]. При этом ощущение несчастья не зависит от состояния здоровья («абсолютное большинство несчастных — это в принципе здоровые люди» [Там же, 27]), проживания в городе или сельской местности, наличия брачных отношений, наличия детей. Кроме того, в данном исследовании проведен анализ чувств, присущих людям, считающим себя несчастными. «Несчастливые» чаще отмечали у себя печаль, злость, уныние, одиночество, агрессию (по отношению к другим людям и к себе), раздражение, пассивность, их чаще, чем «счастливых», посещали мысли о самоубийстве [15].

И. В. Лепихова пишет, что русскому человеку, в отличие от человека европейской и американской «протестантской» ментальности, не зазорно быть несчастным и признаваться в этом [9]. Согласно И. А. Джидарьян, 42 % русских признают себя несчастными (против 1 % среди англичан и 0 % у американцев) [3].

Психологические исследования несчастья Р. М. Шамионов осуществляет в контексте «противоположности счастья» [14, 26]. Он подчеркивает, что еще в древности мыслители указывали на связь счастья и несчастья, придавая большую значимость роли последнего как средства духовного развития, как средства формирования нравственности. Автор считает, что «несчастье нужно понимать именно как отсутствие счастья, субъективного благополучия, но не наличие страдания, хотя, известно, что отсутствие благополучия может усиливать негативные переживания» [14, 27].

И. А. Джидарьян реконструирует образ несчастного человека, опираясь на представления и оценки обыденного сознания. Результаты исследования показали, что при описании несчастного человека на первом месте оказались доброта и трудолюбие, а также общительность. Также относительно высоко оцениваются у несчастных людей и такие качества, как общая образованность, эрудированность и внешняя красота. Главное, что отличает счастливого от несчастного в оценках и восприятии окружающих людей, — это чувство оптимизма, а также целеустремленность и уверенность в себе. По результатам исследования было выявлено, что в обыденном сознании образ несчастного человека менее четок и чаще связывается с женским полом. В то же время счастливые и несчастные люди не являются полярными типами по большинству характеристик и практически не отличаются по своим основным социально-этическим качествам. Автор делает вывод, что на уровне обыденного сознания образ несчастного человека

не связывается с какими-либо чертами социальной уязвимости или личностной непривлекательности [3].

Таким образом, в работах исследователей данного феномена отмечается, что периоды, когда человек ощущает себя несчастливым, окрашены для него негативными эмоциями (грусть, тревога, страх, печаль, беспокойство), являющимися барьером на пути достижения гармонии и, соответственно, блокирующими возможность переживания благополучия.

Предиктор «зависть» рассматривается в философской и психологической литературе в основном как чувство, которое проявляется в неприязненном, враждебном отношении к успехам, достоинствам другого лица.

Философский анализ феномена зависти можно найти еще в трудах древних мыслителей Платона и Аристотеля, которые уделяли внимание преимущественно морально-этическим аспектам этого чувства. Философский анализ и неоднозначная моральная оценка зависти представлены в работах Ф. Бэкона, Б. Спинозы, Ф. Ларошфуко, И. Канта, Р. Декарта и др.

Психологические исследования зависти появляются во второй половине XX в. В многочисленных теоретических и эмпирических психологических исследованиях зависть рассматривается как противоречивый, многогранный феномен, а соответственно, ее аксиологическая характеристика выражена в меньшей степени, чем в философских работах (А. И. Донцов, К. Муздыбаев, М. Silver, J. Sabini и др.).

П. Куттер считает, что зависть является негативным свойством, которое выражается в форме направленной на других людей ненависти. Р. Плутчик рассуждает о зависти как естественном психологическом феномене, который можно отнести к эмоциональным переживаниям. Согласно автору, основными критериями эмоциональных переживаний являются: наличие адаптивной функции, непосредственность восприятия без специальной интроспекции, внешнее проявление через поведение. Следуя логике К. Плутчика, можно заключить, что зависть, как и любое другое эмоциональное переживание, может выполнять адаптивную и информационную функции [19].

Согласно данным N. VandeVen, M. Zeelenberg, P. Pieters, положительное, способствующее развитию влияние зависти возможно только в том случае, если она является «доброкачественной» («benignenvy»), т. е. в конечном итоге направленной на улучшение положения человека. При таком типе зависти успехи объекта зависти воспринимаются субъектом зависти как заслуженные и поддающиеся контролю самого человека. Напротив, «злонамеренная зависть» («maliciousenvy») связана с восприятием чужих успехов как незаслуженных, полученных несправедливо, а сама зависть направлена на уничтожение превосходства другого человека и имеет негативные последствия.

В качестве основных детерминант зависти современная психология называет чужой успех и собственное поражение, а также наличие превосходства другого человека и осознание субъектом своего более низкого социального статуса [10].

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что зависть связана со складом характера и особенностями личности. Исследователями подчеркивается, что зависть находится в корреляции с самооценкой, стремлением

к достижениям [4], отсутствием выдержки, эмоциональной нестабильностью [14], уровнем притязаний, эгоизмом, себялюбием, тщеславием [5]. А. Донцов перечисляет такие корреляты зависти, как уныние, депрессия, недовольство собой, окружающими и жизнью, ощущение беспомощности и озлобленности, осознание невозможности контролировать свою собственную жизнь, заниженная самооценка [4, 466]. Р. М. Шамяионов анализирует личностные корреляты зависти с учетом ее многомерности. Так, автор отмечает, что зависть к физическому превосходству связана с высокой внушаемостью и зависимостью от группы; зависть к социальному превосходству связана с внешним атрибутированием неуспеха и ожиданием успеха как само собой разумеющегося; зависть к интеллектуальному, материальному и социальному превосходству связана с низкими показателями внимательности, решительности и настойчивости [14, 96–97].

Таким образом, контролируемая зависть может выполнять функцию стимулирования человека к достижению более высоких результатов. Однако чаще всего зависть, маскируясь под плохое настроение, раздражительность, неудовлетворенность, депрессию, выполняет деструктивную функцию и может стать причиной неврозов, неадекватных поступков, личных и семейных драм. Зависть сопровождается негативными переживаниями, ощущением своего неблагополучия. Следовательно, зависть является не только предиктором, но и детерминантой неблагополучия личности.

Подводя общий итог, можно сказать, что описанные негативные предикторы переживания благополучия/неблагополучия связаны как с внутренним миром человека, так и с внешним миром и указывают на понижение общего уровня благополучия. Пессимизм, отражающий негативное отношение к миру, связан с состоянием уныния, безнадежности, внутреннего дискомфорта. Несчастье понимается как отсутствие счастья, субъективного благополучия, но не наличие страдания. Завистливость рассматривается как склонность человека к негативным переживаниям, связанным с созерцанием успеха и благополучия других людей. Представления о себе как о пессимисте, несчастливом и завистливом человеке являются индикаторами психологического неблагополучия, с одной стороны, и позволяют спрогнозировать неблагополучие в будущем, с другой стороны.

1. *Бахтин М. В.* Счастье и блаженство в свете христианской антропологии : учеб. пособие. М., 2005. 82 с. [Электронный ресурс]. URL: http://blagozvon.ucoz.ru/_ld/2/246_sib.htm (дата обращения: 15.02.2015).

2. *Гордеева Т. О.* Оптимистический/пессимистический стиль мышления, психологическое благополучие и проблема продолжительности жизни россиян // Здоровье нации и образование : материалы науч.-практ. конгр. IV Всерос. форума «Здоровье нации — основа процветания России». М., 2008. Т. 2. С. 36–38.

3. *Джидарьян И. А.* Психология счастья и оптимизма. М., 2013.

4. *Донцов А.* Феномен зависти. *Nomoinvidens?* М., 2014.

5. *Ильин Е. П.* Психология зависти, враждебности, тщеславия. СПб., 2014.

6. *Карпетян Л. В.* Предикторы эмоционально-личностного благополучия. Ч. 1: интернальные позитивные предикторы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 2 (174). С. 66–73.

7. Карпетян Л. В. Предикторы эмоционально-личностного благополучия. Ч. 2: экстерналистские позитивные предикторы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 4 (180). С. 82–90.
8. Карпетян Л. В., Глотова Г. А. Эмоционально-личностное благополучие : монография. Екатеринбург, 2017. 212 с.
9. Лепихова И. В. Ментальность и реальность // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 6. С. 41–57.
10. Муздыбаев К. Завистливость личности // Психол. журн. 2002. Т. 23, № 6. С. 38–50.
11. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности: (Опыт социолого-психологического исследования) // Социология культуры. 2003. № 12.
12. Перова, Е. А., Ениколопов С. Н. Оптимизм как одна из составляющих субъективного благополучия // Вопр. психологии. 2009. № 1. С. 51–57.
13. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006.
14. Шамянов Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 268 с.
15. Шамсутдинова Н. К. Смена курса демографической политики в СССР в 1970–1980-е гг. // Институты развития демографической системы общества : V Урал. демогр. форум : сб. материалов. Екатеринбург, 2014. С. 360–365.
16. Armbruster D., Pieper L., Klotsche J., Hoyer J. Predictions get tougher in older individuals: a longitudinal study of optimism, pessimism and depression [Electronic resource] // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2015. Vol. 50, iss. 1, Jan. P. 153–163. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00127-014-0959-0> (accessed: 14.09.2011).
17. Friedman H. S., Robbins B. D. The negative shadow cast by positive psychology: Contrasting views and implications of humanistic and positive psychology on resilience // The Humanistic Psychologist. 2012. Vol. 40 (1). P. 87–102.
18. Held B. S. The negative side of positive psychology [Electronic resource] // Journal of Humanistic Psychology. 2004. Vol. 44. P. 9–46. URL: <http://www.bowdoin.edu/faculty/b/bheld/pdf/JHP-held-2004.pdf> (accessed: 14.09.2011).
19. Plutchik R. Emotions — A Psychoevolutionary Synthesis. N. Y., 1980. 336 p.
20. Yuval P. The relationships between daily optimism, daily pessimism, and affect differ in young and old age [Electronic resource] // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50, iss. 8, June. P. 1294–1299. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886911001061> (accessed: 14.09.2011).

Статья поступила в редакцию 16.10.2018 г.

УДК 159.9.072.432 + 159.944.4 + 372.2.016

**Т. Б. Сергеева
И. А. Ильченко**

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕФЛЕКСИИ И КРИЗИСНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ У ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ РАБОТЫ

Статья посвящена проблеме взаимосвязи рефлексии и кризисных переживаний у педагогов дошкольной образовательной организации с разным стажем работы. Исследование показало, что вне зависимости от стажа кризис достижений переживается более продуктивно педагогами, склонными к рефлексивному анализу своей жизни. Выраженные различия в работе рефлексивных механизмов в зависимости от стажа обнаружены в переживании смысложизненного кризиса: молодым педагогам помогает справиться с кризисом рефлексия опыта других людей, а педагоги со стажем рефлексируют собственный жизненный путь и профессиональный опыт.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рефлексия; кризис; кризисные переживания; педагоги дошкольной образовательной организации; педагогический стаж.

Введение в проблему

В современном обществе ступень дошкольного образования представляет собой структурированную часть социального института, которая имеет свои цели, задачи, средства и методическое обеспечение. В силу открытости образования требования к качеству профессиональной деятельности педагога дошкольного образования возрастают, а педагоги все больше стремятся к профессиональному успеху. Важной характеристикой современного педагога дошкольного образования становится способность находить решения социально и профессионально значимых проблем, а также быть субъектом своего профессионального развития, преодолевать профессиональные трудности.

В то же время на фоне процессов инноваций значительно увеличиваются психоэмоциональные нагрузки на педагогов дошкольных образовательных организаций (ДОО), возрастает число стрессовых ситуаций, связанных с работой не только с детьми, но и с их родителями. Все эти факторы вызывают психологический дискомфорт и приводят к снижению адаптационных возможностей педагога, тем самым усиливая кризисные переживания. Для успешного преодоления возникающих профессиональных трудностей педагогу важно обладать развитой рефлексией. Именно рефлексия обладает мощным потенциалом, обеспечивающим профессиональную самореализацию и самосохранение педагога.

СЕРГЕЕВА Тамара Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (e-mail: tamara.2005@mail.ru).

ИЛЬЧЕНКО Ирина Александровна — магистр психологии, воспитатель филиала МБДОУ «Детство» д/с № 478, г. Екатеринбург (e-mail: Irishka-333333@yandex.ru).

© Сергеева Т. Б., Ильченко И. А., 2019

О. А. Соломенникова отмечает, что от современного педагога ступени дошкольного образования требуется высокий профессионализм, который основывается не на использовании традиционных методик и технологий, а на внедрении научно обоснованных современных педагогических технологий. При этих условиях педагогу необходимо непрерывное образование и самообразование. Предъявляются требования не только к уровню квалификационной подготовки педагога, но и к опыту работы [15].

Целью данного исследования является анализ характера взаимосвязи рефлексии и кризисных переживаний у педагогов дошкольной образовательной организации с разным стажем работы.

В. Р. Манукян отмечает, что теоретические представления о кризисах, сформированные в отечественной психологии профессионального развития, представляют собой конкретизацию принципов развития личности, которые сформированы в культурно-исторической теории происхождения и формирования психики и сознания Л. С. Выготского; психологической теории личности и деятельности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна; теории культурно-исторической обусловленности развития личности Б. Г. Ананьева; теории развития личности ребенка Л. И. Божович; концепциях В. В. Давыдова и Д. Б. Эльконина [13].

Б. Г. Ананьев предлагал различать два типа кризисов в зависимости от того, какие возможности они оставляют для человека в реализации жизни. Кризис первого типа, в его понимании, представляет собой серьезное потрясение, которое сохраняет определенный шанс выхода на прежний уровень жизни. Кризис второго типа перечеркивает имеющиеся жизненные замыслы, оставляя в виде единственного выхода из положения трансформацию самой личности и ее смысла жизни [1].

По мнению И. С. Кона, слово «кризис» подчеркивает момент нарушения равновесия, появления новых потребностей и перестройки мотивационной сферы личности [11]. Р. А. Ахмеров также определял критическое жизненное событие как стадию неравновесия, когда у личности нет заранее готовой программы поведения [3].

А. Г. Амбрумова определила психологический кризис как следствие конфликтов и утрат в сфере, которая высоко значима для личности. События, которые имели для человека и его психологической целостности переломное значение, вызывают дисбаланс конструктивных и разрушительных тенденций и форм психической деятельности. Также автор отмечает, что есть предрасположенность личности к формированию кризисных реакций, которая зависит от адаптации и социализации личности [2].

Ф. Е. Василюк выделил четыре основных понятия, которыми в современной психологии описывают критическую жизненную ситуацию (КЖС), — стресс, фрустрация, конфликт и кризис, подчеркивая, что ясных отношений между ними до сих пор не установлено [5].

Профессия педагога сложна и многогранна: она требует длительной образовательной подготовки, предполагает развитый уровень как личностных, так и профессиональных качеств, профессиональной компетентности. Несоответствие этому вызывают у педагогов кризисные переживания.

Н. О. Садовникова отмечает, что кризисные переживания в профессиональной деятельности педагога представляют собой неопределенное состояние, точку, прохождение которой предопределяет дальнейший путь развития личности в профессии и либо обеспечит переход ее на следующую стадию развития и профессионального становления, либо приведет к стагнации педагога [14].

О. В. Тимофеева подчеркивает, что кризисные переживания педагога заслуживают повышенного внимания, поскольку их преодоление может быть как конструктивным, так и деструктивным. Последнее может проявляться в стагнации, которая сопровождается деформацией личности и т. д. [17].

В. Р. Манукян утверждает, что кризисные переживания имеют глубокие корни. Человек, сталкиваясь с биологическими, психологическими и социокультурными признаками того, что жизнь проходит, понимает, что у него в жизни происходят существенные изменения в семейных ролях, профессиональном статусе [13].

Проведенное Н. О. Садовниковой и Т. Б. Сергеевой феноменологическое исследование содержания кризисных переживаний личности в профессиональной деятельности позволило сделать вывод, что в ситуации кризиса педагоги начинают остро воспринимать оценку своей деятельности, ощущать отсутствие контроля над деятельностью и профессиональными ситуациями [19].

Э. Э. Сыманюк отмечает, что профессиональные кризисы личности могут выражаться изменением темпа и пути профессионального развития личности, сопровождаться перестройкой смысловых структур профессионального сознания и переориентацией на новые цели. Знания психологических механизмов, особенностей и закономерностей кризисных явлений позволяют их преодолевать. Уход от них грозит человеку профессиональной дезадаптацией, крушением профессиональных надежд, несостоятельностью профессиональной биографии [16].

Таким образом, можно утверждать, что конфликтные ситуации и сопровождающие их кризисные состояния несут угрозу здоровью, снижают у педагогов успешность и качество выполнения работы, повышают текучесть кадров. Кризисные переживания понижают удовлетворенность трудом, деформируют характер и личностные качества человека. В ряде работ доказывается, что одним из механизмов переживания кризиса является рефлексия [7, 8, 12].

А. А. Жигулин, Н. И. Плаксина и Е. Н. Рябышева отмечают, что в отечественной психологии понимание рефлексии является многозначным. Выделяются следующие аспекты ее рассмотрения. Первый аспект представляет рассмотрение рефлексии в связи с изучением теоретического, творческого мышления; второй — социально-психологический — связан с изучением рефлексии в различных видах совместной деятельности людей; третий — предполагает выделение эмоционального, личностного аспекта, изучение рефлексии в связи с исследованием саморегуляции, самосознания и условий его формирования [9].

М. В. Клементьева, изучавшая биографическую рефлексия в контексте жизненного кризиса, определяет ее как предметную форму рефлексии, непосредственно направленную на осмысление индивидуальной жизни субъекта [10].

Работы Н. А. Деевой посвящены рефлексивному механизму переживания в различных ситуациях жизнедеятельности человека (в том числе и кризисных).

Она определяет рефлексивные механизмы как психологические, которые способствуют обращению активности человека на переоформление значимых ценностно-смысловых образований с целью организации жизнедеятельности и взаимодействия с окружающим миром. Иными словами, значимость деятельности (в том числе и профессиональной) актуализируется и оформляется посредством рефлексивных механизмов переживания [7].

Л. Г. Жедунова утверждает, что личный кризис характеризуется высоким уровнем неопределенности и останавливает активность субъекта, тем самым актуализируя рефлекссию на всех ее уровнях проявления. Она доказала, что на разных этапах переживания личностного кризиса мера, форма и направленность рефлексии предполагают изменения, которые подчиняются определенным закономерностям [8].

Н. А. Липатова, Е. А. Черкевич и А. С. Шаров определяют жизненный кризис как невозможность собрать себя, свое «я» в целостный и непротиворечивый образ для того, чтобы выстроить в единую линию прошлое, настоящее и будущее. Функцию «сбора» своего образа и преодоления кризиса, по мнению авторов, выполняют рефлексивные механизмы [12].

Д. И. Гасанова выделяет следующие индикаторы высокого уровня развития рефлексивных способностей педагога ДОО: обладание широкой эрудицией, педагогической интуицией, высокоразвитым интеллектом, высоким уровнем нравственной культуры, владение новейшими технологиями в области обучения и воспитания детей, гибкость мышления, творческий подход к своей деятельности, потребность в постоянном саморазвитии и самосовершенствовании [6].

Переживание педагогами кризисных состояний актуализирует внутренние ресурсы, заставляя личность конструировать новые границы своего профессионального пространства. Рефлексия обеспечивает нахождение новых профессиональных горизонтов, перспектив профессионального развития.

В данном исследовании кризисные переживания понимаются как психологическое состояние, которое возникает в ответ на субъективно значимую для человека ситуацию, которая произошла/происходит/будет происходить. Рефлексия же понимается как внутренняя психическая деятельность человека, направленная на осмысление своих собственных действий и состояний.

Проведенный теоретический анализ, а также результаты собственных эмпирических исследований [4, 14, 19] позволили выдвинуть *гипотезу*, что существует взаимосвязь уровня рефлексии и характера кризисных переживаний у педагогов дошкольной образовательной организации, причем структура взаимосвязей различна у начинающих и опытных педагогов.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 100 воспитателей дошкольных образовательных организаций г. Екатеринбурга в возрасте от 21 до 60 лет с разным педагогическим стажем. В подвыборку опытных педагогов (стаж работы от 15 лет и больше) вошли 35 человек, в подвыборку молодых специалистов (стаж работы до 10 лет) — 65 человек.

Для сбора эмпирических данных были использованы следующие методики: тест «Биографическая рефлексия» М. В. Клементьевой, методика «Индивидуальная мера рефлексивности» А. В. Карпова, опросник кризисных переживаний В. Р. Манукян, опросник смысложизненного кризиса К. В. Карпинского.

Основной метод математико-статистической обработки — корреляционный анализ по методу Спирмена.

Реализовывался сравнительный дизайн исследования по типу сравнения характера корреляционных связей в общей выборке педагогов ДОО и подвыборках по стажу.

Результаты исследования и их обсуждение

Выявленные взаимосвязи параметров рефлексии и кризисных переживаний представлены в табл. 1–3.

Анализ взаимосвязей в *общей выборке* (табл. 1) выявил обратную взаимосвязь между шкалой «Кризис достижений» и шкалами «Когнитивная составляющая рефлексии» ($r = -0,261$; $p = 0,009$) и «Рефлексия своей жизни» ($r = -0,261$; $p = 0,009$). Кризис достижений — нормативный возрастной кризис, приходящийся на 30-летний жизненный рубеж и связанный с первым подведением итогов вступления во взрослую самостоятельную жизнь. Результаты демонстрируют, что переживания кризиса достижений более выражены у педагогов, не обладающих рефлексивным взглядом на свою жизнь, не имеющих навыков анализа событий и формирования оценочного отношения к ним. В случае кризиса достижений рефлексия играет положительную, стабилизирующую роль в процессе его переживания.

Таблица 1

Корреляционные связи показателей рефлексии и кризисных переживаний в общей выборке

Параметры кризисных переживаний	Параметры рефлексии		
	когнитивная составляющая	личностная составляющая	рефлексия своей жизни
Экзистенциальный возрастной кризис		,309**	,287**
Кризис достижений	-,261**		-,261**

Пр и м е ч а н и е. Здесь и далее * — корреляционная связь на уровне значимости $p < 0,05$, ** — корреляционная связь на уровне значимости $p < 0,01$.

Выявлены прямые взаимосвязи между шкалой «Экзистенциальный кризис» и шкалами «Личностная составляющая рефлексии» ($r = 0,309$; $p = 0,002$) и «Рефлексия своей жизни» ($r = 0,287$; $p = 0,004$). Экзистенциальный кризис — другой нормативный возрастной кризис, связанный с условной «серединой жизни», содержание которого составляет переживание пустоты и бесперспективности бытия, происходящих возрастно-временных изменений. В этом случае

рефлексивная позиция по отношению к своей жизни — поиск смыслов и анализ значимости событий играет противоположную роль по сравнению с кризисом достижений — она усиливает экзистенциальные кризисные переживания. В свою очередь, переживание нормативного кризиса усиливает рефлексивные процессы, которые в данном контексте могут быть оценены как один из механизмов переживания кризиса.

Для уточнения направленности связи кризисных переживаний и различных составляющих рефлексии на этапах профессиональной деятельности рассмотрим результаты в стажевых группах педагогов ДОО.

Взаимосвязи, выявленные в подвыборке молодых педагогов ДОО, представлены в табл. 2. Была обнаружена прямая взаимосвязь между шкалами «Биографические кризисные переживания» и «Биографическая рефлексия» ($r = 0,452$; $p = 0,035$). Данная взаимосвязь означает, что чем сильнее молодой педагог переживает «непродуктивность» и незначимость своего жизненного пути, переосмысливая свое прошлое, настоящее и будущее, тем более он будет способен использовать результаты анализа событий и фаз своей жизни как возможности саморазвития, обретения смысла жизни.

Таблица 2

Корреляционные связи показателей рефлексии и кризисных переживаний в подвыборке молодых педагогов ДОО

Параметры кризисных переживаний	Параметры рефлексии	
	биографическая рефлексия	рефлексия жизни другого
Биографические кризисные переживания	0,452*	
Смысложизненный кризис		-,552**

Была обнаружена обратная взаимосвязь между шкалами «Смысложизненный кризис» и «Рефлексия жизни другого» ($r = -0,552$; $p = 0,008$). Можно предположить, что рефлексивный анализ молодыми педагогами ДОО образа жизни других людей, транслируемого культурой, позволяет минимизировать кризисные переживания, связанные с недостаточной осмысленностью жизни. Смыслопоисковая активность, удовлетворенность жизнью и мотивация жизнедеятельности свойственны молодым педагогам, готовым рефлексировать чужой опыт (в том числе и профессиональный).

Далее были проанализированы взаимосвязи в подвыборке опытных педагогов ДОО (табл. 3). Как видно из табл. 3, педагоги со стажем продемонстрировали более многочисленные и плотные связи параметров кризисных переживаний и рефлексии, чем их молодые коллеги.

Была выявлена прямая взаимосвязь шкал «Биографические кризисные переживания» и «Рефлексия своей жизни» ($r = 0,340$; $p = 0,045$), позволившая предположить, что чем больше педагог переосмысливает свое прошлое, настоящее или будущее, тем больше он углубляется в анализ переживания жизни, проявляет внимание к экзистенциальному опыту.

Таблица 3

**Корреляционные связи показателей рефлексии и кризисных переживаний
в подвыборке опытных педагогов ДОО**

Параметры кризисных переживаний	Параметры рефлексии			
	биографическая рефлексия	рефлексия своей жизни	рефлексия жизни другого	уровень рефлексивности
Экзистенциальный возрастной кризис	-,552**			-,552**
Кризис достижений				
Общая выраженность кризиса			,340*	
Смысложизненный кризис		-,512*		
Биографические кризисные переживания		,340*		

Переживание нормативных возрастных кризисов отрицательно связано с параметрами рефлексии. Так, экзистенциальный возрастной кризис (кризис «середины жизни») проходит более сглажено у педагогов, способных использовать рефлексию своего жизненного пути как средство саморазвития и осмысливания жизни ($r = -0,552$; $p = 0,008$). Кризис достижений прошел с положительными оценками итогов начальных этапов личной и профессиональной биографии у педагогов с высоким уровнем рефлексивности ($r = -0,552$; $p = 0,008$).

Содержательно близкие параметры «смысложизненный кризис» и «общая выраженность кризиса» продемонстрировали разнонаправленный характер связи с разными параметрами рефлексии: отрицательную связь с рефлексией своей жизни ($r = -0,512$; $p = 0,015$) и положительную — с рефлексией жизни других ($r = 0,340$; $p = 0,045$) (табл. 3). Это позволяет предположить, что среди опытных педагогов ДОО кризисные переживания менее выражены у тех, кто склонен к анализу событий своего жизненного пути и не сравнивает свою жизнь с другими, кто рефлексиирует собственный опыт, а не чужой.

Выводы

1. Таким образом, результаты исследования подтвердили гипотезу о существовании взаимосвязи уровня рефлексии и характера кризисных переживаний у педагогов ДОО, причем структура взаимосвязей различна у начинающих педагогов и опытных педагогов.

2. Кризисные переживания молодых педагогов ДОО в меньшей степени взаимосвязаны с параметрами рефлексии. С увеличением педагогического стажа возрастает роль рефлексии в регулировании переживания нормативных возрастных кризисов.

3. Вне зависимости от стажа кризис достижений переживается менее болезненно и более продуктивно педагогами, склонными к рефлексивному анализу своей жизни.

4. Выраженные различия в работе рефлексивных механизмов в зависимости от стажа обнаружены в переживании смысложизненного кризиса. Анализ жизненного опыта других людей, транслируемого социумом, помогает в смыслотворчестве молодым педагогам ДОО и сопровождает негативное течение кризиса педагогов со стажем. Опытные педагоги справляются со смысложизненным кризисом, рефлексировав свой жизненный путь и профессиональный опыт.

1. *Ананьев Б. Г.* Некоторые проблемы психологии взрослых // Психология развития. СПб., 2001. С. 298–329.
2. *Амбрумова А. Г.* Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психол. журн. 1985. № 6. С. 107–115.
3. *Ахмеров Р. А.* Биографические кризисы личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 19 с.
4. *Белова И. А. (Ильченко И. А.), Сергеева Т. Б.* Исследование уровня рефлексии у педагогов дошкольной образовательной организации // Ананьевские чтения–2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов : материалы междунар. конф., 24–26 окт. 2017 г., С.-Петербург. СПб., 2017. С. 184–185.
5. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984. 200 с.
6. *Гасанова Д. И.* Актуальность рефлексивного подхода подготовки педагога к профессиональной деятельности // Изв. Дагест. гос. пед. ун-та. Психолого-педагогические науки. 2013. Вып. 2 (23). С. 49–53.
7. *Деева Н. А.* Рефлексивные механизмы самопонимания // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнестроительства. Кемерово, 2002. С. 123–124.
8. *Жедунова Л. Г.* Феноменологическое исследование субъективного опыта переживания личностного кризиса // Ярослав. пед. вестн. 2012. № 1. С. 238–243.
9. *Жигулин А. А., Плаксина Н. И., Рябышева Е. Н.* Феномен рефлексии как психологическая проблема // Территория науки. 2015. № 2. С. 23–27.
10. *Клементьева М. В.* Биографическая рефлексия во взрослом возрасте: содержание, функции, генез : дис. ... д-ра психол. наук. Тула, 2018. 523 с.
11. *Кои И. С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 151 с.
12. *Липатова Н. А., Черкевич Е. А., Шаров А. С.* Тренинг преодоления жизненного кризиса : учеб. пособие. Омск, 2008. 76 с.
13. *Манукян В. Р.* Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 217 с.
14. *Садовникова Н. О., Сергеева Т. Б.* Смысложизненные ориентации педагогов в ситуации профессионального кризиса личности // Научный диалог. 2016. Вып. 9 (57). С. 297–310.
15. *Соломенникова О. А.* Профессиональная деятельность педагогов дошкольного образования в условиях изменяющегося мира: проблемы и перспективы. Конференциум АСОУ : сб. науч. тр. и материалов науч.-практ. конф. М., 2017. С. 759–764.
16. *Сьманюк Э. Э.* Психология профессионально обусловленных кризисов. Воронеж, 2004. 320 с.
17. *Тимофеева О. В.* Профессиональные кризисы преподавателя // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Проблемы высшего образования. 2012. № 1. С. 185–188.
18. *Шаров А. С.* О-граниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск, 2000. 358 с.
19. *Sadovnikova N. O., Sergeeva T. B., Suraeva M. O., Kuzmina O. Y.* Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 11(14). P. 898–912.

УДК 316.628-053.6 + 159.962 + 37.032

Р. Р. Муслумов
А. А. Печеркина
И. П. Веденкина

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи психологических защит подростков с типом акцентуации характера. Под психологической защитой понимаются такие механизмы психики, которые развиваются для совладания с основными аффективными процессами и влечениями. Акцентуация характера определяется как чрезмерно выраженная черта характера, которая делает подростка уязвимым к специфическим воздействиям. В основу исследования положена типология психологических защит Р. Плутчика и типология акцентуаций характера К. Леонгарда. По результатам исследования установлены взаимосвязи психологических защит с определенными типами акцентуаций характера, а именно: между реактивным образованием и застреванием, эмотивностью, тревожностью и экзальтированностью; между замещением и возбудимостью; между проекцией и застреванием; между компенсацией и дистимией, эмотивностью; между регрессией и дистимией, циклотимией; между вытеснением и экзальтированностью; между отрицанием и демонстративностью; между интеллектуализацией и педантичностью. Полученные результаты возможно использовать для разработки программ психологического сопровождения подростков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психологические защиты; акцентуации характера; подростковый возраст.

В современном обществе на человека оказывает воздействие множество разнообразных факторов, в том числе вызывающих дискомфорт, травмирующих и дестабилизирующих личность. В этих условиях становится важным, сохраняя целостность своего «я», суметь быстро и безболезненно адаптироваться к меняющимся социальным условиям. В связи с этим исследование защитного поведения приобретает особую значимость.

Опубликовано немало работ отечественных и зарубежных авторов, на протяжении многих лет занимавшихся изучением психологических защит (Ф. В. Бассин, Р. Л. Гребенникова, Э. Н. Киршбаум, Е. С. Романова, Е. Т. Соколова, В. А. Ташлыков, З. Фрейд, А. Фрейд и др.).

МУСЛУМОВ Рустам Рафикович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: mrr82@yandex.ru).

ПЕЧЕРКИНА Анна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий кафедрой педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: 79apa@mail.ru).

ВЕДЕНКИНА Ирина Павловна — практический психолог, г. Екатеринбург (e-mail: Ved.i.p@yandex.ru).

© Муслумов Р. Р., Печеркина А. А., Веденкина И. П., 2019

Основа для исследований психологических защит была заложена в концепции А. Фрейд, разработанной в контексте психоаналитического подхода. Она пришла к выводу, что использование человеком психологической защиты не снимает внутриличностных конфликтов, страхи сохраняются и в итоге приводят к высокой вероятности появления психоневротических и психосоматических расстройств и других психических нарушений [3].

Наиболее полной и детально разработанной концепцией психологической защиты в настоящее время считается психоэволюционная теория эмоций Р. Плутчика, разработанная совместно с Г. Келлерманом и Х. Конте. Именно она стала основой для построения теоретической модели психологической защиты.

Следует отметить, что понятие «психологическая защита» используется при описании любого типа поведения, нацеленного на преодоление психологической дисгармонии, дискомфорта личности. Это целый комплекс индивидуальных, характерных для данного человека поведенческих реакций, направленных на устранение переживаний, травмирующих и дестабилизирующих личность. Пытаясь устранить возникшие разрушающие факторы, человек сам вырабатывает у себя защитные механизмы, которые ограждают сферу сознания личности от переживаний, ставящих под угрозу целостность его психики.

С помощью успешного осуществления комплекса психологических защит, как правило, можно реализовать лишь временное, нестабильное личностное благополучие. Все неразрешенные проблемы и неприятности, переживания, которые психика человека «расценила» как дезорганизирующие и создала комплекс защит, вскоре приобретут хронический характер. Человек, «спуская» проблему на подсознательный уровень, перестает ощущать причинно-следственные связи, таким образом, истинный источник негативных переживаний и постоянного напряжения просто не осознается личностью, а следовательно, и не устраняется проблема, внимание фиксируется лишь на осознаваемых последствиях неприятностей [4].

К специфическим проявлениям данного феномена относятся:

- проекция вины во вне, даже в случаях, когда причиной аффективных переживаний является сам пострадавший;
- «отчуждение» переживаний, выражающееся в потребности рассказа о них другому лицу или реализуемое посредством художественного творчества;
- неосознаваемая смена установок и мотиваций, при которой противоречия, являвшиеся следствием первоначальных стремлений, устраняются;
- способность к самопоощрению и самопрощению;
- забывание.

По мнению И. М. Никольской и Р. М. Грановской, есть трудности практического изучения психологической защиты, так как многие стороны и закономерности этого психического явления не определены и как следствие — вызывают большое количество терминологических неточностей и проблему сопоставимости данных, полученных разными авторами [9].

Неоднократно предпринимались попытки систематизации и группировки механизмов психологической защиты по различным основаниям. Так,

в оригинальной монографии Анны Фрейд описаны 15 механизмов защиты. Но среди ее последователей единого мнения об их количестве нет [11].

При этом в каждом способе защиты можно усмотреть как отрицательные последствия, так и положительные. Есть более эффективные, более «здоровые» способы защиты, которые действительно ведут к оптимизации адаптации при условии разумного и умеренного их применения, такие как подавление, вытеснение, рационализация, компенсация, сублимация, юмор и ирония. И также те способы защиты, которые, скорее, ведут к дезадаптации: уход, фантазирование, регрессия, перенос и др. Но, как известно, механизмы психологической защиты в подавляющем большинстве бессознательны и потому неконтролируемы обладателем.

Таким образом, можно констатировать отсутствие унифицированной точки зрения не только на общее число защит, но и на их степень соотносительности друг с другом.

По мнению ряда исследователей (Л. Р. Гребенников, Р. Плутчик, Е. С. Романова) [2, 10], механизмы психологической защиты рассматриваются как основа всех копинг-стратегий, которые развиваются для совладания с основными аффективными процессами и влечениями.

Психологические защитные функции определяют поведенческие модели и влияют на формирование типа личности, из чего можно сделать вывод, что индивидуальный стиль личности напрямую зависит от подсознательного выбора форм психологической защиты.

Следует отметить, что все люди в той или иной степени используют психологические защиты, но наиболее ярко это проявляется в ситуациях адаптации, тревоги, беспокойства, характерных для подросткового возраста.

Подростковый возраст — период в развитии человека, когда он сталкивается с обществом один на один и старается быть принятым [5]. Данный период считается одним из самых сложных в онтогенезе и не для всех подростков проходит безболезненно. Нередко возникают ситуации, которые ставят подростка в тупик, возрастает количество внешних и внутренних конфликтов. В результате он старается защититься, а может, и вовсе отдалиться не только от обидчика, но и от всего общества.

В данном возрасте юноши и девушки уязвимы, одиноки и не защищены. Подростки часто не могут сделать самостоятельный выбор или взять на себя ответственность за свое поведение, не готовы к жестким требованиям социума. Не обладая жизненными навыками, не умея выбирать эффективные способы снятия напряжения, которые давали бы им возможность сохранить свою индивидуальность и сформировать здоровый и эффективный стиль жизни, они не справляются с многочисленными проблемами, что может привести к дезадаптивному и саморазрушающему поведению.

Впервые типично подростковые защитные механизмы, а именно аскетизм и интеллектуализм, были описаны А. Фрейд [11]. В дальнейшем психологи среди типичных защитных механизмов, поддерживающих функционирование «я», стали выделять проекцию, регрессию, вытеснение, идентификацию. В системе

психологической защиты доминирующий характер имеют защитные механизмы изоляции и проекции. В подростковом периоде основной формой психологической защиты являются фантазии, через которые подросток отыгрывает агрессию.

По мнению А. Е. Личко, суть подросткового комплекса составляют свойственные этому возрасту определенные подростковые реакции на воздействие окружающей социальной среды. К ним относятся реакции увлечения, эмансипации, группирования со сверстниками, сексуального влечения. Кроме того, у подростков в определенной мере сохраняют свое значение детские (характерологические) поведенческие реакции — оппозиции, имитации, компенсации и гиперкомпенсации [8]. К старшему подростковому возрасту защиты становятся более зрелыми.

Использование психологических защит обусловлено особенностями характера подростка, формирование которого практически полностью завершается к периоду ранней юности. В изучении личности подростка особую роль играют акцентуации характера, являющиеся признаками дезадаптивности.

Акцентуация характера — гипертрофированное развитие одних свойств характера в ущерб другим, в результате чего ухудшается взаимодействие с окружающими. Ее выраженность может быть различной — от едва заметной только близким людям до крайних вариантов, когда приходится задумываться, нет ли у человека болезни — психопатии.

В подростковом возрасте акцентуации встречаются часто. По данным Н. Я. Иванова, частота встречаемости акцентуаций характера среди популяции здоровых подростков в различных учебных заведениях колеблется от 33 до 88 % [7]. В исследовании И. В. Бадиева речь идет об увеличении акцентуированных подростков до 90 % [1].

У акцентуированных подростков отмечаются положительные социальные контакты и вполне социально одобряемые реакции, когда они пребывают в психологически благоприятной среде, которая не способствует актуализации обостренных черт личности. Если же ситуация неблагоприятна или резко меняется в своем значении для ребенка, можно ожидать соответствующих изменений его поведения, эмоционально-волевых реакций [10].

Понимание того, какими психологическими защитами пользуется подросток, какие из них наиболее актуальны, какие из них связаны с акцентуациями характера, поможет лучше понять его поведение в неблагоприятных ситуациях и выстроить с ним конструктивные взаимоотношения. В связи с этим становится актуальным исследование взаимосвязи психологических защит и выраженности акцентуаций характера.

Методы исследования

Цель работы — определить взаимосвязи между типами психологических защит и выраженностью акцентуаций характера у подростков.

В эмпирическом исследовании принимали участие старшие подростки в возрасте от 14–15 лет в количестве 77 человек, из них 39 девушек и 38 мальчиков.

В качестве методик психодиагностического исследования использовались:

1) опросник «Индекс жизненного стиля» Плутчика — Келлермана — Конте в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ершова, Е. Б. Ерышева для определения типа психологической защиты;

2) опросник Леонгарда — Шмишека для определения типа акцентуаций характера.

Для математической обработки данных использовались методы описательной статистики и коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Результаты, полученные по методике «Индекс жизненного стиля» (Плутчика — Келлермана — Конте в адаптации Вассермана, Ершова, Ерышева), указывают на то, что общая напряженность защитных механизмов в группе подростков не превышает 50-процентный рубеж, что говорит об умении подростков справляться с внешними и внутренними конфликтами.

Однако показатели по отдельным шкалам выражены более сильно. В качестве ведущих выступают реактивное образование — 91 % напряженности защитных механизмов (показатель свыше 50 % указывает на выраженные конфликты), компенсация — 71 % и замещение — 71 %. Полученный результат подтверждает то, что подростки чаще всего предотвращают выражение неприятных или неприемлемых мыслей, чувств, поступков путем преувеличенного развития противоположных стремлений, ищут замену недостатка или чувства другим качеством с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности, подавленные эмоции (как правило, враждебность, гнев) направляют на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства.

Также для подростков характерен такой тип психологической защиты, как вытеснение (68 %), когда не приемлемые для личности импульсы (желания, мысли, чувства, вызывающие тревогу) становятся бессознательными, как бы забываются, но сохраняют свои эмоциональные и психовегетативные компоненты.

На среднем уровне в группе подростков находятся показатели регрессии — 56 % (стремление избежать тревоги путем перехода на более ранние стадии развития), интеллектуализации — 51 % (пресечение переживаний при помощи логических установок и манипуляций), отрицания — 50 % (информация, которая тревожит и может привести к конфликту, не воспринимается).

На последнем месте — проекция, 16 % (неосознаваемые личностью и не приемлемые для нее чувства и мысли локализируются вовне, приписываются другим людям).

Далее рассмотрим результаты диагностики акцентуаций характера по методике Леонгарда — Шмишека.

Полученные результаты указывают на то, что у большинства подростков (26 %) выражена гипертимная акцентуация характера. Для них характерны

подвижность, чрезмерная самостоятельность, склонность к озорству. У 18,2 % подростков проявляется демонстративная акцентуация (стремление быть в центре внимания, поверхностность эмоций). У 16,9 % подростков чрезмерно выражена эмотивность (эмоциональность, чувствительность, болтливость, глубокие реакции в области тонких чувств), у 15,6 % — возбудимая акцентуация (неуправляемость, импульсивность), у 13 % отмечается выраженная циклотимия (частая смена настроений). 10,4 % подростков имеют экзальтированную акцентуацию (подверженность сиюминутным настроениям, порывистость, лабильность), 9,1 % — застревающую акцентуацию (для них характерны стойкость аффектов, злопамятность, конфликтность), 7,8 % — педантичную (ригидность, инертность), тревожную (низкая контактность, минорное настроение, робость, пугливость, неуверенность в себе) и дистимную (подавленность, депрессивность, слабость волевых усилий) акцентуации характера.

Таким образом, акцентуированные черты характера выявлены у большинства подростков (70,1 % от общего числа), что может выступать причиной дезадаптации и побуждать их к использованию защитных механизмов.

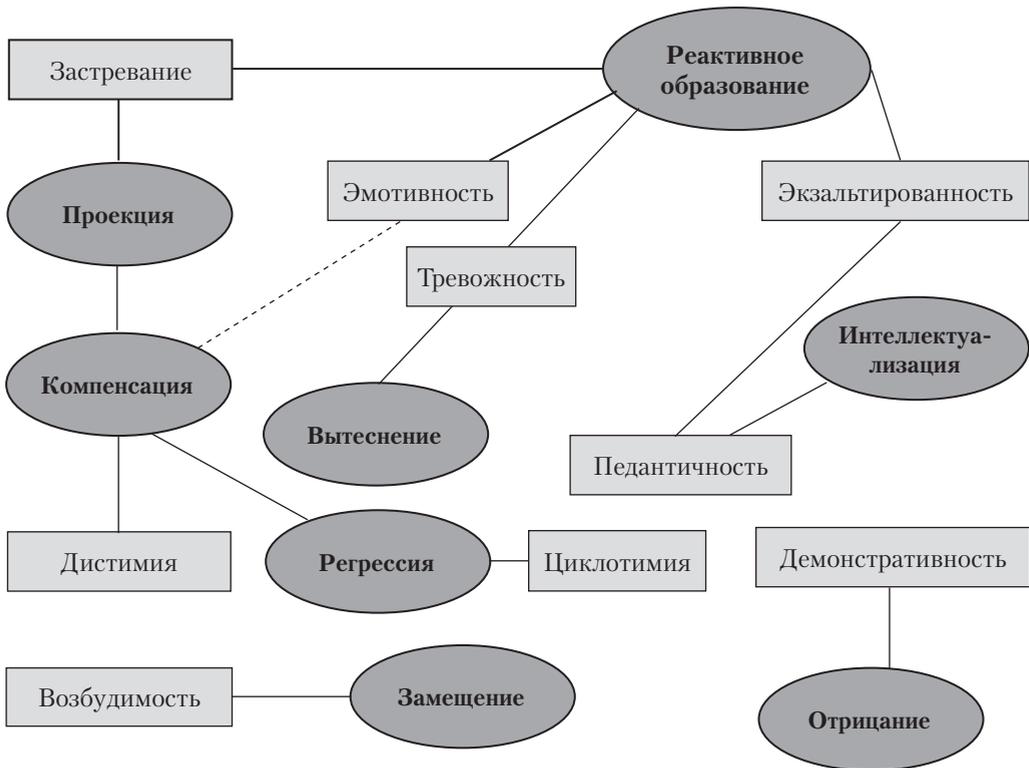
Для установления наличия взаимосвязей между используемыми психологическими защитами и выраженностью акцентуаций характера у подростков использовался корреляционный анализ (см. таблицу).

Результаты корреляционного анализа

Параметр	Отрицание	Вытеснение	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивное образование
Гипертимия	0,16	0,18	-0,14	0,17	0,08	-0,17	-0,15	-0,06
Застревание	0,03	0,05	-0,10	0,20	0,76*	0,02	-0,07	0,26*
Эмотивность	0,03	-0,08	0,12	-0,24*	0,21	0,03	0,22	0,26*
Педантичность	-0,17	-0,08	0,10	0,06	-0,05	0,15	0,66*	0,07
Тревожность	0,12	0,69*	-0,14	0,07	0,19	-0,16	0,05	0,27*
Циклотимия	0,18	0,09	0,68*	0,04	-0,05	-0,21	0,09	0,00
Демонстративность	0,72*	0,01	0,08	0,09	0,02	0,06	0,06	0,06
Возбудимость	-0,05	-0,09	-0,13	0,00	0,04	0,65*	0,13	-0,01
Дистимия	0,08	0,09	0,26*	0,60*	-0,11	0,05	-0,08	-0,01
Экзальтированность	0,08	0,33*	0,03	0,05	0,13	0,02	0,21	0,69*

* Связь значима при $p \leq 0,01$.

Наглядно значимые взаимосвязи психологических защит с акцентуациями характера у подростков отражены в корреляционной плеяде на рисунке.

Значимые взаимосвязи психологических защит с акцентуациями характера:
 сплошная линия — положительная корреляция ($p \leq 0,01$); прерывистая линия — отрицательная корреляция ($p \leq 0,01$); в овалах — психологические защиты; в прямоугольниках — акцентуации характера

Корреляционный анализ показал множественные значимые взаимосвязи психологических защит и акцентуаций характера у подростков.

Отрицание положительно связано с демонстративной акцентуацией характера ($r = 0,72; p \leq 0,01$), т. е. чем больше личность отрицает нечто, вызывающее тревогу и фрустрацию, тем больше выражены демонстративность поведения, склонность к фантазерству, позерству и лжи, жажда внимания.

Вытеснение положительно связано с тревожной акцентуацией ($r = 0,69; p \leq 0,01$) и экзальтированностью ($r = 0,33; p \leq 0,01$), т. е. чем больше подростки склонны вытеснять неприемлемые мысли, желания, чувства в бессознательное, тем больше выражены пугливость, неуверенность в себе, робость, а также высокая интенсивность проявления эмоций.

Регрессия положительно связана с циклотимной акцентуацией ($r = 0,68; p \leq 0,01$) и дистимией ($r = 0,26; p \leq 0,01$), т. е. чем больше подростки склонны переходить на более ранние уровни развития при тревожащих обстоятельствах, тем больше для них характерны подавленность настроения, медлительность, заниженная самооценка, депрессивность, а также частая смена настроений.

Компенсация положительно связана с дистимной акцентуацией ($r = 0,60$; $p \leq 0,01$) и отрицательно — с эмотивностью ($r = -0,24$; $p \leq 0,01$), т. е. чем больше подростки склонны заменять реальные или же воображаемые недостатки посредством фантазирования или приписывания свойств, ценностей, достоинств другой личности, тем больше для них характерны подавленность настроения, медлительность, заниженная самооценка, депрессивность и тем меньше у них проявляются эмоциональность, мягкосердечность, впечатлительность.

Проекция положительно связана с застревающей акцентуацией ($r = 0,76$; $p \leq 0,01$), т. е. чем больше подростки склонны приписывать не приемлемые для них и не осознаваемые ими мысли и чувства другим людям, тем больше они «застревают» на своих чувствах, мыслях, обидах, проявляя подозрительность, мстительность, упорство в достижении своих целей.

Замещение положительно связано с возбудимой акцентуацией ($r = 0,65$; $p \leq 0,01$), т. е. чем больше подростки склонны к разрядке подавленных эмоций на объектах, которые представляют меньшую опасность или являются более доступными, тем больше у них выражены импульсивность, гневливость, нетерпимость, склонность к конфликтам.

Интеллектуализация положительно связана с педантичной акцентуацией ($r = 0,66$; $p \leq 0,01$), т. е. чем более подростки склонны пресекать травмирующие переживания посредством логических установок или манипуляций, тем больше у них выражены пунктуальность, аккуратность, добросовестность, склонность к частым самопроверкам, сомнениям, формализму.

Реактивное образование положительно связано с застревающей акцентуацией ($r = 0,26$; $p \leq 0,01$), с эмотивной акцентуацией ($r = 0,26$; $p \leq 0,01$), с тревожной акцентуацией ($r = 0,27$; $p \leq 0,01$) и экзальтированностью ($r = 0,69$; $p \leq 0,01$), т. е. чем больше подростки склонны предотвращать выражение неприемлемых или неприятных мыслей, чувств посредством преувеличенного развития противоположных стремлений, тем больше они «застревают» на своих чувствах, мыслях, обидах, тем больше у них проявляются мягкосердечность, впечатлительность, пугливость, неуверенность в себе, робость, высокая интенсивность проявления эмоций.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что проблема психологических защит подростков стоит достаточно остро. Изучение распространенности защитных механизмов показало, что наиболее характерными для подростков являются механизмы реактивного образования, компенсации и замещения. Такие подростки перестраиваются на более приемлемые объекты удовлетворения потребностей, зачастую избегают неприятных переживаний. Также исследование показало, что к числу распространенных относятся гипертимная (26 %), демонстративная (18,2 %), эмотивная (16,9 %), возбудимая (15,6 %), экзальтированная (10,4 %) акцентуации характера.

Между используемыми психологическими защитами и выраженностью акцентуаций есть множественные значимые связи. Анализ полученных связей

позволяет прогнозировать построение работы психологов и педагогов с подростками, имеющими выраженные акцентуации. Несмотря на то, что акцентуация не является паталогическим изменением [6], она может быть причиной дезадаптивности и нуждается в коррекции. Учитывая, что программы коррекции акцентуаций характера зачастую встречают сопротивление подростков, в процессе которого ими используются различные психологические защиты, учет данных результатов в построении программ сопровождения и коррекции позволит сделать такую работу более эффективной.

-
1. *Бадиев И. В.* Типология акцентуаций характера у подростков // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 60–65.
 2. *Гребенников Л. Р.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика : дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
 3. *Киришбаум Э. И.* Психологическая защита. М., 2000. 181 с.
 4. *Киришбаум Э., Еремеева А.* Психологическая защита. 3-е изд. СПб., 2005. 176 с.
 5. *Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения : монография. Кострома, 2004.
 6. *Леонгард К.* Акцентуированные личности / пер. В. М. Лещинская. Ростов н/Д, 2000. 541 с.
 7. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков: патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО). СПб., 2013. 251 с.
 8. *Мамайчук И. И., Смирнова М. И.* Психологическая помощь детям и подросткам с расстройствами поведения. СПб., 2010. 384 с.
 9. *Никольская И. М.* Психологическая защита у детей. СПб., 2001. 507 с.
 10. *Романова Е. С.* Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи, 1990. 144 с.
 11. *Хазова С. А.* Эмоциональные ресурсы совладающего поведения // Ярослав. пед. вестн. 2014. Т. 2, № 1. С. 293–297.

Статья поступила в редакцию 14.12.2018 г.

УДК 159.9.072 + 159.923 + 793.3:615

О. И. Дорогина
П. М. Хамова
Е. В. Хлыстова

ПРЕОДОЛЕНИЕ АЛЕКСИТИМИИ МЕТОДОМ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ У ЛИЦ С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Статья посвящена исследованию возможностей танцевально-двигательной терапии для преодоления алекситимии у лиц с невротическими расстройствами. Представлены результаты теоретического анализа проблемы, обобщенные данные о природе алекситимии и ее влиянии на адаптацию. Рассмотрены механизмы танцевально-двигательной терапии с позиций различных авторов. Экспериментальные данные доказывают эффективность танцевально-двигательной терапии для решения обозначенных проблем и возможность ее применения как в стационарных, так и в амбулаторных условиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: алекситимия; невротические расстройства; танцевально-двигательная терапия; тренинг.

Изучение алекситимии и методов ее преодоления — относительно новая тема в клинической психологии. В настоящий момент алекситимия рассматривается как сложный психологический феномен, предполагающий нарушение способности к пониманию и вербализации собственной эмоциональной продукции [2].

Личностный профиль индивидов, склонных к алекситимии, характеризуется высокой тревожностью, недостаточно развитой функцией рефлексии, нечувствительностью к своему физическому и психологическому состоянию, неспособностью активного вмешательства в обстоятельства жизни и др. [4].

Перечисленные выше качества в своей совокупности осложняют саморегуляцию и целостное восприятие жизни, приводят к трудностям в межличностных отношениях [5]. При этом личностная ригидность алекситимиков препятствует возможности увидеть выход из стрессовой ситуации, что приводит к нарушениям адаптации, психосоматическим и невротическим расстройствам. Преодоление алекситимии имеет большое значение не только для профилактики нарушений психического здоровья, но и для лечения различных расстройств.

На настоящий момент существует несколько научных концепций возникновения алекситимии. Их анализ необходим для определения эффективных механизмов и оптимальных психологических технологий ее преодоления.

ДОРОГИНА Ольга Ивановна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского федерального университета (e-mail: dorogina_olga@mail.ru).

ХАМОВА Полина Максимовна — студент кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского федерального университета (e-mail: poli95@bk.ru)

ХЛЫСТОВА Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского федерального университета (e-mail: Duslem6704@mail.ru).

© Дорогина О. И., Хамова П. М., Хлыстова Е. В., 2019

И. С. Корострелова и В. С. Ротенберг [3] рассматривают алекситимию с позиций онтогенеза (алекситимия первично-дизонтогенетического характера) и описывают ее как изначальную несформированность способности к кодированию и переработке эмоциональной информации. Ее причины определяются аномалией развития в детском возрасте, в результате чего в сенситивном для данной функции возрастном периоде у ребенка не формируются способность вербально обозначать и проявлять собственные эмоции.

Первичная алекситимия возникает как следствие дефекта мозолистого тела или аномальной локализации центра речи (правополушарная либо билатеральная). Соответственно, в данном случае онтогенетический подход предполагает проведение нейропсихологической (сенсомоторной) коррекции, как бы заново прокладывающей онтогенетический путь ниже-верхней, право-левой, задне-передней и леволобно-нижней структурно-физиологической организации психических функций [7].

Алекситимия вторично-регрессивного характера встречается у взрослых и может быть следствием душевного заболевания или психической травматизации и выполняет функцию примитивного защитного механизма [10].

Макросоциально обусловленная алекситимия, по мнению Ф. Б. Плоткина [6], связана с отсутствием у современных людей сформировавшейся привычки к постоянному чтению, что приводит к дефицитности системы культурных эталонов и способов вербализации собственной эмоциональной продукции. Этот же эффект имеет общение, опосредованное техническими средствами (Интернет, sms-сообщения). Схематичный, упрощенный, формализованный технократический и жаргонно-рекламный язык подростков функционально связан преимущественно с левым полушарием и минимизирует его взаимодействие с правым полушарием, отвечающим за эмоциональность в ее сомато-вегетативном комплексе.

С учетом данной концепции алекситимии наиболее эффективной будет терапия, исправляющая ограничения мировосприятия и мироощущения, включающая возвращение к базисным социокультуральным основам психического онтогенеза, развитие навыков распознавания и проявления эмоций.

В. В. Соложенкиным и Е. С. Гузовой было выделено два вида алекситимий [8]:

1. Стабильные алекситимии, среди которых выделяют конституциональную, возникающую в результате нарушения межполушарных взаимодействий, и культуральную, связанную с особенностями коммуникативного стиля, характерного для определенной культуры.

2. Преходящие (адаптационные) алекситимии, среди которых различают защитную, связанную со страхом перед содержанием эмоций и с нарушением аутокоммуникации (общения с самим собой), и ситуативную, проявляющуюся во временном затруднении вербализации эмоций в условиях фрустрирующей ситуации.

Итак, алекситимия как сложный психологический феномен может иметь и физиологические, и социально-психологические корни. Но авторы едины во мнении — они рассматривают алекситимию в качестве фактора риска дезадаптации, возникновения невротических и психосоматических расстройств. Преодоление алекситимии может быть связано с проблемой коррекции защитных механизмов, поэтому необходимо с особой осторожностью относиться к подбору психологических технологий.

Одним из эффективных комплексных психотерапевтических методов является танцевально-двигательная терапия (ТДТ) — это вид психотерапии, использующий движение для развития социальной, когнитивной, эмоциональной и физической жизни человека. Важно, что танец в психотерапии рассматривается не только как социокультурный феномен, но и как социально-психологическое и психофизиологическое явление, способствующее невербальной коммуникации и самовыражению.

Клиническая танцевальная терапия чаще используется как вспомогательная терапия для пациентов с нарушениями речи (логоневроз или заикание), с трудностями в коммуникации, с психологическими проблемами (стресс, нарушение настроения, депрессивные состояния и т. д.), а также для личного развития и самосовершенствования, решения конкретных запросов клиентов [1].

Большинство исследователей и практиков, рассматривающих ТДТ, опираются на положение о единстве телесного и психического.

М. Чейс описывает следующие психотерапевтические механизмы ТДТ:

1. Кинестетическая эмпатия — эмпатическое принятие партнера во время отзеркаливания его движений;
2. Ритмическая групповая активность — совместное движение группы как целостного образования под единый ритм.

Т. Шуп, М. Уайтхаус в своей практической работе использовали танец как средство раскрытия чувств, проявления индивидуальности, обретения целостности и полноты жизненных ощущений [9].

Т. Шуп обращала внимание на возможности спонтанного, катарсического высвобождения в танце сдерживаемых чувств и выявления скрытых конфликтов, которые были источниками психического и физического напряжения [9].

Опираясь на понятия архетипов К. Юнга, М. Уайтхаус диагностировала в ходе ТДТ процессы бессознательного, используя технику «активного воображения», цель которой — дать возможность «услышать голоса» тех аспектов личности, которые обычно о себе не заявляют, и тем самым установить связь между сознанием и бессознательным.

Разнообразие подходов наблюдается и при описании методов ТДТ.

Т. А. Шкурко [11] в качестве основных приемов выделяет спонтанные, неструктурированные индивидуальные и групповые танцы, где движение является способом самовыражения и выражения отношений. Большое значение он придает методу кинестетической эмпатии — эмпатическому принятию партнера посредством «отзеркаливания» его движений.

Подход Т. А. Шкурко в нашем исследовании стал основополагающим для построения модели тренинговой программы.

Цель программы: снижение уровня алекситимии через развитие осознания собственного тела и эмоций, создание позитивного образа Я, формирование навыков рефлексии и общения, развертывание внутреннего диалога.

Кроме методов ТДТ модель тренинга предполагает использование техник релаксации, аутогенной тренировки, а также музыкотерапевтические сеансы, вспомогательные психогимнастические приемы.

Программа рассчитана на 6 занятий, продолжительностью 90 минут каждое. Оптимальные режим встреч — 2 раза в неделю. Количество участников тренинговой группы — 10–15 человек.

Для проверки эффективности танцевально-двигательной терапии как метода преодоления алекситимии спланирован и реализован развернутый эксперимент, включающий констатирующий, формирующий и контрольный этапы.

Экспериментальная работа проходила на базе Свердловской областной клиники неврозов «Сосновый бор». Выборку составили 76 пациентов с различными диагнозами, относящимися к группе невротических расстройств. Для выявления алекситимии использовалась Торонтская алекситимическая шкала (TAS-26).

При анализе полученных на констатирующем этапе данных обнаружена промежуточная и высокая степень алекситимии у 63 пациентов (83 %). То есть для подавляющего большинства респондентов характерно существенное снижение или отсутствие способности к распознаванию, дифференцированию и выражению эмоциональных переживаний и телесных ощущений, а также низкая эмоциональная чувствительность в отношении других людей и низкая эмоциональная вовлеченность в обыденной жизни.

Для дальнейшего исследования была сформирована выборка из 20 человек, которая была поделена на контрольную (10 человек) и экспериментальную (10 человек) группы. В течение октября 2018 г. в экспериментальной группе была реализована программа ТДТ. Важно, что содержательная сторона программы ТДТ вызвала большой интерес испытуемых, так как все происходящее во время тренинга не напоминало психотерапевтический сеанс с глубокой и травматичной проработкой бессознательных конфликтов. Происходящее воспринималось как приятное времяпровождение с психотерапевтическим эффектом. Небольшие затруднения вызывали лишь упражнения, предполагающие групповое взаимодействие, но к концу тренинговой программы проблем с их выполнением уже не возникало.

На контрольном этапе эксперимента проводилась повторная оценка алекситимии у испытуемых контрольной и экспериментальной групп.

Для проверки статистической достоверности сдвигов под влиянием экспериментальных воздействий (тренинг по танцевально-двигательной терапии) мы использовали Т-критерий Вилкоксона, который применяется для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых, и позволяет установить не только направленность изменений, но и их выраженность. Статистические расчеты проводились с помощью компьютерной статистической программы SPSS 13,0. Результаты статистического анализа достоверности изменений переменных представлены в таблице.

Анализ результатов показал наличие статистически значимых изменений под влиянием экспериментальных воздействий в группе, принимавшей участие в программе ТДТ. В контрольной группе показатели алекситимии также изменились в лучшую сторону, но в меньшей степени, что свидетельствует о влиянии дополнительных факторов на преодоление алекситимии у респондентов, таких как время пребывания и основное лечение (психотерапия) в Свердловской областной клиники неврозов «Сосновый бор».

Статистически значимые сдвиги в уровне алекситимии в контрольной и экспериментальной группах до и после реализации программы ТДТ

Показатель	Экспериментальная группа (n = 10)			Контрольная группа (n = 10)		
	среднее и стандартное отклонение, М (σ)		Т-критерий Вилкоксона, (уровень значимости p)	среднее и стандартное отклонение, М (σ)		Т-критерий Вилкоксона, (уровень значимости p)
	1-й срез	2-й срез		1-й срез	2-й срез	
Уровень алекситимии	92,4 (4,89)	61,8 (5,30)	- 2,799* (p = 0,005)	76,1 (5,91)	69,2 (5,19)	- 0,351* (p = 0,015)

* – p < 0,01.

Таким образом, анализ результатов применения танцевально-двигательной терапии для коррекции алекситимии дает возможность предположить, что данный метод является эффективным психологическим инструментом и положительно влияет на преодоление алекситимии, но не отменяет эффекта сопутствующего лечения и фактора времени. Стоит отметить, что ограничением данной работы является малый объем выборки респондентов, но несмотря на это статистическая значимость полученных результатов позволяет говорить о том, что выбранное направление исследования является перспективным для дальнейшего развития.

1. Гуров К. Танцевально-двигательная терапия как вспомогательный метод психокоррекции // *Psihologie*. 2009. № 2. С. 69.
2. Искусных А. Ю. Алекситимия: причины и риски возникновения расстройства // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2015. № 15. С. 59–68.
3. Коростелева И. С., Ротенберг В. С. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств // *Телесность человека: междисциплинарные исследования* : сб. ст. М., 1993. С. 136–143.
4. Николаева В. В. О психологической природе алекситимии // *Телесность человека: междисциплинарные исследования* : сб. ст. М., 1993. С. 84–93.
5. Никулина Д. С., Синеева С. Н. Удовлетворенность качеством жизни студентов с разным уровнем алекситимии // *Изв. Юж. федер. ун-та. Технические науки*. 2008. Т. 83, вып. 6. С. 76–80.
6. Плоткин Ф. Б. Алекситимия: общая концепция и роль в патогенезе аддикций // *Психотерапия и клиническая психология (Минск)*. 2008. № 41 (24). С. 11–17.
7. Семенович А. В. *Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте* : учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М., 2002. 232 с.
8. Соложенкин В. В., Гузова Е. С. Алекситимия (адаптационный подход) и психотерапевтическая модель коррекции // *Социальная и клиническая психиатрия*. 1992. Т. 8, № 2. С. 18–24.
9. Танцевально-двигательная терапия // *Моск. психол. журн.* 2014. № 11. С. 33–37.
10. Черномазова Е. А., Кожоналиева А. М. Действие кризисных ситуаций на эмоциональное здоровье студентов: проявление феномена алекситимии // *Вестн. КГМА им. И. К. Ахунбаева*. 2011. № 3. С. 55–58.
11. Шкурко Т. А. *Танцевально-экспрессивный тренинг*. СПб., 2003. 192 с.

Статья поступила в редакцию 17.12.2018 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 316.74 + 378.1 + 37.072

Е. А. Шуклина

КУЛЬТУРА ДОВЕРИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ВУЗОВ*

В статье освещается одна из актуальных проблем — связь между культурой доверия в образовательной сфере и развитием сетевых взаимодействий вузов макрорегиона (УрФО). Выводы базируются на материалах эмпирического исследования, ставится проблема комплексного подхода к формированию культуры доверия как необъемлемой части управленческой деятельности в высшем образовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доверие; культура доверия; высшее образование; нелинейная модель образования; сетевое взаимодействие.

Актуальность проблемы исследования

Проблема демократизации российского высшего образования, его деbüroкрализации, расширения сетевых, горизонтальных связей вузов со стекхолдерами является одной из наиболее острых для современной высшей школы. Понимание того, что развитие высшего образования в России требует ухода от жесткого давления и формализованных процедур управления актуализирует вопрос о культуре доверия, ее характере и уровне сформированности в сфере образования и системе межинституциональных взаимодействий «высшее образование — институт работодателей — институты власти». Культура доверия в современном обществе призвана становиться одним из базовых регуляторов межинституциональных, межобщностных, внутриобщностных, межличностных

* Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

ШУКЛИНА Елена Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: e.a.shuklina@urfu.ru).

© Шуклина Е. А., 2019

взаимодействий, формирующих образовательное пространство, а также значимым элементом управленческой деятельности разных уровней.

Изучение культуры доверия стало закономерным продолжением исследований проблем нелинейной модели высшего образования в макрорегионе, реализованной исследовательским коллективом Уральского федерального университета под руководством проф. Г. Е. Зборовского в 2016–2018 гг. [2, 10].

Понимание нелинейности развития высшего образования связывается с представлением о гибкости, поливариантности траекторий его изменений, свободе формирования полицентричных, разноуровневых сетевых связей, субъекты которых ориентированы на решение своих стратегических задач посредством взаимовыгодных обменов ресурсами, получения синергетического эффекта от новых конфигураций связей между всеми участниками.

Проблема связи между культурой доверия в образовательной сфере и развитием сетевых взаимодействий вузов не является достаточно новой. Тем не менее необходимо рассмотреть основные теоретические источники и методологические подходы, на которых базируется ее исследование.

Теоретическая рамка исследования

Фундаментальные теории доверия как социального феномена представлены в работах Н. Лумана, Ф. Фукуямы [8, 11], А. Селигмена [14], П. Штомпки [15]. Заложенные в них базовые идеи позволяют подойти к анализу культуры доверия с позиций ее инкорпорированности в социальные процессы и структуры и рассмотреть как «основу общества» и «культурный ресурс» (П. Штомпка) [9] каждой его подсистем, включая сферу образования. Будучи связанной с культурными процессами в обществе, она определяет социокультурный контекст сферы образования.

Понимание доверия как фактора институционального развития и условия эффективности функционирования социальных институтов [13] задает еще один ракурс его видения в сфере образования. Культура доверия выступает как ценностно-нормативная система, обуславливающая устойчивость, стабильность социального института, с одной стороны, и его динамику, процесс институционализации — с другой. В этом отношении важно понимание ценности доверия как фактора становления, функционирования, развития института образования.

Особое значение для нашей проблематики имеет рассмотрение доверия в контексте сетевой теории [3, 6]. Основатель сетевого подхода М. Грановеттер под сетью понимал «совокупность устойчивых контактов или сходных с ними социальных отношений между индивидами или группами» [12, 30]. Применительно к высшему образованию речь идет о взаимодействии индивидуальных и общностных акторов, внутри- и межобщностных связях образовательных общностей преподавателей, студентов, представителей образовательного менеджмента (одного и нескольких вузов, в России и за рубежом); коллективных/организационных/институциональных субъектов (вузов с органами публичной власти,

бизнес-структурами, общественными организациями, организациями культуры, академической наукой).

Культура доверия является одним из регуляторов сетевых форм взаимодействия, основными принципами которых выступают: инициативность и добровольность участия широкого круга социальных субъектов; их потребность во взаимовыгодных обменах, выраженная в системе долгосрочных и краткосрочных целей; вариативность, полицентричность, многослойность сетевых структур, ориентированных на реализацию этих целей, их гибкость, подвижность, адаптивность социальным реалиям. Отношения доверия позволяют сети воспроизводить социальный капитал как ресурс взаимодействующих индивидов, социальных общностей, организаций, подсистем.

Культура доверия влияет на функционирование сети, определяя характер и интенсивность связей социальных субъектов, наличие у них возможностей использования информационных, коммуникативных, материальных, социокультурных и прочих ресурсов и обмена ими. Критерии «сетевизации» и формы сетевых связей социальных субъектов многообразны, и культура доверия является фактором выбора субъектами той или иной формы. В образовательной сфере культура доверия влияет на частоту и динамику, правила и способы сетевых взаимодействий, особенности поведения социальных субъектов макро-, мезо-, микроуровней. Ценности культуры доверия влияют на формирование сетевого пространства, представленного совокупностью социальных отношений и ресурсных потоков, позиций, ролей и нормативных рамок, их регламентирующих.

М. Грановеттер, подчеркивая специфику сетевого взаимодействия, делал акцент на «слабых связях» [7]. Смещение акцента с сетевых узлов на слабые связи свидетельствует о значимости феномена доверия для их формирования. Слабые связи чаще всего имеют неформальный характер. В сфере образования их роль амбивалентна. Они могут быть связаны и с культурой доверия, которое объединяет участников взаимодействия, и с культурой недоверия (П. Штомка), когда сеть выступает средством ухода от необходимости следовать жестким и/или неэффективным формальным требованиям извне. Особенностью российского образовательного пространства является наличие как централизованных, так и децентрализованных сетей, которые могут дополнять, но чаще вступают в противоречие с иерархическими структурами управления, сталкиваясь с разного типа бюрократическими барьерами.

Сетевые связи, складывающиеся на разных уровнях (от локального до международного), при необходимости формализуются для организации ресурсных потоков. Ресурсные потоки как часть сетевого образовательного пространства представляют собой обмены ресурсами разного типа и определяются системой норм. Законом об образовании обмены образовательными ресурсами определены как сетевая форма реализации образовательных программ [4]. Особой разновидностью образовательных ресурсных потоков является также академическая мобильность студентов и преподавателей. Научно-исследовательские потоки — это обмены научно-исследовательской деятельностью и ее результатами, инновациями, технологиями и условиями для их создания и разработки. Информационные потоки

могут представлять собой обмены библиотечными ресурсами на уровне сетевых межвузовских библиотек, методическими и информационными материалами. Событийные потоки — это обмены событиями, мероприятиями в межвузовской сети. Культура доверия является частью обменов всех типов и связана с уровнем разработки нормативного обеспечения сетевых связей.

Методика и результаты исследования

Статья базируется на материалах социологического исследования, осуществленного исследовательским коллективом Уральского федерального университета под руководством Г. Е. Зборовского в 2017–2018 гг., включавшего массовый опрос преподавателей и студентов Уральского федерального округа (УрФО). В генеральную совокупность входил 51 вуз УрФО. В ходе исследования была реализована квотная выборка. Она формировалась на основе статистических данных об образовательных общностях регионов УрФО (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкий округ не был включен в выборку, поскольку в нем нет самостоятельных вузов). Внутри каждого региона осуществлялось квотирование по направлениям подготовки (инженерно-техническому, естественно-научному, гуманитарному, социально-экономическому). Объем выборочной совокупности преподавателей составил 810 чел., студентов (были опрошены студенты 3–4-х курсов) — 1860 чел. Институциональное доверие в методике реализованных опросов измерялось через субъективные оценки доверия образовательных общностей по отношению к образовательной политике в РФ на разных уровнях ее реализации.

Для анализа влияния культуры доверия на перспективы развития сетевых связей вузов УрФО мы использовали несколько базовых показателей, которые характеризуют уровень институционального доверия и готовность преподавательского сообщества к реализации деятельности по формированию сетевых связей вузов.

К первому блоку относятся показатели, характеризующие уровень институционального и общественного доверия в образовательной сфере (табл. 1). Корреляционный анализ позволил увидеть, что именно блок показателей институционального доверия к образовательной политике, реализуемой на разных уровнях (федеральном, региональном, уровне вуза), оказался наиболее чувствительным к готовности преподавателей развивать сетевые связи между вузами.

Табличные данные показывают, что низкий уровень доверия преподавательского сообщества к управленческим структурам (администрации вуза, региональной и федеральной образовательной политике) компенсируется высоким внутри- и межобщностным доверием («преподаватель — преподаватель», «преподаватель — студент»). Наша задача — выявить наличие связи этого комплекса показателей с показателями второго блока.

Таблица 1

Преподаватели вузов УрФО о доверии к образовательной политике, реализуемой в вузе, на региональном и федеральном уровнях власти, % от числа опрошенных

Объект доверия	Вариант ответа			Итого	Индекс доверия*
	скорее да	скорее нет	затрудняюсь ответить		
Образовательная политика, реализуемая в РФ в отношении высшей школы в настоящее время	18,4	66,1	15,5	100,0	-0,5
Региональная власть, ответственная за социальную политику в области высшего образования	17,5	56,1	26,4	100,0	-0,4
Администрация вуза	47,1	33,5	19,4	100,0	0,1
Политика реформирования, осуществляемая в вузе	36,4	38,9	24,7	100,0	-0,1
Коллеги по работе	85,4	5,9	8,7	100,0	0,8
Студенты	75,4	9,6	15,0	100,0	0,7
Работодатели, которые связаны с вузом задачами подготовки молодых специалистов	58,7	10,6	30,7	100,0	0,5

* Индекс рассчитан как условная средняя по порядковой шкале, колеблется в границах от -1 до +1.

Второй блок показателей, выбранный нами, характеризует готовность преподавательского сообщества к развитию сетевых связей между вузами, которая выражается:

1) в готовности преподавателей вузов УрФО к разработке совместных образовательных программ с другими вузами (табл. 2);

2) отношении к внедрению обучения студентов по индивидуальной образовательной траектории (табл. 3);

3) заинтересованности преподавателей УрФО в развитии академической мобильности (табл. 4), включая виртуальную (табл. 5).

Данные, представленные в табл. 2, характеризуют средний уровень готовности преподавателей УрФО и их коллег к разработке совместных образовательных программ с другими вузами. Мы поставили перед собой задачу выяснить, насколько эти показатели готовности связаны с уровнем институционального и общественного доверия преподавателей.

Таблица 2

Преподаватели вузов УрФО о готовности к разработке совместных образовательных программ с другими вузами*

Показатель	Среднее значение
Готовность вуза к разработке совместных образовательных программ с другими вузами	3,41
Готовность ближайших коллег к участию в разработке совместных образовательных программ с коллегами из других вузов	3,31
Личная готовность к такой работе	3,36

* Оценка по пятибалльной шкале, где 1 — низкий уровень, а 5 — высокий уровень.

Корреляционный анализ позволил выявить наличие связи между готовностью преподавателей разрабатывать образовательные программы и уровнем их институционального доверия (к федеральной, региональной, вузовской образовательной политике). При этом оказалось, что общественное доверие (внутри преподавательского сообщества, между преподавателями и студентами) не влияет на их готовность/неготовность развивать сетевые связи с другими вузами. Образовательная политика в данном случае оказалась слабым звеном, именно она вызывает противоречивые (а чаще негативные) оценки преподавательского сообщества, формирует культуру недоверия в образовательной среде и негативно влияет на эффективность развития сетевых взаимодействий вузов.

Ниже мы проиллюстрируем зависимость личной готовности преподавателей к разработке совместных образовательных программ от уровня доверия:

— к администрации вуза (*Pearson Chi-Square = Value 88,589^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,261*);

— политике реформирования, осуществляемой в вузе (*Pearson Chi-Square = Value 66,716^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,226*);

— образовательной политике, реализуемой в РФ в отношении высшей школы в настоящее время (*Pearson Chi-Square = Value 32,654^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,157*);

— региональной власти, ответственной за социальную политику в области высшего образования (*Pearson Chi-Square = Value 29,769^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,148*).

Приведенные данные показывают, что готовность преподавателей работать над этим видом сетевых связей определяется их доверием к образовательной политике в целом, начиная от вуза и заканчивая федеральным уровнем. Другими словами, формирование культуры доверия будет определяться эффективностью взаимодействия образовательного менеджмента с социальными общностями преподавателей и студентов в решении данной проблемы.

Далее рассмотрим отношение преподавателей к внедрению обучения студентов по индивидуальной образовательной траектории (табл. 3).

Таблица 3

Преподаватели вузов УрФО об отношении к внедрению обучения студентов по индивидуальной образовательной траектории

Отношение	% от числа опрошенных
Положительное	41,8
Отрицательное	16,4
Нейтральное	41,8
Итого	100,0

Организация обучения студентов по индивидуальной образовательной траектории — это один из базовых показателей развития сетевых связей. Индивидуальная траектория обеспечивается комплексом условий (образовательных, организационных, финансовых и пр.), зависит от наличия возможности для студента использовать ресурсы других вузов (сетевые образовательные программы) и стейкхолдеров (технопарки, лаборатории, базы практики на предприятиях и пр.) посредством реализации академической мобильности, в том числе виртуальной.

Нами выявлена зависимость готовности преподавателей реализовывать стратегию индивидуальной образовательной траектории от уровня их институционального доверия к образовательной политике, реализуемой на уровне РФ (*Pearson Chi-Square = Value 34,205^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,158*). В целом отношение к практике подобного рода у преподавателей окончательно не сформировано и эффективность ее реализации будет определяться политикой федерального уровня. Потребуется комплекс внушающих доверие шагов по созданию соответствующих условий (конкретизация нормативных документов федерального уровня, решение организационных проблем, разъяснение, популяризация и др.) для успешного развития этого типа сетевых связей.

Рассмотрим показатели отношения преподавателей УрФО к развитию разных видов академической мобильности (табл. 4).

Таблица 4

Преподаватели вузов УрФО о заинтересованности в развитии академической мобильности, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа			Итого
	скорее да	скорее нет	затрудняюсь ответить	
Заинтересованность вуза в развитии внутри- и межрегиональной мобильности	66,7	13,4	19,9	100,0
Заинтересованность преподавателей в развитии внутри- и межрегиональной мобильности	55,0	20,7	24,3	100,0
Заинтересованность преподавателей в развитии межстрановой мобильности	50,0	23,5	26,5	100,0

В целом достаточно высокий уровень заинтересованности и готовности преподавателей способствовать развитию академической мобильности зависит от доверия:

– к администрации вуза (*Pearson Chi-Square = Value 53,689^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,001; Cramer's V=0,201*);

– региональной власти, ответственной за социальную политику в области высшего образования (*Pearson Chi-Square = Value 37,742^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,166*);

– образовательной политике, реализуемой в РФ в отношении высшей школы в настоящее время (*Pearson Chi-Square = Value 29,645^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,148*) (*здесь представлены данные по показателю готовности преподавателей к развитию внутри- и межрегиональной мобильности, которые оказались типичными для всего комплекса показателей*).

Связи этих показателей демонстрируют значимость управленческих усилий разного уровня в решении проблемы развития академической мобильности. Здесь мы специально остановились на проблеме региональной мобильности потому, что она может стать важным фактором формирования регионального образовательного пространства и средством развития конкретных территорий. Для решения этой проблемы необходимы многосторонние усилия как федеральных структур управления образованием, так и региональных властей в разработке образовательной политики на уровне региона/макрорегиона (УрФО, в частности). Активность вузовского менеджмента в решении данной проблемы первостепенна, поскольку именно на этом уровне формируется мотивация вуза к работе над развитием регионального образовательного пространства и установлению связей с региональными стейкхолдерами. В целом создание позитивной диалоговой коммуникации с обратной связью на всех уровнях должно обеспечить доверительные отношения субъектов образовательной деятельности к практике развития сетевых связей и успешность достижения цели в этом направлении.

И наконец, охарактеризуем взаимосвязь между заинтересованностью преподавателей в развитии виртуальной академической мобильности и уровнем их институционального и общественного доверия (табл. 5). Виртуальная мобильность «предполагает использование информационно-коммуникационных технологий для достижения всех преимуществ физической мобильности без необходимости географического перемещения», она «выступает в качестве мероприятий подготовительного, сопровождающего и заключительного этапов программ физической мобильности» [5, 61]. Виртуальная мобильность определяется готовностью представителей образовательных общностей выступать в виртуальной среде в своих социальных ролях в качестве преподавателей, обучаемых, управленцев [1]. Поэтому готовность преподавателей к ее развитию в вузе мы рассмотрим на примере использования средств информационных технологий, в частности электронного обучения.

Таблица 5

Преподаватели вузов УрФО об эффективности ресурсов развития виртуальной академической мобильности, % от числа опрошенных

Ресурсы	Вариант ответа			Итого
	скорее да	скорее нет	затрудняюсь ответить	
Электронное обучение	56,2	33,5	10,2	100,0
Национальная платформа «Открытое образование»	36,8	20,4	42,8	100,0
Массовые открытые онлайн-курсы с интерактивным участием и применением технологий электронного обучения	35,0	23,8	41,2	100,0

Электронное обучение как вид образовательной деятельности уже прочно вошло в практику, по нашим данным, оно используется 80,3 % опрошенных преподавателей УрФО. Готовность преподавателей считать электронное обучение эффективным фактором развития высшего образования зависит от уровня их доверия:

— к образовательной политике, реализуемой в РФ в отношении высшей школы в настоящее время (*Pearson Chi-Square = Value 25,254^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,153*);

— региональной власти, ответственной за социальную политику в области высшего образования (*Pearson Chi-Square = Value 34,769^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,153*);

— администрации вуза (*Pearson Chi-Square = Value 22,612^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,001; Cramer's V=0,130*);

— политике реформирования, осуществляемой в вузе (*Pearson Chi-Square = Value 16,633^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,001; Cramer's V=0,130*).

Проблемы и противоречия, связанные с экспансией виртуальной мобильности в вузах в настоящее время остры. Своего рода «догоняющая виртуализация» в сфере вузовского образования приводит порой к непредсказуемым социальным последствиям, касающимся изменений кадрового состава вузов, адаптации преподавателей и студентов к виртуальной среде, организации виртуальных обменов, качества образования по целому ряду специальностей и дисциплин, где виртуализация скорее вредна, чем полезна, и т. д. Тот факт, что проблемы виртуальной мобильности связываются преподавателями с доверием/недоверием по отношению ко всем структурам управления высшим образованием (и прежде всего на федеральном уровне), говорит о необходимости организации широкой дискуссии и специальных исследований, которые обеспечили бы получение надежной информации о проблеме, способствовали принятию взвешенных управленческих решений в этой сфере.

Общие выводы и исследовательские перспективы

Подводя общие итоги, отметим, что ориентация преподавателей на развитие сетевых связей между вузами коррелирует прежде всего с показателями институционального, а не общностного доверия/недоверия. Другими словами, настороженное отношение преподавателей к излишне забюрократизированной модели управления высшей школой напрямую влияет на готовность к реализации практик демократизации образования через развитие горизонтальных связей. Предлагаемые нормативно закрепленные в законе об образовании и иных документах новые модели сетевых взаимодействий, а также требования дальнейшего развития традиционно сложившихся практик (например, академической мобильности) воспринимаются настороженно именно в силу того, что образовательная политика разных уровней — от федерального до локального реализуется без учета мнений и потребностей, возможностей и готовности образовательных общностей.

В этой ситуации внутри- и межобщностное доверие оказывается более выраженным, чем институциональное, более явным, однако это скорее говорит о том, что оно сформировано стихийно, в противовес системе бюрократических формальных отношений с вертикалью управления. Поэтому общностное доверие при всех его высоких показателях не становится фактором развития сетевых связей, демократизирующих высшее образование.

Развитие сетевых взаимодействий в российском высшем образовании является требованием времени, ставит задачу комплексного подхода преобразований всех его составляющих, включая управление образованием. Развитие принципов, практик, навыков управления сетями органично включает в себя умения формировать культуру доверия как неотъемлемую часть управленческой деятельности.

Дальнейший анализ культуры доверия как фактора сетевых взаимодействий вузов требует особого внимания не только к ее концептуализации, но и к разработке системы показателей, позволяющих осуществлять измерительные процедуры. Наиболее актуальным нам представляется подход, в котором выделение элементов культуры доверия стало бы основой ее системного видения. Целесообразно рассматривать такие аспекты культуры доверия, как ценностный, нормативный, коммуникативный, деятельностный и др. В ходе нашего исследования был выделен комплекс показателей в рамках деятельностного аспекта культуры доверия и рассмотрены конкретные практики формирования и развития сетевых взаимодействий только в сфере высшего образования, без учета сетевых связей вузов со стейкхолдерами. Комплексный анализ этой проблемы предполагает сочетание разных подходов и субъектов взаимодействия, что позволит поставить вопрос о характере и уровне развития культуры доверия в реализации сетевых взаимодействий в сфере образования.

1. *Авксентьева Е. Ю., Авксентьев С. Ю.* Предпосылки и условия развития виртуальной академической мобильности сотрудников и студентов вуза // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 173–176.

2. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских и др. ; под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург, 2017.
3. *Коньков А. Т.* Социальный капитал и экономическое взаимодействие. М., 2006.
4. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Ст. 15 : Сетевая форма реализации образовательных программ [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 15.06.2017).
5. *Приходько Л. В., Гончарук Н. П.* Виртуальная академическая мобильность как инструмент развития единого образовательного пространства // Вестн. Казан. технол. ун-та. 2013. Т. 16, № 16. С. 60–61.
6. *Радаев В. В.* Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. 2008. № 2. С. 47–54.
7. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2001.
8. *Фукуяма Ф.* Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2006.
9. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М., 2016.
10. *Шуклина Е. А., Певная М. В.* Доверие как институциональная проблема высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 5. С. 120–131.
11. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y., 1995.
12. *Granovetter M., Swedberg R.* The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.
13. *Newton K., Zmerli S.* Three forms of Trust and their Association // European Political Science Review. 2011. Vol. 3. № 2. P. 1–32.
14. *Seligman A.* The problem of Trust. Princeton, New Jersey, 1997.
15. *Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory. Cambridge, 1999.

Статья поступила в редакцию 24.06.2018 г.

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

УДК 792(470.54-25) + 070.23(1-21)

А. В. Кубасов

ИЗ ИСТОРИИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЕКАТЕРИНБУРГА (1879–1881 гг.)

На примере театральной жизни Екатеринбурга рассматривается один из этапов становления провинциального театра. Материалом послужили публикации газеты «Екатеринбургская неделя». Период 1879–1881 гг. характеризуется становлением культурных институций, которым в будущем предстоит сыграть роль важного фактора, определяющего особенности театральной жизни города. Это музыкальный кружок, а также сменяющие друг друга труппы различных антрепренеров. Газетные публикации дают представление о характере театральных постановок, реакции на них провинциальной публики.

Ключевые слова: история провинциального театра; Екатеринбург; «Екатеринбургская неделя».

Для истории России 1879–1881 гг. являются переломными. Это время смены царствований и, как следствие, начала незаметных сдвигов в культурной жизни страны. В эти годы Екатеринбург являет собой даже не губернский, а всего лишь уездный город с населением около 35 тыс. человек. Тем не менее театральная жизнь в нем была довольно активной. Каменное здание для первого городского театра было построено в 1846 г. по проекту архитектора К. Г. Турского. Однако точкой отсчета для театральной жизни города принято считать 5 (17) ноября 1843 г., когда казанский антрепренер П. А. Соколов впервые поставил в городе оперу и водевиль. Важным источником для формирования представлений о театральной жизни Екатеринбурга XIX в. служит «Екатеринбургская газета». Она начала выходить с лета 1879 г. До конца этого года было выпущено 20 номеров. Уже в первом из них появилась заметка под заголовком «Штрихи общественной

КУБАСОВ Александр Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: kubas2002@mail.ru).

© Кубасов А. В., 2019

жизни», где, в частности, рисовалась такая колоритная картина: «Для развлечения обывателей Екатеринбурга от гнетущей скуки и мертвящей тоски, вместе с неблагоприятными гигиеническими условиями города, губительно влияющими на среднюю продолжительность жизни городских жителей, в городе находятся: театр, который в недавнее время врагами Мельпомены предполагался быть обращенным... в храм Бахуса, с целью образовать тут склад приносимых в честь его даров; два клуба, имеющих цель поддерживать разделение жителей на две касты, по цвету их костей; несколько гостиниц, с населяющими их арфистками, и проч., и проч.» [18, 7]¹. Остановившись на некоторых других моментах городской жизни, автор, скрывшийся под псевдонимом «*Sum si que*», подытоживает: «Из сделанного мною краткого географическо-топографическо-этнографического очерка Екатеринбурга явствует, что он имеет все факторы для широкой общественной жизни. Стоя на рубеже Европы и Азии, Екатеринбург давно уже тяготеет к первой, и животворящий свет запада начинает мало-помалу проникать в наш угрюмый, маложизненный север» [Там же].

«Животворящий свет запада» вполне благополучно сочетался в Екатеринбурге со славянским, а то и азиатским началом. В сентябре того же 1879 г. в газете появляется репортажная заметка о спектакле по пьесе А. Н. Островского: «“Пучина”, сотворенная екатеринбургскими любителями драматического искусства, в сообществе с известным уральско-горнозаводским артистом г. Козловым 3 сентября, вызвала страшное волнение чувств и целую бурю в душе зрителей, к сожалению, немногочисленных. Трудно передать ту магическую силу таланта г. Козлова, с которою он напрягал все фибры сердца его слушателей <...>. Вполне сценичная и, так сказать, мелодраматически выразительная физиогномия артиста с успехом передавала не только все тончайшие ощущения его души, смысл трагических мест, но даже и те черты изображаемого им героя, которых, по-видимому, даже сам автор не имел намерения придавать ему...» [4, 104]. Автор опубликовал заметку под псевдонимом «Глубоко тронутый зритель». Отметим свободу изложения «зрителем» своего мнения, его чувство иронии и беспощадность оценки игры актера.

Хорошо известна история театральных зданий, появившихся в Екатеринбурге в XX в. Гораздо меньше мы знаем о том, где играли спектакли в XIX в. В десятом номере газеты за 1879 г. помещена без подписи заметка «Новое помещение для театра»: «Мы слышали, что г.г. В. Г. и Г. Г. Казанцевы в своем угловом доме на Александровском проспекте устраивают помещение для театра, предназначая его как для любительских спектаклей, так и для представлений заезжих в Екатеринбург странствующих драматических трупп, концертантов, фокусников и т. п. Имея в виду то, что благотворительные спектакли любителей принуждены до сих пор пользоваться помещением городского театра, уплачивая его арендатору иногда непосильную плату, г-да Казанцевы предполагают отдавать помещение своего театра любителям безвозмездно» [10, 113].

¹ В газете была принята сплошная годовая нумерация страниц.

Через год ситуация меняется, и театр уже предлагается в аренду за плату. В одном из номеров «Екатеринбургской недели» появляется следующее объявление: «Театр Казанцевых (Александровский просп., собств. дом) отдается для домашних и публичных любительских спектаклей, концертов и т. п. При театре имеются 1) декорации: восемь комнат-павильонов различной отделки и лес; 2) три перемены мебели на сцене; и 3) пианино. Цена с отоплением, освещением и прислугой: спектакль — 35 руб., концерт — 25 руб., репетиция — 5 руб. Зрительная зала и балкон вмещают 174 кресла. Роскошная обстановка пьес и новые декорации по особому соглашению. Буфет с крепкими напитками не дозволяется» [12, 79].

В четырнадцатом номере газеты за 1879 г. в заметке «Екатеринбургский театр» передана вкратце довольно длительная предыстория театрального дела в городе: «Нынешнею осенью минуло ровно тридцать три года существования нашего театра. Началом своим он обязан инициативе трех местных купеческих домов, в свое время славившихся действительными, а не фиктивными только пожертвованиями на истинные нужды города. Постройка театра началась еще в 1845 г. и окончена только к осени 1846-го. Первым антрепренером екатеринбургского театра был некто Соколов; труппа его играла до того в Казани и считалась тогда едва ли не лучшей из всех русских провинциальных трупп. <...> С 1 февраля 1846 г. труппа Соколова начала давать представления на Ирбитской ярмарке, откуда переехала в Екатеринбург, где первоначально, до отстройки каменного театра, играла во временном деревянном. После г. Соколова театр перешел к г. Головинскому, известному в провинции комическому актеру, который передал его зятю своему Херувимову. Выдающейся звездой труппы г. Херувимова была, без всякого сомнения, А. Я. Романовская, сделавшаяся надолго любимицею екатеринбургской публики и до сего времени не изгладившаяся из ее памяти. Н. А. Клепинин, принявший театр от г. Херувимова, взялся за дело с любовью и энергией, он не был кулаком-антрепренером, как его предшественник, а артист-любитель, горячо преданный своему делу <...>. Но поддержки со стороны публики было немного, сборы были незначительны, — появились результаты недостатка меркантильности, и г. Клепинин в мае 1877 г. должен был передать театр М. А. Завадскому, хорошему, несомненно, актеру, но совсем плохому антрепренеру. Не обращая внимания на художественную сторону театрального дела, стремясь только за сборами и не достигая их, г. Завадский повел дело через пень-колоду, добыл каких-то бездарностей и в конце концов, осенью прошлого 1878 г., перешел, вместе со своей труппой, на службу к провинциальному антрепренеру-магнату, П. М. Медведеву. Двухлистовые афиши-объявления возвестили о прибытии медведевской труппы с ее машинистами, декораторами, бутафорами, парикмахерами и костюмерами. Екатеринбург ожил, и дал антрепренеру целый ряд полных сборов. Г-жи Уманец-Райская, Стрельская и в особенности г. Давыдов, при хорошем общем ансамбле, служили приманкой; дела г. Медведева пошли почти блистательно. В благодарность за это он увез труппу в Ирбит, а нам оставил г-ж Стрельскую, Иванову и г. Завадского; остальных же бездарностей... и за актеров считать нельзя. Публика охладела, и театр опустел. Теперь, как будто для празднования тридцатитрехлетия екатеринбургского театра, снова появились объявления-простыни, предвещающие

скорое прибытие к нам оперной труппы того же г. Медведева, с тем же персоналом декораторов, машинистов и tutti quanti, приправленном двумя распорядителями, репетитором и “осветителем электрического света и бенгальских огней” (?!). Что родит эта гора? — увидим впоследствии, между тем эти quasi-американские рекламы принесли плоды — ложи на первые три представления уже все заняты. <...> От души желаем, чтобы ожидания наших соотечичей оправдались и чтобы труппа почтенного ветерана по театральной антрепризе доставила бы нам действительное и цельное наслаждение, тогда мы первые будем приветствовать наших певиц и певцов, воздав должное и арендатору театра» [7, 174–175].

В газетном номере от 31 октября 1879 г. появилась пространная рецензия на первый оперный спектакль в Екатеринбурге. В качестве дебюта была выбрана опера М. И. Глинки «Жизнь за царя»: «Оркестр под мастерским управлением молодого капельмейстера с первого же раза выказал все свои качества: отчетливость всех инструментов, привычку к капельмейстерскому жезлу и верность игры, несмотря даже на тот ускоренный темп, который пущен был г. Авранеком в некоторых местах увертюры и в особенности во вступительном хоре 1-го действия оперы». Отмечено было и исполнение хора: «Даже с точки зрения строгой критики мы не можем сделать ни одного серьезного замечания относительно выполнения хоров и жалеем, что гг. хористки и хористы не вышли на громовые вызовы их по окончании оперы: хотя численность хора (9 женщин и 11 мужчин) не очень велика, но для нашей сцены оказывается, пожалуй, достаточной». Отдельного анализа удостоился каждый из исполнителей. Критика была порой довольно жесткой, но профессиональной. Остановимся только на одном фрагменте: «Роль Сабинина выполнял г. Богатырев. Хотя его голос довольно большого регистра, но нет ни одной грудной ноты, а чуть ему приходится брать немного повыше, он тотчас начинает выкрикивать, издавая иногда звуки, напоминающие отчасти выкрики наших ямщиков к их лошадям. Чувства в роли Сабинина он выказал мало; так, вступительная ария 1-го действия “Радость безмерная” и ария “После битвы молодецкой” — пропали у него совсем. В последней картине, которая вообще вышла комичной по обстановке, г. Богатырев для чего-то махал в кулисы шапкой, но не так, как приветствует народ царя, а как зовут извозчика или машут своему знакомому Ивану Ивановичу». Не остались без внимания и декорации: «Декорации писаны не по нашей сцене, вследствие чего в последней картине г-жа Петрова подходила под уровень 3-го этажа домов, а г. Богатырев казался выше колокольни. Пусть обратит на это внимание г. Паулино» [5, 189–190]. В следующем номере этим же критиком в заметке, уже подписанной инициалами «А. С.», будет дан подробный анализ следующих постановок оперной труппы: «Русалки» Даргомыжского и «Роберта-Дьявола» Мейербера [1, 203–204]. Следом за ней идет ответ на предыдущую статью «А. С.», подписанный Германом Тиме, который оспаривает некоторые, как казалось ему, резкие суждения предшественника-рецензента [14, 204]. Таким образом, газета была достаточно свободной трибуной для высказывания разных независимых суждений. Екатеринбургская публика живо реагировала на характер публикаций и считала нужным выразить свое несогласие в случае расхождения оценок.

Видимо, оперные спектакли пользовались успехом, потому что вскоре появилась заметка зрителя, вернее, открытое письмо режиссеру оперной труппы: «Г. Станкевич! Вернувшись домой после первого представления оперы (или скорее отрывков из оперы) покойного Верстовского “Аскольдова могила”, я счел нужным поделиться с вами теми впечатлениями, которые вынес из этого представления. К вам специально обращаюсь я, г. режиссер, потому что в вечер 7-го ноября присутствия вашего на сцене или участия в постановке оперы вовсе заметно не было, почему еще раз, на страницах “Екатер. недели”, придется обратиться с вопросом: — Станкевич, где вы? откликнитесь!» [8, 221]. Об отсутствии режиссера, по мнению зрителя, свидетельствовали различного рода курьезы, случившиеся во время спектакля. Критика в газете была действенной, потому что через некоторое время тот же автор напишет: «Справедливость требует заметить, что г. Станкевич откликнулся, по крайней мере обстановка последних опер, в особенности “Рогнеды” и “Марты”, была вполне удовлетворительна» [2, 270].

Но оперная труппа не просуществовала в Екатеринбурге и года. В начале 1880 г. появилось сообщение: «Наша оперная труппа, к сожалению, покидает нас 12-го февраля: отсюда она переезжает в Пермь» [19, 59].

В 1880 г. газетных заметок о театральной жизни Екатеринбурга становится значительно меньше. Отсутствие профессиональной труппы возмещают любительские спектакли. Отчет об одном из них, состоявшемся 27 апреля 1880 г., весьма показателен. Приведем его: «От продажи билетов выручено 374 р. 75 к. Некоторыми лицами заплачено свыше назначенной цены, что с суммою вырученного за продажу афиш составляет 10 р. 50 к. Итого прихода 385 р. 25 к. Расход: за театр 30 р., за музыку 40 р., кассиру 3 р., суфлеру 6 р., парикмахеру 10 р., за афиши 8 р., за разнос и расклейку афиш 6 р., прислуге, отбиравшей билеты, 3 р., освещение 8 р., рабочим... 4 р., переписка ролей 2 р., сторожу театра 3 р., дрова, мытье полов, переноска мебели, гвозди и другие мелкие расходы 15 р. 75 к., полиции 1 р. 50 к., авторских 3 р. Итого расхода 143 р. 25 к. Остается чистых 242 р., которые переданы г. директору Екатеринбургской гимназии В. Л. Соловьеву. По согласию с Василием Львовичем, деньги эти назначены в уплату за недостаточного воспитанника приготовительного класса Семена Савинова, который с мая месяца 1880 г. зачисляется в число полных пансионеров при пансионе Екатеринбургской гимназии» [9, 298]. Пожалуй, это одно из первых свидетельств театральной благотворительности в городе.

Время, которое точнее всего можно обозначить как плюсквамперфект, кажется, безвозвратно ушло, покрылось архивной пылью. Но парадоксальным образом прошлое живет в настоящем и периодически дает о себе знать. В качестве иллюстрации этого тезиса приведем историю Екатеринбургского музыкального кружка. Подчеркнем, что речь пойдет не о профессиональной труппе, а о любительской. В 41-м номере газеты за 1880 г. появилось сообщение: «Три с половиной года тому назад написан был устав этого кружка, в учредители коего записались не одни только любители музыки, но и любители драматического искусства. Где пролежал все это время означенный устав — неизвестно; только теперь из “Прав. вестника” узнали мы, что он утвержден 12 сентября нынешнего года товарищем

министра внутренних дел. Будем надеяться, что злополучный устав скоро вернется к нам и что учредители получат возможность приступить к открытию кружка. Между екатеринбургскими обывателями столько серьезных любителей музыки и драматического искусства, что можно быть вперед убежденным в успехе этого нового общественного учреждения» [6, 656]. Государственный контроль за всеми организациями был основательный, при этом существовала чиновничья волокита и стремление управлять всем из одного центра. Скорее всего, злосчастный устав музыкального кружка три с половиной года пролежал в недрах того же министерства внутренних дел, пока до него дошли руки у заместителя министра.

Через месяц в двух номерах газеты был напечатан сам устав, подписанный заместителем министра внутренних дел, статс-секретарем Кохановым. Устав включал в себя 34 параграфа. Приведем лишь 3 из них: «§1. Екатеринбургский музыкальный кружок учреждается с целью соединения любителей музыки для устройства музыкальных вечеров и спектаклей, как для усиления средств самого кружка, так и с разными благотворительными целями». Следом к этому параграфу дано целых 6 примечаний: «Примечание 1. Драматические представления допускаются в кружке не иначе, как с разрешения местного полицейского начальства; причем на сцене допускается только постановка пьес, разрешенных драматическою цензурою при Главном управлении по делам печати, и без всяких отступлений от дозволенных цензурою оригиналов. Примечание 2. При исполнении на сцене рассказов, стихотворений, куплетов и т. п. должно быть каждый раз испрашиваемо по установленному порядку разрешение Главного управления по делам печати или учебного округа по принадлежности. Примечание 3. Афиши пьес, поставленных на сцене, должны быть своевременно высылаемы в Главное управление по делам печати. Примечание 4. Для представителя полиции назначается соответствующее кресло в собрании на каждый спектакль или представление. Примечание 5. Музыкальные вечера, коль скоро они ограничиваются исполнением музыкальных пьес (т. е. инструментальной музыки. — А. К.), изданных с подлежащего разрешения, могут быть устраиваемы без предварительного разрешения, но коль скоро предполагается музыкальное исполнение произведений, не изданных в печати, то таковые должны быть представляемы предварительно на рассмотрение местного цензурного учреждения или власти оное заменяющей. Примечание 6. Независимо от вышеизложенного, кружок обязан уведомлять своевременно местное полицейское начальство об устраиваемых им вечерних собраниях и вообще соблюдать общеустановленные и обычные по сему предмету правила» [15, 753–754].

Рамки четко и жестко очерчены для всех, в том числе и для участников кружка. Они регламентируются в § 24: «Каждый действительный член обязан заявить о том, в каких предприятиях кружка он может участвовать. Для таких заявлений имеется книга, в которую также вносятся и предложения членов об исполнении известных произведений, с точными обозначением имени автора, голосов, инструментов, тона и тому подобного». По-своему замечателен заключительный параграф, в котором определен статус режиссера: «§ 34. При музыкальном кружке может быть открыто и драматическое отделение, которое обязано

руководствоваться правилами настоящего устава, и в таком случае могут быть избраны, согласно с § 20, особые режиссеры, хранители гардероба и т. п.» [16, 774].

Появление музыкального кружка — один из этапов длительного процесса формирования музыкальной культуры в городе. Нынешние «Золотые маски», которые получает Екатеринбургский театр оперы и балета, имеют глубокую подпочву, о которой мы чаще всего даже и не подозреваем. На определенном этапе в городе задумываются о создании первой музыкальной школы: «Мы получили от знакомого местной публике по оперной труппе П. М. Медведева, артиста С. В. Гилева, письмо, в котором он сообщает нам о своем намерении открыть в Екатеринбурге музыкальную школу. Та симпатия к музыке, которую выказало екатеринбургское общество во время бытности здесь оперы, и то значительное... число членов, которое оказалось в здешнем музыкальном кружке с первого же времени его открытия, дают полное право предполагать, что новое предприятие г. Гилева будет встречено с общим сочувствием. Со своей стороны, мы приветствуем благие начинания молодого артиста и от души желаем ему полнейшего успеха» [11, 242].

Перелом в государственном управлении России, связанный с трагической гибелью императора Александра II и вступлением на престол Александра III, отразился и на сфере культуры (см.: [13, 131]).

Известно, что на время Рождественского и Великого постов театры в XIX в. не работали, поэтому новая информация о театральной жизни появилась лишь в конце мая 1881 г. В разделе «Хроника» было опубликовано сообщение о планах на следующий год антрепренера г. Надлера: «Спектакли начнутся 10 сентября; репертуар будет состоять из современных оригинальных комедий и драм, лучших переводных произведений, из опереток и водевилей с пением. Костюмы все новые и роскошные, по рисункам Импер. театров, деланные под наблюдением г-жи Морвиль. Декорации будут все новые. Театр отделяется в древнерусском стиле. Занавес будет изображать въезд Пожарского в Москву в 1618 г. Сени театра будут теплые, проведутся электрические звонки; устроится большое освещение. Г. Надлер предполагает сделать отдельные места для учащейся молодежи, с бесплатными местами для надзирателей или воспитателей (зачем?). По праздникам он будет устраивать утренние спектакли по значительно уменьшенным ценам, причем будут ставиться лучшие оригинальные произведения (Гоголь, Островский, Потехин, Писемский и др.). В течение зимы будут маскарады с роскошной иллюминацией, собственно для этого заказанной в Москве. На маскарадах будет электрическое освещение, фонтан, дивертисменты, шествия, живые картины и проч. Будет устроен абонемент с значительной уступкой. <...> Как читатели видят, посулов много; сбудется ли все обещанное и в какой степени, — вопрос будущего» [17, 280].

В сентябрьском номере газеты за 1881 г. появилось сообщение: «15 числа этого месяца дано было первое театральное представление труппою русских драматических актеров: шла драма “Ветерок”, с французского, и водевиль “Кутерьма 1-го апреля”. Соскучившаяся без зрелищ публика нахлынула в театр и наполнила собою все места» [3, 509]. С иронией передает автор заметки реакцию зрителей

на завершение спектакля: «Публика стремительно кинулась с своих мест. Все забегало, засуетилось; на ходу надеваются пальто, шубы и салопы; все устремляется к выходным дверям; свежий человек подумает, не пожар ли, но поживет и узнает, что того требует порядок, искони заведенный» [3, 509]. Репертуар труппы, о котором сообщает автор заметки, заставляет задуматься о преходящем и непреходящем в драматургии. Наряду с Островским и Гоголем ставились «Нищие духом», драма в 4 действиях, сочинение Н. А. Потехина, четырехактная комедия И. В. Шпажинского «Как ни быть, лишь бы жить». Театральная жизнь продолжалась.

У читателя, листающего страницы старых газет, в сознании невольно возникает известная фраза героини Чехова. Она звучит как голос людей из далекого прошлого: «Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас».

-
1. А. С. Екатеринбургская опера («Русалка» — Даргомыжского и «Роберт-Дьявол» — Мейербера) // Екатеринбургская неделя. 1879. № 16. С. 203–204.
 2. А. С. Екатеринбургская опера // Екатеринбургская неделя. 1879. № 20. С. 270.
 3. Б. Наш театр // Екатеринбургская неделя. 1881. № 38. С. 509.
 4. *Глубоко тронутый зритель*. Спектакль 3-го сентября // Екатеринбургская неделя. 1879. № 9. С. 104.
 5. Екатеринбургская опера. «Первый блин — да и комом!» // Екатеринбургская неделя. 1879. № 15. С. 189–190.
 6. Екатеринбургский музыкальный кружок // Екатеринбургская неделя. 1880. № 41. С. 656.
 7. Екатеринбургский театр // Екатеринбургская неделя. 1879. № 14. С. 174–175.
 8. *Зритель*. Открытое письмо режиссеру оперной труппы г. Медведева // Екатеринбургская неделя. 1879. № 17. С. 221.
 9. *Клепичи Н.* Отчет по спектаклю любителей 27 апреля 1880 г. // Екатеринбургская неделя. 1880. № 18. С. 298.
 10. Новое помещение для театра // Екатеринбургская неделя. 1879. № 10. С. 113.
 11. Предполагаемая музыкальная школа // Екатеринбургская неделя. 1881. № 17. С. 242.
 12. Театр Казанцевых // Екатеринбургская неделя. 1881. № 5. С. 79.
 13. Телеграмма Международного телеграфного агентства // Екатеринбургская неделя. 1881. № 9. С. 131.
 14. *Тиме Г.* [Б. н.] // Екатеринбургская неделя. 1879. № 16. С. 204.
 15. Устав Екатеринбургского музыкального кружка // Екатеринбургская неделя. 1880. № 47. С. 753–754.
 16. Устав Екатеринбургского музыкального кружка (окончание) // Екатеринбургская неделя. 1880. № 48. С. 774.
 17. Хроника // Екатеринбургская неделя. 1881. № 20. С. 280.
 18. *Suit sui que*. Штрихи общественной жизни // Екатеринбургская неделя. 1879. № 1. С. 7.
 19. X. S. Театральные новости // Екатеринбургская неделя. 1880. № 4. С. 59.

Статья поступила в редакцию 18.12.2018 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

УДК 070.11 + 7.01 + 316.77

М. А. Мясникова

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖУРНАЛИСТИКИ

Рец. на кн.: Эстетика журналистики / А. И. Беленький [и др] ; под ред. М. А. Бережной. СПб. : Алетейя, 2018. 252 с. : ил. (Петерб. шк. журналистики и массовых коммуникаций)

Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Эстетика журналистики» (2018), в которой впервые комплексно очерчена проблемно-тематическая область эстетики журналистики и представлены различные эстетические практики в текстах СМИ и экранной документалистике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эстетика; журналистика; массовые коммуникации; экранная документалистика; концепции; методологии; медиаисследования.

В 2018 г. в издательстве «Алетейя» в Санкт-Петербурге в серии «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций» вышла коллективная монография «Эстетика журналистики», созданная учеными и преподавателями Санкт-Петербургского государственного университета, при участии исследователей Высшей школы экономики, под редакцией доктора филологических наук, профессора М. А. Бережной. Авторы поставили перед собой задачи очертить проблемно-тематическую область эстетики журналистики, предложить научные подходы к изучению данного ответвления теории журналистики, представить эстетические практики, связанные с разнообразными и одновременными журналистскими текстами, располагающимися в печатных и электронных СМИ, а также текстами, существующими в пространстве экранной документалистики и кинопублицистики.

Обращение к изучению эстетики журналистики как особой отрасли научного знания представляется сегодня весьма актуальным и своевременным. Об этом

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

© Мясникова М. А., 2019

пишут и сами авторы рецензируемой книги, справедливо указывая на то, что интерес исследователей и практиков к эстетическим ресурсам журналистского произведения в последнее время заметно растет, что определяется целым рядом обстоятельств, которые М. А. Бережная раскрывает в главе 1.1 «Эстетика журналистики как область теоретического осмысления» в первом разделе, озаглавленном «Эстетика журналистики: поле исследования». Сегодня активно развиваются новые технологии, а это ведет к расширению спектра выразительных средств журналистики. Рядом с последней, смещая представления о специфике ее произведений, существуют иные коммуникативные потоки и родственные специальности, чьи выразительные возможности также обогащаются. Применительно к телевидению, например, это проявляется в развитии параллельно с массово-коммуникативным направлением вещания (куда непосредственно входит журналистика) и таких составляющих телевизионного синкрета [2], как художественное, рекреативно-развлекательное, адаптивно-познавательное направления со всем спектром относящихся к ним программ (фильмов, телесериалов, литературных, театральных, музыкальных, игровых, зрелищных, шоу-форматов, а также передач, ориентированных на обучение, образование и просвещение). При этом журналистика и сама тяготеет к сближению внутри себя художественного и документального начал, активно осваивая творческие практики экранных искусств. Совершенно очевидно, что читательский и зрительский интерес к текстам СМИ сегодня обусловлен именно чувственной, эмоциональной, эстетизированной их подачей. Художественные приемы все активнее проникают в журналистику, осваивающую опыт иных коммуникативных потоков, существующих в едином медиaprостранстве.

М. А. Бережная ссылается на определение Т. М. Шатуновой, рассматривающей современные СМИ «как универсальное средство “эстетизации социальной реальности”, превращающее события общественной жизни в шоу, в артефакт» (с. 12). Действительно, люди на экране все чаще рядятся в не свойственные им одежды, депутаты несутся в канкане, телеведущие катаются на фигурных коньках. А реальные персонажи подменяются актерами. М. А. Бережная отмечает, что современная журналистика развивается в русле общих тенденций в эстетике, описываемых философами. Автор приводит наблюдение Н. Б. Маньковской: «Возвышенное заменено удивительным, трагическое — парадоксальным. “Приручение” безобразного посредством эстетизации привело к размыванию его отличительных признаков. Центральное место заняло комическое в форме иронизма...» [4, 7]. Сегодня все чаще появляются исследования, в которых указывается на ослабление доли документальности в медиатекстах и на субъективизацию медиаконтента, на подмену фактов образами, информации — эмоциями и вытеснение журналистики искусством и развлечением. «Журналистика утрачивает декларируемые ею качественные характеристики профессии и начинает рассматриваться вне своего социального функционирования, но в аспекте художественной выразительности», — пишет М. А. Бережная (с. 14).

А между тем эстетическое и художественное следует все же различать. Ведь сфера эстетического выходит за рамки художественного содержания, ибо

первое захватывает и жизненную реальность. А сфера художественного выходит за рамки эстетического, так как художественное содержание не ограничивает себя только воспроизведением красоты жизни, к чему чаще всего сводят эстетику, рассматривая ее как «философию прекрасного», а не как изначально созданную Баумгартеном «теорию чувственного восприятия». И в журналистике следует отыскивать именно эстетический потенциал, что и предлагают делать авторы рецензируемой монографии. В той же главе М. А. Бережная подробно описывает систему координат исследуемой области, в которую встраиваются категории эстетики: координаты злободневности, реальности, социального функционирования, адресности, тиражирования и вездесущности. В итоге делается вывод о том, что любое журналистское произведение имеет в своей основе эстетическую природу, строится в том числе и по эстетическим канонам и может рассматриваться «как фрагмент общего эстетического пространства современной культуры» (с. 35).

В главе 1.2 «Трансформации журналистской деятельности в контексте культурных и коммуникативных практик» два профессора ВШЭ — доктор культурологии А. А. Новикова и кандидат филологических наук И. В. Кирия, характеризуя этапы развития иммерсивности в журналистике, описывают современные приемы эстетического воздействия журналистики на аудиторию, в частности, приемы инфотейнмента, что сближает журналистику со зрелищными искусствами и экосистемой развлечений.

Во втором разделе «Концепции и методологии в эстетике журналистики», состоящем из шести глав, раскрываются концептуальные и методологические подходы к исследованию эстетики журналистики. В главе 2.1 профессор СПбГУ Б. Я. Мисонжников рассматривает понятие «эстезис» журналистского текста как герменевтическую категорию, т. е. категорию, способствующую толкованию текстов. «Эстезис», по М. Маффесоли, есть «тотальная и коллективная эстетизация жизненного мира» [1, 274]. В последнее время это понятие открывается заново как «способность к чувственному восприятию, чувствительность и сам процесс чувственного восприятия» — цитирует М. В. Тлостанову Б. Я. Мисонжников (с. 58). Исследователь описывает здесь инструменты эстетической идентификации текста и уровни восприятия текстовых компонентов.

Следующие главы второго раздела также касаются проблемы эстетической идентичности, процессов эстетизации и особенностей восприятия разнообразных журналистских текстов. При этом подчеркивается подчиненность процессов текстопорождения определенным требованиям. В главе 2.2 профессор СПбГУ Н. С. Цветова анализирует речевую форму журналистского текста, раскрывает уровни и принципы эстетического конструирования медиатекста. Первый авторский уровень связан со смысловой структурой журналистского текста, второй — с речевой компетентностью адресанта, третий — с тестированием текста адресатом. То есть эстетизация медиатекста осуществляется на всех этапах процесса текстопорождения и подчиняется традиционным эстетическим и этическим нормам и принципам. В главе 2.3 доцент СПбГУ А. А. Пронин и доцент Балашовского института — филиала Саратовского госуниверситета Л. В. Комуцци пишут об эстетике публицистического нарратива. Причем они касаются здесь одного

из самых обсуждаемых сегодня видов литературы — «нарративной литературы факта» и шире — «литературы нон-фикшн», сочетающей в себе публицистику и журналистскую прозу, основными приемами эстетизации которой являются драматически выстроенный сюжет, диалогическая структура композиции, художественный стиль, подробное описание сцен, деталей и портретов, идейно-моральная авторская оценка и длительность повествования. В последующих главах второго раздела ставится проблема визуализации в журналистике: в главе 2.4 — на примере русской дореволюционной периодики (автор — доцент СПбГУ Е. С. Сони́на), в главе 2.5 — на материале фотографического контента в СМИ (автор — фотожурналист и преподаватель СПбГУ А. И. Беленький). А в главе 2.6 изучается эстетизация аудиовизуальной (телевизионной) журналистики (автор — профессор СПбГУ В. Ф. Познин). Причем, как и в предыдущих главах, здесь рассматриваются проблемы влияния технологий на эстетические практики журналистики и восприятия готовых продуктов, не всегда, кстати сказать, вызывающих доверие потребителей в плане их достоверности.

Третий раздел монографии озаглавлен «Эстетические практики журналистики». В нем рассматриваются художественные журналы Серебряного века как эстетический феномен (автор — профессор СПбГУ Е. А. Каверина), категория времени в экранной документалистике (автор — профессор В. Ф. Познин), феномен телесности в публицистическом кинонарративе (авторы — доценты А. А. Пронин и Л. В. Кому́цци), эстетика повседневности в тележурналистике (авторы — М. А. Бережная и доцент СПбГУ Е. П. Почкай).

Этот раздел содержит интереснейший визуальный и фактический материал: образцы оформления журнальных статей, фронтисписов, обложек, иллюстрации к тем или иным публикациям, виньетки как дополнения к авторскому содержанию, все вместе дающие представление о журнале как о форме социального «письма», пропитанной культурными ценностями (с. 206). Что касается эстетических практик представления времени в аудиовизуальной журналистике, то они, как пишет В. Ф. Познин, «соотносятся с задачами жанра, техническими возможностями современного оборудования, потребностями аудитории, творческими концепциями авторов» (с. 207). Ученый подкрепляет свои размышления о документальных образах и драматургии времени примерами фильмов отечественных и зарубежных документалистов, в частности, Майи Меркель, Майкла Эптеда, Сергея Мирошниченко, Игоря Шадхана и Светланы Волошиной, Роберта Уинстона и Никиты Михалкова, применявших метод длительного наблюдения.

Первый отечественный исследователь телевидения В. С. Саппак [3] когда-то усматривал черты искусства в самом наблюдении, в уникальной способности поднять до высокой степени образности схваченный в момент свершения факт наконец-то в присутствии живого человека на экране. Он трактовал в эстетическом ключе особые коммуникативные свойства телевидения, вытекающие из его технических возможностей. Указывал на присутствие в изучаемом феномене, наряду с художественными элементами, и внеэстетических начал, таких как документальность, эффект присутствия, «абсолютный слух на правду», особое качество достоверности, способность экрана демаскировать ложь, наличие так

называемой «дистанции доверия». Объект телеизображения реален, эстетизировано благодаря экранному изображению наше отношение к нему. Причем эта эстетически организованная реальность способна оставаться верной самой себе. А. А. Пронин и Л. В. Коцуцци завершают свою главу о феномене телесности в публицистическом нарративе, мыслью о том, что «эстетизация “реального тела” в публицистическом кинотексте осуществляется» в соответствии с «нарративным умением» автора (с. 228). А чуть выше в той же главе они говорят об особой когнитивной и эстетической категории — метонимической силе нарратива, действие которой «основано на способности зрителя “входить” в мир фильма, воспринимать его эстетическую цельность посредством *сопереживания* событиям экранной истории» (с. 217).

В. С. Саптак улавливал связи телевидения с жизнью и в широком, и в узком, даже бытовом, значении слова, вскрывая не только социальную и документальную, но и сугубо утилитарную его сущность. С этими мыслями исследователя перекликается и заключительная глава третьего раздела монографии, озаглавленная «Эстетика повседневности в тележурналистике», где авторы «указывают на сближение эстетики двух направлений в этом тематическом поле — социальной журналистики и так называемой служебной (сервисной, потребительской)» (с. 9), приводя примеры современных телепрограмм, основанных на эстетизации вещей, тела, внешнего облика человека и окружающего его пространства. «Телевидение аккумулирует, сохраняет и распространяет (транслирует), а порой и создает эстетические эталоны обыденного. <...> Вместе с тем ориентация на красивые позитивные решения <...> не приводит к пониманию реальности во всем ее многообразии» (с. 249). Об этом также стоит думать.

Большое достоинство рецензируемой монографии состоит в том, что она рассматривает исследуемую проблему с разных сторон, не давая окончательных ответов. Их еще надо искать. «Эстетическая феноменология журналистики дает неисчислимо количество поводов для исследования, которые будут... дополнять и расширять наше представление о предметном и проблемном поле эстетики журналистики. Этот коллективный труд будет способствовать соединению разрозненных наблюдений и исследований на необычайно многообразном и увлекательном направлении научного осмысления современной журналистики», — справедливо заключают авторы (с. 9). И с этим, безусловно, стоит согласиться, поздравив петербургских ученых с выходом в свет столь умной и полезной книги.

1. *Маффесоли М.* Околдованность мира, или Божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС / пер. с фр. И. И. Звонаревой. М., 1991. С. 274–283.

2. *Мясникова М. А.* Морфологический анализ современного российского телевидения. Екатеринбург, 2010. 320 с.

3. *Саптак В. С.* Телевидение и мы. М., 1963. 182 с.

4. Эстетика на переломе культурных традиций / отв. ред. Н. Б. Маньковская. М., 2002. 237 с.

ЮБИЛЕИ

ПРОФЕССОРУ ЛЮДМИЛЕ МИХАЙЛОВНЕ МАЙДАНОВОЙ ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ

С Людмилой Михайловной Майдановой мы познакомились в далеком теперь уже 1989-м. Я поступал на факультет журналистики уже в достаточно зрелом возрасте. Будучи заместителем редактора армейской газеты, в какой-то момент ощутил острую нехватку знаний, не позволявшую мне, выпускнику военного училища, развиваться в профессии. Имя Людмилы Михайловны Майдановой, автора знаменитого «майданника» — настольной книги студентов нескольких вузов, было окружено легендами, каждая из которых так или иначе обыгрывала огромный авторитет заведующей кафедрой русского языка и стилистики.

Заочка журфака в те времена собирала под свои знамена уже состоявшихся редакторов и корреспондентов. Среди нас были победители всероссийских и всесоюзных конкурсов, люди со значительным профессиональным опытом, и чем-то удивить эту журналистскую братию было весьма трудно, но Людмила Михайловна умела поразительным образом внушить уважение и удерживать внимание с первой минуты занятий до последней. Мы не знали тогда о многих научных достижениях нашего преподавателя, однако, что называется, сердцем чувствовали, что имеем дело с личностью большого масштаба, а потому принципиальность профессора Майдановой, добивавшейся от нас знаний, не тяготила, а скорее подталкивала к сидению над учебниками и критическому отношению к собственным публикациям.

Я был невероятно горд, когда Людмила Михайловна попросила разрешения использовать в своем учебном пособии один из моих репортажей из постсоветского Узбекистана, опубликованный в журнале «Советский воин». И даже не то чтобы горд, а счастлив.

Кто бы знал тогда, что через несколько лет я, зарекавшись после окончания второго вуза снова садиться на учебную скамью, приду проситься к Майдановой в аспиранты. Но это случилось — и навсегда сделало меня учеником Людмилы Михайловны, раскрывшейся за четыре года работы над диссертацией с совершенно новых сторон.

Она не стеснялась воспитывать и выговаривать за ошибки, но я точно знал, что в решающий момент Майданова возьмет ручку с красными чернилами и начнет править и творить из моих скромных текстов что-то, видимое только ей одной. Людмиле Михайловне дано то, что дается одному на миллион, а может даже и реже. Она четко и сразу видит идею через нагромождение слов, она умеет объяснить эту идею даже тому, кому объяснить ее не так легко. Она заражает этой идеей и через день-два кажется, что это именно ты все сам разглядел и выразил в тексте. Она умеет смотреть на твои научные потуги иронично и очень по-доброму, как умеют смотреть только мудрые люди. И вести дорогой успеха.

Биография Людмилы Михайловны может уложиться в десять строк, а может не уложиться и в сотни. Во втором случае в ней будут присутствовать фамилии тех, кого она вывела в научную и педагогическую жизнь, и, конечно же, ее монографии, учебники и статьи. Профессор Майданова — незаурядный ученый, имя которого известно далеко за пределами Урала, непререкаемый авторитет в научном мире. Цитировать ее работы будет не одно поколение специалистов и студентов. У Людмилы Михайловны много профессиональных наград, но главная награда заключается в том, что огромное количество людей помнят про день ее рождения и набирают ее телефонный номер, чтобы сказать о своей любви к ней.

Учитель русского языка в России — всегда больше, чем просто учитель русского языка. Жизнь профессора Людмилы Михайловны Майдановой подтверждает эту истину самым убедительным образом.

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Voronenkova G. F., Turbin A. I.* The Russians and the Germans: Unforgiven War in the Newspapers, or How and Why Fake News is born.....5

The article discusses the concepts of “fake news” and “post-truth” in theoretical and practical terms; the author analyzes the origins of the negative image of Russia in the German print press, in the framework of the two aspects (psychological and historical) and looks into modern media formats created to combat “fake news”. The author concludes that the founder of the fake news concept was the father of the Reformation - Martin Luther.

On the basis of the rich factual material the authors showed historical origins of negative aspects in the coverage of events in the Soviet Union and Russia in the German mass media. Consequently, they also revealed a similar negative trend: the coverage of events in Germany in Soviet and then Russian media also suffered from the lack of completeness and objectivity.

K e y w o r d s: fake news; post truth; printed media in Germany; new media formats; dekode.org (“decoder”); the blogosphere; “gnosis” (dt. Gnosen).

- Gorina E. V., Kozlova D. A.* To the Problem Statement: Transformation of the “Victory Day” Concept in Russian and Foreign Cinematography18

The article is devoted to the analysis of the “Victory day” concept transformation based on the content of the Russian and foreign cinema. The article describes some of the frames that form the concept, and the changes that were taking place during the three stages of military cinema development. According to the authors, the changes in the concept refer to the three main directions: a statement of disrespect for Victory Day and its main heroes — participants of the war; politicization of the concept and its inclusion in the foreign and domestic policy of the country; deheroisation of the Soviet soldier. According to the authors of the article, the transformation of the concept and its frames is partly explained by manipulative goals aimed at distorting the historical memory of nations.

K e y w o r d s: concept; “Victory Day” concept; frame; distortion of historical memory; communicative memory of nations; theory of conceptual integration; transformation of “Victory Day” concept.

- Yegorova L. G.* Modern Regional Media Discourse: Culture Themes on the Pages of the Crimean Printed Media30

The article is devoted to the regional media discourse formed by the print press of the Republic of Crimea regarding the process of cultural values transmission to the audience. The regional mass media forming local and general values may be regarded as a part of modern mass culture. The author points out that media texts on cultural theme, by means of which codes and values of traditional and elitist culture are transferred as well as readers’ everyday world is organized, have special role in the regional values agenda forming process. The empirical basis of the research is formed by the socio-political newspapers “Krymskaya Pravda” and “Krymskaya gazeta” media texts. The author points out that the reflection of the modern cultural processes is one of the most significant functions in journalists’ work since it promotes intellectual and moral education of the audience. Relying on the results of the content analysis, the author distinguishes the most representative micro themes that form cultural agenda in informational space of The Republic of Crimea. Cultural campaigns and events,

local cultural and art workers' achievements, cinema evolution, theater life are in the regional journalists' focus of attention. In addition, printed mass media often touch upon such subjects as historical and cultural objects reconstruction, historical issues, Crimean points of interest, cultural features of the Crimea nations etc. The author draws attention to the fact that coverage of cultural issues in newspapers varies greatly. Significant difference in genres and style of narration is marked out. Accordingly, the content analysis enables the conclusion that journalists' texts of the chosen subject irrespective of the newspaper display regional component, Crimea linking. Hence the thesis that journalists' texts in regional mass media inevitably display region development and existing cultural code specificity might be substantiated. The research revealed intensive reflection of cultural and moral values by regional mass media in order to draw the readers' attention to non-material side of life.

Key words: regional media discourse; the Republic of Crimea; mass media; culture; media text.

Shishparenok E. V. Transformation of Mechanisms of Journalistic Self-Regulation in the UK (The Ombudsman's Column of the "Guardian")37

The article deals with the modern trends in the development of journalism in the UK regulatory mechanisms: the Press Complaints Commission and Press Ombudsman. The research is focused on the column of "The Guardian". The important stages of the work of ombudsmen of the newspaper for 20 years are observed. The columns of the first readers' editor (Ian Mays) and today (Paul Chadwick) are compared regarding thematic and methodological aspects.

Key words: journalism; self-regulation; the press ombudsman; "The Guardian"; the complaint; responsibility.

Vikhoreva L. G. Travel Journalism as a Factor of Publicity of Tourist Practice47

The article characterizes the properties of public tourism practice and the role of travel journalism in the intellectualization of this practice. Its ability to optimize media field as media reality tourism practices is identified. We study the nature of the media space of travel journalism, its most important laws that ensure optimal interaction between those who produce, distribute and consume tourist information, including intellectual resources.

Key words: travel practice; travel media space; travel journalism; intellectualization; media picture; media reality.

Kablukov E. V. The Practices of Joseph Stalin's Cult of Personality construction in the Soviet Media Discourse56

The following practices of Joseph Stalin's cult of personality construction were detected and described: the persistent use of «the vozhd'» nomination; the reproduction of the cliched slogans glorifying the leader; the construction of the deified father image, close to every inhabitant of the country, yet at the same time immensely distant and endowed with an almost divine status. In addition, the contradiction between the hypertrophied image of Stalin in the media discourse and the absence of actual sensational events with direct participation of Stalin, that would demonstrate his extraordinary character traits is marked out.

Key words: Soviet discourse; discursive practices; media; cult of personality; Joseph Stalin.

Kiseleva Y. I. Specificity and Trends of Scientific Films67

In this article the author studies the specifics and trends in the development of current scientific films. The author analyzes the attitude of the viewers to such films and programs. The issue of the non-fiction films' status on television and movie screens is raised.

Key words: science popularization; popular science films; non-fiction cinema; problems of popular science films and television.

POETICS

Khadynskaya A. A. Ecphrasis in Early Lyrics of Georgy Shengeli78

The article is devoted to the research of ecphrasis in early lyrics of Georgy Shengeli, a joined the circle of "Moscow acmeists". The author reveals features of ecphrasical worldview of the poet, ensued from acmeist arrangements to which the poet gravitated: imaginary landscapes with allusions to well-known cultural texts, desire for experiences visualization, bright color imagery.

Key words: Georgy Shengeli; Moscow acmeism; acmeist poetry; ecphrasis. artistic synthesis; literary allusion.

CULTURE STUDIES

Simbirtseva N. A. Multimedia Text and Alternative Communication Practices88

Modern communication is focused on the special nature of building relationships with the consumer at the level of the text in the media environment. Multimedia text is created with a telecommunication technology, possesses a nonlinear narrative, organized by different-quality speech structures, visual and auditory fragments, color and sound solutions, static and dynamic images. Imprinting reality by means of media as a result of the person manifestation is a primary way of self-actualization in the visual practices of the 21st century; it is a narrative designed for non-linear perception. The development of critical thinking promotes the implementation of directed and meaningful activity in the process of professional formation and self-presentation regarding the modern informational environment.

K e y w o r d s: media text; multimedia text; image; communicative practices; self-actualization of the person; critical thinking.

Serebryakova E. G. Sixtiers: the Generation's Biography99

The author of the article explores the symbolic biography stages of the 1960s generation of the liberal Soviet intelligentsia, who called themselves 'the sixtiers'. The purpose of the article is to reveal the dynamics of the ideological position and typology of behavior of the sixtiers. The author characterizes the symbolic stages of the generation' life path and marks out the formation of non-conformism as one of the basic ideological and axiological principles.

K e y w o r d s: sixtier; liberal Soviet intelligentsia 1960–70s years; dissidents; non-conformism.

Dobreytsina L. E. EthnoCultural Politics in the Modern Urals in the Prescripts of the Regional Governments (Sverdlovsk Region and the KhMAO)106

The analysis of the documents, in which the Ural governments describes its policy toward the indigenous people's cultures is provided. In this respect, the Sverdlovsk region and the KhantyMansijsk Autonomous Okrug are compared. In the KhMAO programs, the theme of indigenous culture is always present, it is being elaborated in a comprehensive and up to date manner. In Sverdlovsk region, the support of the ethno cultural variety is declared on paper, however, in reality it is not fully represented in the developing projects.

K e y w o r d s: the Ural region; ethno cultural politics; ethno tourism; indigenous peoples.

Koryukina P. S. The Formation of EthnoCultural Tolerance By Means Of Media Education116

The article is devoted to the actual problem of harmonious development of tolerance and ethnic identity. The article analyzes the views of researchers on the content of the concepts of "tolerance", "ethnic identity". As a research task, the author has identified an attempt to assess the impact of media culture on the formation of ethnic tolerance. Special attention is paid to the approaches to the structure of ethnic tolerance in terms of interdisciplinary approach. The author considers media culture as a means of socialization and inculturation of a person through the elements of spiritual culture of ethnos. The article analyzes the resources of the Internet in the context of the formation of ethnic tolerance in relation to ethnic identity. Considerable attention is paid to the interactive functions of media culture.

K e y w o r d s: ethnos; tolerance; ethnic tolerance; media culture; media; ethnic identity.

Borisova I. Z. The Culture of Brittany and the Transformation of Cultural Identity in the Era of Globalization122

The author studies the issue cultural identity transformation. The object of the research is the Breton identity. The main goal of the research is to study the transformation of the Breton identity and its components at the present stage. In the framework of this analysis, various modifications of the Breton identity are considered: 1. "Damaged Identity" 2. "Identity of the Denying Properties" / "Negative Identity" 3. "The Breton identity of rebirth." The novelty of the study is related to the fact that it presents the description of the types of historically determined manifestations of cultural identity, which are determined by the cultural heritage and historical past of Brittany.

K e y w o r d s: Breton cultural identity; globalization; preservation of culture and language; cultural heritage; Brittany; language.

- Bystrova T. Y., Mazaev G. V.* When Architect Draws Monuments: March 1918 in the Works of S. V. Dombrovsky 130

The drawings corpus by the architect Sigismund Vladislavovich Dombrovsky (1883–1953), whose later work has formed a substantial part of the SverdlovskYekaterinburg urban space, is being examined. The authors reconstruct the sociocultural and emotional context of March 1918, when S. V. Dombrovsky created a large number of sketches of monuments to the fighters of the revolution and monumental “educational” objects before the appearance of the Leninist plan of monumental propaganda. The necessity of semiotic analysis of the architect’s iconography as a way of understanding the creative motives during the era of political and socioeconomic uncertainty is shown.

Key words: S. V. Dombrovsky; architect; architectural sketch; monument to the fighters of the Revolution; semantics of monumental art; neoclassicism.

- Shamanina T. S.* Woman’s Image in the Soviet Posters During the Time Period 1918–1939 139

The author discusses the main female images that were presented on the Soviet posters during the interwar period. In addition, the author analyzes how propaganda poster slogans corresponded to the real life of the Soviet woman at that time interval. Despite fair rhetoric in favor of liberating women from the former oppression regarding the patriarchal attitudes of the tsarist empire, the concept of women’s freedom was nevertheless defined not from the point of view of the woman herself, but from the standpoint of the state interests.

Key words: the interwar period; the propaganda poster; the image of a woman; the art of the USSR; gender policy.

PSYCHOLOGY

- Karapetyan L. V.* Predictors of Emotional and Personal Well-Being. Part 3: Negative Positive Predictors 145

Emotional and personal well-being is considered in the article as the base of the inner harmony of man, enabling him to evolve and function effectively. The negative predictors related to the inner world of man, and the outside world reflect the lowering of the well-being level. These predictors transmit negative attitudes towards various aspects of his life, interaction with the surrounding world and human beings. This group of disadvantage predictors includes representations of themselves as a pessimistic, unhappy and envious person.

Key words: emotional-personal well-being; negative predictors of well-being; pessimism; unhappiness; envy.

- Sergeyeva T. B., Ilchenko I. A.* Interrelation of Reflection and Crisis Experiences of Preschool Teachers at the Educational Centers with Different Work Experience 152

The article is devoted to the problem of interrelation between reflection and crisis transformations of preschool teachers of educational centers with different work experience. The study showed that regardless of the length of service, by the teachers who tend to reflect upon their professional life apply more efficiently approach while facing the crisis of achievement. Pronounced differences in the work of reflexive mechanisms depending on the length of service are found in the experience of the life-meaning crisis. Reflection of the experience of other people helps young teachers to cope with the crisis, while the experienced teachers contemplate their own professional life.

Key words: reflection; crisis; crisis experiences; teachers of the preschool educational organization; pedagogical experience.

- Muslimov R. R., Pecherkina A. A., Vedenkina I. P.* The Relationship of Psychological Protection of Adolescents with Different Types of Character Accentuations 160

The article presents the results of the study of the relationship of psychological defenses of adolescents with the type of character accentuation. Psychological protection is understood as such mental mechanism that helps to cope with the main affective processes and drives. Character accentuation is defined as an overly pronounced character trait that makes a teenager vulnerable to specific influences. The study is based on the R. Plutchik’s typology of the psychological defenses and K. Leonhard’s typology of accentuations of the character. According to the results of the study, the relationship of psychological defenses with certain types of character accentuations has been established. In particular there are links between the reactive formation and sticking, emotiveness, anxiety and exaltation; between substitution and excitability; between projection and jam; between compensation and dysthymia, emotiveness; between regressions and dysthymia, cyclotomy; between repression and exaltation;

between denial and demonstrativeness; between intellectualization and pedantry. The results of the study can be used to develop programs for the psychological support of adolescents.

K e y w o r d s: psychological defenses; character accentuations; adolescence.

Dorogina O. I., Hamova P. M., Hlystova E. V. Alexitimy Overcoming by the Dancing Therapy
Method in Persons with Neurotic Disorders 169

The article is devoted to the study of the possibilities of dance-movement therapy for overcoming alexithymia related to the people with neurotic disorders. The results of the theoretical analysis of the problem, generalized data of the nature of alexithymia and its effect on adaptation are presented. The mechanism of dance-motor therapy is considered from the standpoints of various authors. Experimental data prove the effectiveness of dance and movement therapy for solving the indicated problems and the possibility of its use both in inpatient and outpatient settings.

K e y w o r d s: alexithymia; neurotic disorders; dance therapy; training.

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Shuklina E. A. Trust Culture as a Form Factor of Network Interactions Between High Schools..... 174

The article touches upon one of the current issues: the relations between the trust culture in the educational sphere and the development of network interactions between the universities of the macro region (UFD). The conclusions made by the author are based on the ad-hoc research. The author discusses the relevance of integrated approach which is used to study the culture of trust as an integral part of managerial activity in higher education.

K e y w o r d s: trust; trust culture; higher education system; nonlinear model of education; network interaction.

URAL CONTEXT

Kubasov A. V. From the History of Theatrical Life of Ekaterinburg (1879–1881)..... 185

The article deals with one of the stages of development of provincial theater on the example of Ekaterinburg. Publications from the paper “Ekaterinburgskaya nedelya” (Ekaterinburg Weekly) have been used as research material. The period of 1879–1881 is characterized by the birth of cultural institutes which were destined to play an important role in the future theatrical life of the city. They included a musical society, as well as alternating companies of actors headed by different entrepreneurs. Newspaper publications form an idea about the character of the theatrical performances and the provincial audience’s response to them.

K e y w o r d s: history of provincial theater; Ekaterinburg; “Ekaterinburgskaya nedelya”.

BOOK REVIEWS

Myasnikova M. A. Aesthetic Potential of Journalism 193

Review of: The aesthetics of journalism / A. I. Belenky [et al]; by ed. M. A. Berezhnay. SPb.: Aletheya, 2018. 252 p., Ill. (Petersburg School of Journalism and Mass Communications).

The article is a review of a collective monograph published in 2018 by the St. Petersburg School of Journalism and Mass Communications at “Aleteya” Publishing House. For the first time, the problemthematic area of aesthetics of journalism is outlined comprehensively and presents various aesthetic practices regarding the texts of the media and screen documentaries.

K e y w o r d s: aesthetics; journalism; mass communications; screen documentaries; concepts; methodologies; media research.

ANNIVERSARIES

Professor Lyudmila Mikhailovna Maidanova is Turning 80 198

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2019. Т. 25
№ 1 (183)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чанаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.
Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Дата выхода в свет 28.02.2019. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,7. Усл. печ. л. 16,9. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 77.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал публикует статьи по двум отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.01. **Русская литература**, 10.01.10. **Журналистика**); 24.00.00. **Культурология** (24.00.01. **Теория и история культуры**, 24.00.03. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов**).
Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5—7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58—112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8—10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906—1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

12. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56—64.

13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расфигуровывают:

1. ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

2. РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru